

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЙ ИНСТИТУТ

УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ

Вопросы экономики, социологии, психологии и права

№ 11

Таллинн
2008

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЙ ИНСТИТУТ

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

№ 11

Главный редактор: В.И.Пароль

Редакционная коллегия: М.Бронштейн, Л.Голуб,
С.Горбачева, А.Красноглазов, А.Лаанемяэ, Т.Листопад,
И.Нелисоап, В.Немчинов, А.Пуру
.Таллинн 2008

УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ № 11. Вопросы экономики,
социологии, психологии и права/Главный редактор:
В.И.Пароль – Таллинн: СГИ 2008 год.

ISBN 9985-9634-6-6

Коллектив авторов, 2008-03-13

Подано в печать: 14.03.08
Отпечатано в типографии: AURA TRÜKK
Тираж 150 экз.

Содержание

Введение.....6

Статьи

В.И.Пароль Куда идет Россия?.....8

П.А Бейлинсон Личность преступника
извращенца.....27

Ю.М.Лившиц Об идее «Возвратного
права».....47

T.Toomsalu Eesti kaitsevägi – põhiseaduslike vastuolude
sõjatanner61

Т.Листопад, Е. Олейник Психологические аспекты
материнства90

N.D. Linde Emotional Image Branch in
Psychotherapy.....119

Е.Ю. Матвеева Интеллектуальные особенности
детей.....150

Э.Гамс Исследование качества преподавания
отдельных экономических дисциплин в
группах русскоговорящих студентов
.....158

Методика

<u>Ю.Келин</u> - Организационное нормирование и регламентирование (Методологические основы делегирования полномочий)	165
--	-----

Сообщения

<u>П.Бейлинсон</u> Поздравляем С.В.Горбачеву.....	170
---	-----

<u>В.Пароль</u> Краткая информация о пятой сессии международного общественного форума «Диалог цивилизаций» Форос (Греция), октябрь 2007 год.....	171
--	-----

<u>Н.Я. Лактионова</u> Россия – Беларусь: проблемы интеграции.....	176
--	-----

Введение

Очередной номер «Ученых записок» нашего академического общества отражает результаты научной деятельности профессорско-преподавательского состава Социально-Гуманитарного института за последние несколько месяцев. В соответствии с планами научно-исследовательской работы на ближайшие годы, до 2010 года преподаватели института занимаются разработкой следующих проблем:

- Глобальные проблемы мирового развития и место России и стран Балтии в данном процессе (руководитель профессор В.Пароль);
- Актуальные проблемы применения норм уголовного права в Эстонии (руководитель профессор П.Бейлинсон)
- Вопросы регулирования экономических и социальных отношений через механизм совершенствования норм гражданского права (руководитель профессор Ю.Лившиц);
- Вопросы социальной психологической адаптации населения Эстонии к реалиям европейского социального пространства (руководитель доцент Д.Листопад)
- Общетеоретические проблемы развития личности в современных условиях (руководитель доцент Е.Матвеева)

Исходя из реализации планов своих исследований преподаватели СГИ представили соответствующие материалы. Все они получили апробацию на соответствующих кафедрах, а также в виде ранее опубликованных журнально-монографических изданий. Здесь особенно следует отметить работу профессоров факультета правоведения П.Бейлинсона и Ю.Лившица.

К ним также примыкает публикация Т.Тоомсалу, посвященная эстонским силам безопасности и правовым аспектам в регулировании и в деятельности.

Целый ряд публикаций посвящен общесоциальным и социально-психологическим процессам в современной Эстонии (профессор Т.Листопад, Е.Матвеева, Н.Линде).

С учетом участия сотрудников СГИ на различных международных конференциях был подготовлен материал о пятой сессии международного форума «Диалог цивилизаций» в работе которого принял участие профессор В.Пароль, выступивший на секции, осуждавшей актуальные вопросы образования в современных условиях.

В рубрике «международные связи» выступает старший научный сотрудник института экономики РАН Н.Лактионова, которая касается вопросов взаимодействия интеграции России и Белоруссии.

В настоящее время редакционная коллегия «Ученых записок» рассматривает поступающие статьи в 12 номер «Ученых записок», которые выйдут в конце мая – начале июня текущего года.

Статьи

В.Пароль, профессор,
доктор философских наук.

Куда идет Россия?

В сознании жителей России и граждан сопредельных государств ответ на поставленный вопрос не вызывает сомнений: страна строит капиталистическое общество с акцентом на расширяющуюся демократию и социально ориентированную экономику. Однако многие социологи и политологи России, да и западных стран остаются на позициях умеренных пессимистов. Они считают, что Россия еще окончательно не определилась с целями своего развития. Нередко можно прочесть в солидных журналах: «Наша идеологическая сумятица поддерживается для того, чтобы Россия не стала современной цивилизационной страной... Почему наш президент не занимается идеологией?»¹

Такое суждение скорее всего исходит из необходимости формирования в РФ типичного западного общества с его идеологическими и моральными ценностями, а также регулируемой рыночной экономикой и демократическими институтами, в которых отражается соперничество различных социальных сил и представляющих их интересы партий. Указанный взгляд проповедует прозападная элитная интеллигенция, стремящаяся побыстрее узаконить свершившийся социально-экономический переворот.

Этой позиции противостоят центристские и патриотические силы. Первые отражают интересы бюрократической буржуазии, а также высшего

1 . Дондурей Д. Модернизировать массовое сознание//Мир перемен, 2007, №2 с.76

регионального чиновничества, а вторые – массовых групп населения. Указанные взгляды инициированы недоверием к западной политической линии. Она строилась, что признается объективными аналитиками американской стороны типа П.Швейцера, на желании ослабления СССР в том случае, если он «после Горбачева» вернется к курсу холодной войны, исходно оказался бы в невыгодной для себя ситуации.² Причем правящие круги США прекрасно понимали, что СССР отказался от конфронтационной политики в отношении Запада и прекратил поддержку недружелюбных ему режимов. Тем не менее, помощь шла в большей степени не Горбачеву, а его оппонентам справа. Даже Е.Т.Гайдар в своей книге предупреждает: «Мы должны сделать все, чтобы Россия не повторила судьбу СССР»³ Что это означает? Только одно – Россия должна проводить более прагматическую позицию, исходя из собственных интересов и осознавая сохраняющееся свое тяжелое положение в сфере экономики и социальной жизни.

Сошлемся хотя бы на стремительное постарение основных фондов, колоссальный разрыв в доходах между богатыми и бедными слоями населения (почти половина россиян живет в условиях нищеты), на пассивную социальную политику, поставившую систему социальной поддержки группам риска, а также учреждения образования и здравоохранения на уровень вымирания. Путин и его окружение сделали выводы из

2 . Загладин Н. Советская трагедия: ретроанализ катастрофы СССР//МЭиМо, 2007 №12 с. 93

3 . Гайдар Е.Т. Гибель империи Уроки для современной России//МЭиМо 2007, №12 с 97

уроков перестройки и радикальной реформации периода власти Ельцина.

В данном контексте Путин определил свою главную задачу на путях экономической и политической стабилизации России. Отсюда и вытекают его конкретные шаги. Были решены две проблемы - прекращен процесс распада страны и завершена война в Чечне. Поэтому утверждающаяся модель «мягкого авторитаризма» в наибольшей степени отвечает не только «национальным традициям и историческому опыту, но и нынешней политической обстановке».⁴ Здесь следует искать корень проблем взаимоотношений России и США. Многочисленные заявления ответственных руководителей имперской страны о том, что ряд государств СНГ и прежде всего РФ и Белоруссия, не достигли до так называемой цивилизационной демократии, ничего, кроме насмешки, не может вызвать. С.Коэн, известный американский политолог, совершенно прав, утверждая, что руководители США «когда дело касалось России ориентировались не на исторических или современных реалиях, а на антикоммунизме и обслуживающих его мифах»⁵. Сразу хотелось бы добавить относительно западной демократии: в ней немало проблем и конфликтных ситуаций, и она не эталон политической власти современно эпохи.

1. Эволюция социальной структуры российского общества

⁴ Итоги 20 лет Российской трансформацией//МЭиМО, 2005 №12, с.14

⁵ Загладин Н. Советская трагедия, ретроанализ катастрофы СССР, с 97

Социальная структура РФ, хотя и довольно быстро и преобразовалась с учетом утверждения капиталистических отношений, тем не менее сохраняет элементы предшествующего состояния. Одним из важнейших проявлений этого процесса является «болотность» или конформизм. Многие представители данной ориентации отдают предпочтение тем лидерам, которые добиваются государственной поддержки группам риска⁶. По мнению Н.Загладина, потребуется не менее 20-30 лет стабильного развития, «чтобы конформистское большинство превратилось в меньшинство»⁷. Тем самым окончательно завершится переходный период и сложится стабильное общество.

Следующим моментом, определяющим специфику социальной структуры России, стало широкое распространение маргинализации, которая порождает наиболее опасный слой – люмпенскую молодежь, проявляющую повышенную агрессивность в отношении общества и государства.

На что хотелось бы обратить внимание при таком взгляде на взаимоотношения социальной структуры и политической стабильности: в нем выносятся за скобки экономические и геополитические факторы. Первые так или иначе не только связаны с частной собственностью и рынком, что признают даже коммунисты, но и с преобразованием технологий в сфере услуг, с резким увеличением рабочих мест в образовании, здравоохранении, рекреации, с одной стороны, сужания занятости в публичном секторе при одновременно увеличении в семейном, где планируется сконцентрировать до трети занятого населения с другой.

⁶ Итоги 20 лет российских трансформаций с 9

⁷ Там же

В силу международного и регионального разделения труда требуется сохранить крупные предприятия, ориентированные на производство товаров, удовлетворяющих потребности населения всего мира или отдельных контингентов (или их частей). Не говоря уже о том, что такие предприятия выполняют задачи с учетом интересов отдельных стран или их регионов. Разумеется, тотальное планирование, мобилизационная экономика исчерпали себя накануне краха СССР, но не эти причины сыграли решающую роль в завершении социалистической эпохи в Европе. Во внутренних факторах развития вполне возможно было найти ресурсы для реформирования социалистических начал в большинстве ныне независимых государствах СНГ, но в этом не были заинтересованы местные элиты и центральная номенклатура. Именно эти силы по существу подготовили почву для ликвидации КПСС, без которой старая система не подлежала реформации. Одним словом, субъективный фактор сыграл определяющую роль в падении социализма.

Что касается геополитического фактора, то его роль сводилась к двум моментам:

- К давлению США через группы влияния на ситуацию в СССР и в других странах СЭВ;
- К сокращению ресурсов в связи с падением цен на нефть, которые мог выделять СССР в поддержку своих союзников по экономическим и военно-политическим организациям, а также на различных соглашениях, призванным стимулировать антикапиталистическое развитие в странах третьего мира

Таким образом, исчерпание прежней модели развития незаинтересованность правящих сил в центре и на местах в подлинной реформации системы,

эгоистические стремления США и их союзников создали благоприятные возможности для падения СССР.

Существует три основных варианта развития России и соответственно преобразование ее социальной структуры:

- Дальнейшее совершенствование капиталистических отношений в рамках самостоятельного развития и умеренного сближения с семеркой ведущих стран мира;
- Постепенное воссоздание СССР при сохранении капиталистических начал в экономических и социальных отношениях и интеграция с семеркой на более равноправных основах;
- Постепенное воссоздание СССР и создание нового мирового порядка, где, наряду с семеркой, займут достойное место Китай, Индия, Бразилия, Россия.

Каждый из представленных вариантов, естественно, сопряжен с решением неодинакового комплекса задач. В ближайшей перспективе, скорее всего, реально идти по первому варианту. Два других потребуют большего времени и более кардинальных изменений роли России в мировом сообществе.

Чтобы первая стратегия получила реализацию, необходимо обеспечить решение следующих задач:

- Повысить экономическую эффективность производства, которая явно не соответствует потребностям современного развития;
- Укрепить позиции России как мирового энергетического монополиста;
- Расширить значимость оборонной промышленности как для модернизации технической базы армии, так и как крупного

экспортера военной техники на мировые рынки, где ее доля составляет 36%⁸

- Существенно поднять среднюю зарплату работающего населения, которая составляет в настоящее время 360 дол. в месяц.⁹
- Особенно важно расширить вложения в развитие инновационных технологий, фундаментальную науку, придать динамику преобразованиям в ВУЗах, готовящих современные кадры специалистов;
- Снизить разрывы в экономическом и социальном развитии между регионами и на этой основе сбалансировать дотационную политику страны;
- Восстановить партнерские отношения с бывшими странами СЭВ;
- Преодолеть недоверие в контактах с «трудными» странами на пространстве СНГ и стран Балтии;
- Более активно влиять на стремление США и союзников установить диктат в международных отношениях с учетом своих интересов.

Выполнение программы минимума нацелено на повышение авторитета РФ на международной арене и на укрепление доверия населения к власти и лично к президенту России. Этот итог создает условия для выхода страны из кризиса. В ходе реализации данной программы произойдет поворот в развитии экономики и станет возможным говорить о становлении социальной структуры современного типа, где будут преобладать представители старого и нового топов

⁸ Загладин Н. Политика США в отношении России. Факторы формулирования и динамика: МЭиМо, 2007, №3, с 74

⁹ Дондурэй Д. Модернизировать массовое сознание с.80

среднего класса. Что касается представителей старого типа, то ими являются врачи массовых поликлиник, больниц, а также учителя общеобразовательных школ и большинство преподавателей прикладных ВУЗов. Сюда включаются же менеджеры и руководящий состав малых и средних по масштабу деятельности фирм, инженерно-технический персонал различных предприятий и учреждений, нацеленных на решение местных и региональных задач. В последнее время резко увеличилось количество маркетологов и консультантов по производственным, бытовым и финансовым вопросам. Все они, несомненно, включаются в число представителей нового среднего класса.

Относительно традиционных отрядов среднего класса существуют разноречивые оценки. В индустриальную эпоху, в том числе и послевоенное советское время, к этой категории относились представители среднего и частично низшего звена административного аппарата. В настоящее время, хотя этот слой увеличил свою численность, тем не менее его роль заметно снизилась под влиянием широкого развития компьютерной техники. Указанные изменения повлияли на уровень квалификации работников, где творческое начало снизило свой удельный вес, а традиционный исполнительский элемент, основанный на приобретении быстро усваиваемых навыков преобладает.

Вместе с тем произошла колоссальная дифференциация в положении продавцов. Опять-таки здесь сыграла свою роль компьютерная революция. В крупных торговых центрах продавец превратился в оператора, функции которого мало отличаются от обычного полуквалифицированного рабочего. И поэтому рассматривать этот контингент людей как

представителей среднего класса у нас нет никаких оснований. В совершенно других трудовых и жизненных условиях находится хозяин-продавец. Как правило, его трудовые функции требуют совершенно другой подготовки. Они включают в себя как элементы деятельности менеджера, маркетолога, управляющего по взаимоотношениям с партнерами по поставкам товаров так и продавца. Вот этот слой работников явно тяготеет к новому среднему классу. Одним словом, средний класс как фактор экономической и социальной стабилизации общества базируется на возможностях использования и предпринимательского потенциала людей и знаний, что типично для деятельности интеллигенции. В данном контексте характерно мнение известного социолога М.А. Шабановой, которая подчеркивает, что в рыночных предприятиях у россиян, относящихся к проблемам справедливости, предпринимательский доход не связывается с экономическим чутьем, оборотливостью, точностью расчетов при принятии решения, готовности к разному риску.¹⁰

Все это ведет к тому, что в массовом сознании россиян преобладает ориентация на материальное благополучие, наличие оплачиваемой работы и социальной безопасности, которая обеспечивается социальной поддержкой государства¹¹. Надеждой на самостоятельный бизнес охватывает не более 20-25% россиян. «Прогосударственное» настроение существенно повысилось в сознании массовых групп населения. Если в начале 90-х такой точки зрения

10 . Шабанова М.А. Проблема встраивания рынка в нерыночное общество. Социс, 2005, №12, с.35

11 Там же, с. 36

придерживались 65% опрошенных, то в начале нового века – 83-85%, тогда как в США – 33%, Германии – 47%, Норвегии – 47%, Норвегии – 60%.¹²

Демократия вообще и механизм проведения выборов в высшие органы государственной власти в частности имеет массу параметров измерения.

Наиболее распространенным вариантом является конкурентная процедура голосования. Её несомненное достоинство обычно увязывают с возможностями реального выбора кандидатов (в ходе определения состава парламента) или лица, олицетворяющего высшую исполнительную власть (в ходе президентских выборов). К сожалению, сложившаяся в советское время так называемая организованная демократия базировалась на господстве личной диктатуры внутри партии и государства, которая просуществовала в наиболее грубой форме в течение 20 лет (1933-1953). Правда следует учитывать то, что только в 15 странах Европы, США, доминионах Великобритании сложилась так называемая классическая западная демократия в довоенный период.

В советских же условиях после начавшегося процесса десталинизации сформировался партийно-коллективный авторитаризм, сохранивший свои доминирующие позиции до середины 80-х годов. После краха социализма в Европе в большинстве стран Восточной Европы (ЦВЕ) и СНГ сложилась типичная конкурентная демократия. Различия между странами ЦВЕ и СНГ в плане развития политических отношений довольно четко определились. Если в первой группе стран, как правило, к власти пришли оппозиционные силы, и система партий строилась на идеологических

¹² Там же, с. 39

основаниях, привязанных к электоральным предпочтениям населения, то во второй группе стран ситуация строилась на сохранении власти старой номенклатуры. Это обстоятельство обусловило становление специфической системы партий, где идеологический фактор не играет существенного значения. В странах СНГ доминирующей силой выступает партия власти, которая в зависимости от сложившегося баланса сил на политической арене, проводит курс, отвечающий интересам правящей элиты. В чем смысл критики функционирования институтов демократии в России со стороны западных стран?

Во-первых, о чем было сказано выше, правящие круги западных стран явно абсолютизируют возможности эффективной деятельности институтов демократии в передовых странах, в первую очередь в Западной Европе и США. Использование всех механизмов и процедур процессов демократии, сложившихся в этих странах, совершенно нереально в других политических и социокультурных условиях.

Во-вторых, в подавляющем большинстве стран третьего мира правящие круги осуществляют управление в режиме военной диктатуры, причем в Африке преобладает клановая система, и военные выражают интересы не столько всего общества, сколько отдельных племенных группировок.

Эти замечания детерминируют отношение многих стран СНГ, в том числе России, к критике мягкого авторитаризма, утверждающегося на обширном пространстве бывшего СССР. Нам хотелось бы отметить четыре момента, имеющих принципиальное значение:

- подавляющее большинство населения России поддерживает курс президента Путина и понимает

мотивы, которыми он руководствовался при выборе своего преемника;
- такое развитие политического процесса обеспечивает стабильность в РФ на ближайшую перспективу;

2. Имперское и национальное сознание как союзники и антиподы.

Раздумья о судьбе России, как правило, увязываются с традиционным сознанием, в котором закрепляется взаимоотношения между людьми на основе общечеловеческой морали добра милосердия справедливости. Западная жизненная философия и мораль строится на рационализме и протестантизме. Они и освящают естественное право человека, которое, по мысли Гегеля, «являет собой наличное бытие силы и придание решающего значения насилию».¹³ Внедрение с XII века норм римского права через деятельность университетов и католической церкви на многие века определило механизм регулирования имущественных и общечеловеческих отношений между отдельными личностями и группами людей. Оно во многом было усилено проведением в XVI веке реформаций. Все безумие российской перестройки базировалось на распространении сложной процедуры правового обеспечения рыночных отношений на совершенно другие реалии восточно- европейского сообщества. Результат не мог не быть негативным.

По этому поводу любопытное суждение высказывает С. Кара-Мурза, «Но ведь вполне возможен вариант, что хозяйство на бывшей нашей территории станет

¹³ Кара-Мурза С. Демонтаж народа. М: Алгоритм, 2007, с. 237

эффективным, но русского народа не будет». ¹⁴Знаменитый русский экономист, исследователь эволюции русского крестьянского хозяйства Чаянов установил, что переформенный период арендная плата за десятину земли в Воронежской губернии в начале XX века составляла 19,4 рубля, тогда как чистая доходность хозяйства 5,3 рубля. ¹⁵

Таким образом, русский крестьянин продолжал выращивать хлеб, тем самым обеспечивая население страны необходимыми благами, не получая реальной выгоды от своей деятельности. Выход из экономического тупика лежал на путях получения ипотечного банковского кредита, который закабалял на многие годы главного производителя России. При всех тяготах проведения модернизации в новое время, включая и восточные страны (Япония, Китай, Индия) проект осуществления реформ в 60-е годы XIX века был крайне тяжелым по сравнению с другими странами.

Уроки модернизации России в 20-30 годы и, разумеется, в перестроечное время показывают, что реформы «не отражающие национальную культуру или не соответствующие ей, не могут быть ни легитивными, ни стабильными, они либо видоизменяются, либо будут отвергнутыми теми народами, которым они навязываются». ¹⁶ «Жажда покоя убивает страсть душ, а потом идет, ухмыляясь, в погребальном шествии». ¹⁷ Но главное, что подталкивает к существенной коррекции политическую линию России, поведение западных стран и прежде всего США. Здесь четко прослеживается

¹⁴ Там же. С. 259

¹⁵ Там же. С. 271

¹⁶ Там же. С. 279

¹⁷ Джебран Дж. Великие мысли великих людей. С. 209

желание превратить Россию во второстепенную державу мирового сообщества. «По западническому сознанию, Россия «злостно не соответствует» стандарту реализации вершин потребительско-гедонистического типа. Поэтому это сознание ненавидит Россию. Завтра оно возненавидит весь мир».¹⁸ Это обусловлено тем, что наличных мировых ресурсов явно не хватает для обеспечения сносного существования $\frac{3}{4}$ населения земного шара. Отсюда тупиковая химеровая цель – превращение в Эльдорадо отдельно взятое атлантическое пространство, где проживает золотой миллиард человечества. Вот отсюда идут импульсы антихристианской ненависти презрения к России и странам третьего мира.

В сложившихся условиях опора на национальное сознание и разумный отход от политического, но не экономического альянса с семеркой становится во главу угла

2.1. Укрепление национального сознания как фактор возрождения России.

Бесперспективность западных ценностей либерализма переносимых без учета исторических и этно-социальных реалий в другие регионы становится очевидной для большинства объективных экспертов. В силу этих причин Россия одна, а при благоприятном раскладе будущих событий совместно с Китаем, Индией, Бразилией могут возглавить блок антизападных сил в интересах не только своих стран, но и подавляющего большинства человечества. Здесь важную роль принадлежит умеренному национализму российского типа.

¹⁸ Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире. М: Книга Алгоритм. 2003. с. 386-387

Что для него характерно? Какие его свойства будут играть решающую роль в борьбе за новый мировой порядок в рамках пятого территориального передела мира, который прогнозируется в течение 2010-2014 годов. Как известно, два первых передела проходили в ходе мировых войн. При последних в рамках локальных войн и политических компромиссов.

Первое его качество – это открытость, отсутствие серьезного сепаратистского начала, по существу оно не столько национально, сколько полиэтнично. Оно во многом смыкается с державной ментальностью. Такого настроения придерживались по данным социологических исследований в начале 90-х годов XX века, 82-90% советских людей».¹⁹ Второе качество национального сознания русских – жертвенность, стремление преодолеть экономические и социальные разрывы между народами одной страны.²⁰

Установив тем самым, по мысли Р. Арона, демократию равенства. Даже во времена «проклятого прошлого» императоры и правящая элита стремились учитывать интересы отдельных народов (в составе единого государства имелось царство Польское, Великое Княжество Финляндское, Хивинское и Бухарское эмираты и ряд других более мелких образований). Совершенно прав А. С. Панарин, который подчеркивает роль России в завершении колонизации Западом народов Востока. Она повернулась к народам Востока и остановила в конечном счете процесс мировой

¹⁹ Кара-Мурза С. Демонтаж народа. С. 552

²⁰ Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире. М: Книга Алгоритм. 2003. с. 170

колонизации».²¹Эту же линию проводил Сталин после гражданской войны, поддерживая и идя на союз со слабыми и гонимыми против сильных и наглых.

Третий элемент российского национального сознания связан с евразийством. Начиная с XVII столетия, русские люди осваивали обширные сибирские пространства, соединяя Европу и Азию в единое целое. В этой двуликости заключен глубокий смысл. Именно Россия благодаря своему геополитическому положению выступает центром ведущего континента земного шара. Под влиянием распада Союза видоизменились импульсы евразийства. Самые сильные удары по нему нанесли атлантисты. Они свелись к:

- «сужению поля европейского маневра в мире и привело к захвату Европы американскими гегемоном;
- закончилось преобладание славянства в культурном и политическом планах в Евразии.»²²

Раскрывая первые три черты национального сознания россиян мы не случайно сделали акцент на общекультурном и политическом основаниях, так как через них рельефнее можно выявить специфику воздействия народа на региональное и мировое сообщество. Относительно же двух других черт национального сознания следует сказать особо. Они касаются социально-психологического начала русской души. Здесь обычно выделяют нерациональность мышления и поведения, а также коллективизм – основа интеграции людей в малые и большие группы.

«Русский человек, жаден если грех корыстолюбия и стяжательства овладел его природой, не считает своей

21 Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире. М: Книга Алгоритм. 2003. с. 170

22 Там же. С. 344-34

собственностью священной. То, что европейскому буржуа представляется добродетелью, то русскому человеку - грехом»

В такой постановке вопроса о нерациональном мышлении и поведении россиян Н. Бердяев хочет подчеркнуть преобладание нематериальных мотивов в стремлении восточных славян. Как символ указанного проявления оно находит отражение в значимости общения вокруг распития чая из самовара. Поэт Борис Садовский писал: «Самовар – явление чисто русское, он вне понимания иностранцев. Русскому человеку в гуле и шепоте самовара чудятся с детства знакомые голоса, вздохи весеннего ветра, свист вьюги. Этих голосов в городском европейском кафе не слышно». Хотя, разумеется, самовар – это во многом отжившее явление, тем не менее, здесь важна не столько ритуальная атрибутика, сколько потребность в неделовом общении между людьми. И несмотря на то, что если формы контактов, несомненно, видоизменились, но потребность в них осталось. В западной традиции она имеет неизмеримо меньшее значение.

О коллективистской природе русского человека написано множество статей и книг. Если же раскрыть самую сердцевину этого качества русскости, то окажется, что оно выступает основой специфической цивилизации. Известный диссидент советской эпохи, штатный сотрудник радиостанции «Свобода» М. Назаров при всем своем антикоммунизме подчеркивает: «В коллективизме можно увидеть соборность и даже в просоциалистических симпатиях стремление к справедливости и антибуржуазности, как отказ от преобладания материалистических целей в жизни».

Все сказанное позволяет сделать вывод о наличии двух видов национализма: «гражданском», собирающем

племена и народы в большие нации, и национализм «этнический», разделяющий большие нации и народы.

2.2. Имперское сознание и его роль в преодолении кризисных процессов в России.

На протяжении, по крайней мере, трех-четырех веков, начиная с XVII в. интенсивно шел процесс сложения единого надэтнического целого, которое и привело к формированию уже при социализме советского народа как социально-политической общности при созрании отдельных наций, народностей, национальных групп.

В данном случае мы не собираемся касаться исторических проблем, важнее выйти на понимание общих методологических принципов формирования социально-политических общностей, опирающихся на конструктивное взаимодействие различных народов, проживающих в рамках единого государства. Здесь центральной проблемой выступает смягчение национального фактора сопоставление с ролью социально-политических импульсов развития.

Воссоздание имперского сознания требует определенной гибкости. Необходимо центральной власти находить компромисс не только с региональными элитами и кланами внутри страны, но и с правящими кругами независимых государств бывшего СССР, т.к. неизменно идет процесс, хотя и крайне медленно, формирование нового вида федерализма на постсоветском пространстве. По представлениям российских политологов, «советская система управления сочетала в себе два типа организаций: общенациональные экстерриториальные отраслевые министерства и ведомства...»;

Многоуровневые территориальные подразделения коммунистической партии, отвечавшие за положения дел в конкретных регионах»²³

Отсюда вытекала последовательная линия борьбы центрального руководства страны как с «местничеством», так и с «ведомственностью».

В современных условиях выдвигания на первый план имперского сознания приводит в известной степени к обострению отношений с США. Это обусловлено, с одной стороны, тем, что Россия рассматривает себя как естественный лидер на региональном пространстве бывшего СССР (США считает такое стремление неоправданным). Вместе с тем – с другой – «борьба с терроризмом создала почву для Российско-Американского сотрудничества на постсоветской пространстве.»²⁴ Ныне утвердившаяся установка власти на «борьбу по правилам» создает благоприятные условия не только для стабилизации общественных процессов в России, но и для мер по подготовке интеграции независимых государств СНГ вокруг решения назревших проблем экономического и социального развития переходного мира.

В ближайшее время вновь в России станет вопрос о необходимости серьезных решений, который потребует «формирование новых политических сил и создание условий для осуществления перемен»²⁵. В свое время Горбачеву не хватило сил, не времени. Хватит ли их новым руководителям России?

²³ Гельман В.Я. Из огня да в полымя?//Полис, 2007 « 2 с.87

²⁴ Завелев, Троицкий Семиотика американо-российских отношений//МЭиМО 2007, №1 с.13

²⁵ Пантик И.К. Нереализованные возможности//Полис 2007 № 6 с.173

Профессор Павел Бейлинсон
Социально-гуманитарный институт

Личность преступника-сексуального извращенца
(психолого-криминологический портрет)

Общее понятие Терминологическое понятие *личность* происходит от слова «лик», «лицо». Впервые это понятие было предложено Н.М. Карамзиным.²⁶ Под этим термином подразумевается человек, способный к общению, интеллектуальному и нравственному совершенствованию. В понимании С.Л. Рубинштейна личность – это основная психологическая категория, определяемая через триединство: чего хочет человек, что для него имеет привлекательность (так называемая направленность как мотивационно-потребностная система личности – ценности, установки, идеалы); что может человек (его способности, дарования) и, наконец, что есть он сам (какие из тенденций, установок и способов поведения закрепились в его характере). В этом триединстве непротиворечиво соединены и динамические характеристики личности – (его направленность, мотивы), и его устойчивые качества (характер и способности).²⁷

В криминологической и психологической литературе существует много определений общего понятия личности. Необычайное разнообразие этих понятий свидетельствует о большом интересе к данному объекту исследования и, вместе с тем,

²⁶ .Сов. энциклопедический словарь. Гл.ред. А.М. Прохоров. Изд. «Энциклопедия». М., 1981, с. 550.

²⁷ Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М. 1946. с. 656.

показывает, что ещё до конца не решён вопрос о выработке принципов, критериев отбора характеристик, с помощью которых с достаточной полнотой и научностью можно было бы определить феномен личности.

Представляется, что общая научная характеристика личности может быть достигнута, если в разветвленной сети научных дисциплин, изучающих человека, выделить разные уровни системно-структурной организации этого сложнейшего явления, и определить, какой из этих уровней относится к компетенции той или иной конкретной науки. Конечно, это вовсе не означает, что данные одной отрасли науки не могут и не должны использоваться при исследовании личности в другой отрасли научных знаний. Однако это не снимает требования не подменять это понятие одно другим.

Понятие личности взаимодействует с понятием человека. Понятие человека – это самое широкое понятие для обозначения субъекта деятельности, познания и общения. Человек – это живое существо, обладающее членораздельной речью и сознанием, способное создавать орудия и пользоваться ими в процессе общественного труда. Будучи высшим продуктом природы, человек, вместе с тем, является уже не только природным биологическим существом. Он – существо биосоциальное. Более точно специфические особенности человека, включающие особые признаки его физического развития, унаследованные биологические признаки, психические черты, приобретённые в процессе индивидуального развития, развившиеся в определённых условиях социальные свойства, определяются понятием «индивидуальность личности».

Понятие индивидуальности указывает на неповторимость, единичность признаков и их сочетания у отдельного человека. Индивидуальность – это совокупность особенностей, отличающая одного человека от другого, обладающая целостностью психофизиологической организации и наличием индивидуальных свойств, отличающих его от других представителей этого вида. Вместе с тем, вне общества индивид личностными качествами не обладает. Они присущи только личности и формируются в процессе деятельности и общения. Вне общества индивид располагает лишь природными предпосылками для того, чтобы, находясь в социальном окружении, развить в себе личностные качества и стать личностью. Личности присущи характерологические черты, психологические свойства, составляющие своеобразие человека, его отличие от других людей. Индивидуальность личности проявляется в свойствах её темперамента, особенностях эмоционально-волевой сферы, в способностях и в индивидуальном стиле деятельности, в качестве и интенсивности познавательных процессов – ощущений, восприятий, представлений, воображений, памяти, речи, мышления, внимании. В своей индивидуальности личность неповторима. Иными словами – индивидуальность человека есть одна из сторон его личности.

В самом общем виде личность определяется как *homo sapiens*, обладающая какими-то определёнными свойствами, качествами. Различия в психологическом и социологическом подходе к понятию личности начинают выявляться с того, какие качества и свойства выделяются в человеке, носителем которых он как личность является.

С социологических позиций в характеристике личности прежде всего подчёркивается её общественное содержание. В этом плане личность выступает как элемент общества, как совокупность типичных для данного общества отношений. Значит, личность – явление социальное. Многоплановость социального признака личности заключается в том, что личность есть продукт развития общества. Однако вместе с тем она является не только результатом исторического процесса, но и творцом истории.

Личность – это всегда индивид, но индивид не всегда является личностью. Для того, чтобы стать личностью, индивид должен развить в себе тот природный потенциал, который заложен в нем генетически. А это происходит только в условиях социальной общности, в процессе общения и деятельности, на основе реализации психологического принципа единства сознания и деятельности.

Представляется, что в определении личности как специфического объекта отдельных наук, в том числе – психологии, сексологии и криминологии, важно раскрыть, какие именно свойства и качества он включает в себя. Скажем, для чисто психологической характеристики личности её социологическое определение является отпавным, но не исчерпывающим и не отражающим её специфику. В условиях многообразия точек зрения на специфичность объекта психологического изучения личности важное значение приобретает мотивация её поведения.

Выбор мотивов поведения человека, определение его общественной позиции, отражение в его осознании объективных отношений, в которые он вступает, осуществляется сознанием. Поэтому изучение закономерностей возникновения и формирования

сознания составляет одну из важных задач при изучении психологии личности. Именно через изучение индивидуальных форм соотношений личностных свойств и качеств индивида психология приходит к выводу о психологической типологии личностей.

В широком смысле изучение феномена личности, её психических процессов заключается в том, что при таком изучении проявляется необходимость рассматривать процессы как форму деятельности человека, подчинённую определённым потребностям и мотивам и направленную на решение задач, имеющих для него определённое значение. Отсюда явствует, что при всех изменениях личности, связанных с накоплением ею жизненного опыта с его широтой и глубиной переживаний, характером знаний, умений, навыков и привычек, усвоенного мировоззрения и воспринятых норм поведения, - выделяются те особенности личности, которым свойственны относительная устойчивость, постоянство, придающие этой личности качественную определённость.²⁸

Одним из важных вопросов, относящихся к психологическим определениям личности, является вопрос о движущих силах, детерминирующих её поведение. Если мысленно провести границу между самыми существенными и общепринятыми положениями о движущих силах поведения личности, то, как представляется, эта граница проходит между биологическими и культуральными взглядами. Первые из них, основанные на фрейдистских позициях, исходит из врождённых, биологически обусловленных инстинктивных формах детерминации поведения. Культуральная же позиция исходит из того, что

²⁸ Лейкина Н.С. Личность преступника и уголовная ответственность. Изд. ЛГОЛУ. 1968, с. 47.

личность детерминируется общественными условиями. Но при этом игнорируются природные основы личности.

Известным синтезом этих двух крайних позиций – биологической и культуральной – является общепризнанная теория двух факторов психического развития личности. Основным смыслом теории двух факторов заключается в утверждении одновременного и равновесного влияния социальных условий на биологически детерминированную основу человека.²⁹

«Психические свойства индивидов, - писал С.Л. Рубинштейн, - формируются и развиваются внутри конкретных форм поведения в зависимости от них: возникая из потребностей поведения, новые формы психики в свою очередь обуславливают новые формы поведения.»³⁰

Проблема личности преступника вообще, в том числе и личности сексуального преступника-извращенца – в частности, относится к категории наиболее сложных проблем общественной науки в целом и криминологии – в частности.

Представляется, что криминологический структурный анализ личности сексуального преступника предполагает максимальный учёт индивидуальных особенностей психического характера, а также биологически обусловленные свойства людей находятся под определяющим влиянием социальных факторов.³¹ Авторы верно акцентировали

²⁹ Шорохова Е.В. Психологический аспект проблемы личности. В сб. «Теоретические проблемы психологии личности. Институт психологии АН СССР. Изд. «Наука». М., 1974, с. 3-33.

³⁰ Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М., 1973, с. 139.

³¹ Антонян Ю.М., Блувштейн Ю.Д. Методы моделирования в изучении преступника и преступного поведения. Изд. РИО Академии МВД СССР. М., 1974, с. 16-17.

внимание на том, что причиной совершения преступления, в том числе и полового, являются лишь социально приобретённые отрицательные черты личности. Что касается особенностей отдельных психических процессов, состояний и биологически обусловленных свойств, таких как темперамент, эмоции с их интегральными реакциями организма на воздействие факторов внешней и внутренней среды, результаты собственной деятельности, проявляющиеся в субъективных переживаниях той или иной модальности и интенсивности (ярость, страх, радость и др.), то при соответствующих благоприятствующих условиях они могут лишь способствовать действию этой причины.

Любое виновное деяние сексуальной направленности, являясь актом сознательной волевой человеческой деятельности, то есть человеческим поступком, в котором проявляется реакция индивида на конкретные условия внешней среды, не может быть оторвано от человеческой психики, от особенностей интеллектуальной, эмоциональной, волевой сферы данного индивида. Думается, что применительно к половым преступлениям далеко не последняя роль принадлежит как раз особенностям темперамента виновного, его эмоциональной и волевой сфере. Эти психологические явления несомненно играют существенную роль в совершении таких виновных деяний, которые, будучи в конечном итоге обусловлены антиобщественными взглядами и установками, вместе с тем связаны с действием тех или иных внешних раздражителей и возбудителей, неблагоприятной или, наоборот – благоприятствующей ситуации и т.д. и, следовательно, с реакцией индивида на эти обстоятельства (например, совершения изнасилования в

результате откровенно провоцирующего поведения потерпевшей женщины и т.д.).

Кстати, в психологической науке понятие темперамента определяют как совокупность индивидуальных свойств личности, связанных преимущественно с биологическими особенностями человека и характеризующих его со стороны динамики психологических процессов и эмоциональной возбудимости. Что касается важнейших показателей темперамента, то ими принято считать быстроту прохождения психических процессов: степень и глубину впечатлительности и возбудимости, постоянство или изменчивость переживаний, их направленность и внешнее выражение, отношение переживаний к поступкам и действиям и т.д. В то же время эмоциями и чувствами принято называть отражение в мозгу человека его реальных переживаний, то есть отношение субъекта потребностей к значимым для него объектам.

«Горячий» темперамент индивида, обуславливающий его излишнюю эмоциональность, несдержанность и отсутствие тормозных реакций при определённых ситуациях действительно могут способствовать совершению того или иного сексуального посягательства.

Эмоции присущи как людям, так и животным. Однако эмоции человека существенно отличаются от эмоций животных: они в известной степени преобразованы под влиянием социального опыта. Способность действовать сообразно своим желаниям делает человека полностью ответственным за свои поступки, и эта ответственность (в том числе правовая, применимая к гендерным отношениям) не может быть с него снята. Поэтому человек мыслящий, нормальный

не станет нарушать законов, принятых в обществе ему подобных.

Характеристика личности преступника-сексуального извращенца

Возникает закономерный вопрос: можно ли назвать личностью сексуального преступника-рецидивиста, скажем, систематически достигающего удовлетворения своего полового инстинкта насилием над потерпевшим, тем более – извращённым способом? Представляется, что на этот вопрос следует ответить следующими образом: в таком индивиде, обладающем яркой, но явно отрицательной индивидуальностью, безусловно происходит деградация признаков личности в нормальном её понимании. Попраение нравственных и морально-этических норм общества неминуемо ведёт такого индивида к регрессии личностного роста и снижению интеллектуального потенциала до минимума. И отсюда следует вывод: человек, деградировавший в своём развитии до самого низкого уровня, предумышленно совершающий, скажем, действия по недозволенному, в том числе насильственному удовлетворению своей половой страсти в извращённом виде, не останавливаясь для достижения преступной цели даже перед использованием в качестве жертв малолетних детей или не достигших совершеннолетия подростков, - несомненно имеет яркую индивидуальность, однако утрачивает признаки нормальной человеческой личности. И, наоборот, он приобретает личностные признаки сексуального преступника-извращенца, поскольку его предметная деятельность антиобщественна, противозаконна и преступна. Таким образом, он и интерпретируется в

особый социальный тип личности – личности сексуального преступника - извращенца.

Применительно к такой преступной личности, удовлетворяющей собственную половую страсть недозволенными извращёнными способами, следует, как представляется, прежде всего отнести такой его признак, который характеризует присущие ему искажённые ценностные ориентации, в частности:

- эмоциональное нарушение адаптивного отношения к требованиям закона об охране жизни, здоровья, сексуального самоопределения людей и, в первую очередь - половой неприкосновенности лиц детского и подросткового возраста;

- привычное отступление от нравственных и правовых императивов в области половых отношений;

- сознательное следование низменным побуждениям к удовлетворению своих половых потребностей извращёнными, в том числе насильственными способами;

Совокупность этих специфических черт для личности сексуального преступника-извращенца свидетельствует о том, что эта конкретная личность находится в открытом противоречии с обществом и его законными интересами, и представляет для него значительную и реальную опасность.

Следственно-судебная практика показывает, что отрицание или разрушение такой преступной личностью общественных социальных ценностей обычно не связано с его глубокими идейными побуждениями и установками. Более того, для сексуального извращенца, в том числе насильника, не характерно отрицательное отношение вообще ко всяким ценностям. Преступник этого типа, не восприняв ценностей общества, заполняет, или пытается заполнить

образовавшийся в его сознании вакуум иными, «своими» ценностями и собственными правилами поведения, но такими, которые открыто противоречат не воспринятым и не принятым нормам и ценностям общества в целом. Естественно, собственная система норм и ценностей, субъективно принятая при этом личностью сексуального преступника-извращенца, должна быть определена как псевдоценность, поскольку она не способна выполнять ценностно значимую положительную общественную функцию, являющуюся критерием действительной полезной ценности.

Таким образом, противоречие между ценностной ориентацией личности сексуального преступника-извращенца, в том числе – насильника, и ценностями общества в целом, является важной стороной психолого-криминологической характеристики преступника исследуемого типа. Это глобальное противоречие свидетельствует, с одной стороны, о дефективности отношений между личностью сексуального преступника-извращенца, насильника, и обществом в целом с его интересами, а с другой стороны – о реальности выполнения такой личностью специфической преступной роли – недозволенного удовлетворения своей половой страсти извращенным, в том числе насильственным способом.

Для понимания личности сексуального преступника-извращенца как социально-психологического явления, представляющего интерес и с криминологических позиций, необходимо так же уяснение его ролевой характеристики. Представляется, что ролевая характеристика такой преступной личности должна включать в себя: во-первых – сумму признаков, раскрывающих особенности его психологического облика, в том числе – присущие ему ценностные

ориентации; во-вторых, сумму признаков, характеризующих его преступную деятельность в качестве обобщённого способа антиобщественного поведения. Если особенности психического облика сексуального преступника-извращенца с его псевдоценностными ориентациями способствует уяснению понятия личности преступника этого типа как индивида, совершающего те или иные половые преступления извращёнными способами, то данные о его преступной деятельности с её характерными признаками недозволенного поведения свидетельствуют о преступлении как о ролевой функции или о ролевом поведении.

В ролевой характеристике сексуального преступника-извращенца концентрируется единство неприемлемых для общества ценностных ориентаций и представлений, а также иных социально-психологических и криминологических признаков преступного поведения. Взятая в ролевом ракурсе личность сексуального преступника-извращенца предстаёт как негативное по отношению к обществу социально-психологическое образование (роль), закономерно проявляющееся в способе преступной деятельности (ролевом поведении), для которой присущи такие свойства, как противоправность, вредоносность и наказуемость.³² Таким образом, личность сексуального преступника-извращенца как социально-ролевое явление противостоит обществу и нормативно регулируемой

³² См. Филимонов В.Д. Общественная опасность личности преступника. Томск, 1970, с. 17-18; Мельникова Э.Б. Личность преступника и индивидуализация уголовного наказания. //Сов.государство и право//. 1972, № 8, с. 106; Курашвили Г.К. Изучение следователем личности обвиняемого. Изд. «Юридическая литература». М., 1982, с. 7, 26, 31.

деятельности его субъектов. Именно в этом обнаруживается ещё одна из существенных сторон социально-психологической и криминологической характеристики личности преступника исследуемого типа.

Ролевые свойства сексуального преступника-извращенца в единстве с её ценностными ориентациями и отношениями являются показателями его социально-психологического и криминологического облика. С учётом психологических особенностей преступника этого типа они дают возможность раскрыть особенности социального и криминологического содержания его как личности, совершающей извращённые половые преступления.

Особое значение для характерологического портрета личности сексуального преступника-извращенца имеет его возрастной показатель. Это объясняется главным образом тем, что возраст личности преступника исследуемого типа является своеобразной мерой для оценки накопленных специфических свойств, среди которых определённое место занимают психологические черты и качества. Дело в том, что при изучении личности сексуального преступника-извращенца как типа надо принимать во внимание психологические особенности возраста, которые как бы наслаиваются на черты личности и придают им специфическую окраску - своеобразный возрастной фон. Психологические особенности возраста личности сексуального преступника-извращенца существенно влияют не только на мотивационно-целевую сторону преступной деятельности, но и на её предметную сторону, в частности – на извращённый способ совершения полового преступления, на половую принадлежность объекта сексуального посягательства,

его возрастные особенности, пристрастие к предметам-фетишам и т.д.

Следственно-судебная практика свидетельствует о том, что чаще всего половые преступления (в том числе связанные с сексуальными извращениями), совершают лица в возрасте от 25 до 29 лет, затем последовательно в убывающем порядке следуют возрастные категории лиц в возрасте от 18 до 24 лет, от 14 до 17 лет и от 30 до 40 лет. Значительно реже половые преступления совершают лица в возрасте 50 лет и старше. Наибольшая криминальная активность в совершении преступлений исследуемого вида наблюдается у лиц в возрасте до 24 лет.³³

Для молодых правонарушителей, тяготеющих к совершению половых преступлений, характерны узость и неразвитость общественных связей, бедность форм личностной деятельности и, в особенности – бессодержательность проведения досуга. Неразвитость форм общения и ограниченность связей, бедность видов деятельности коррелируется с бессодержательностью проведения свободного времени. Эти факторы являются показателями, которые органически связаны с неоформленностью важных положительных черт психологии личности. В социальном типе личности сексуального преступника-извращенца это закономерно проявляется в виде особенностей его духовного мира и, в частности, в наличии серьёзных изъянов в таких фундаментальных психологических показателях, как мировоззрение, идеалы, черты характера, воля. В то же время, при этом обращает на себя внимание довольно отчётливо выраженный интерес к сексу, к

³³ См. Криминология, учебник. Изд. Санкт-Петербургской академии МВД России, ред. В.Н.Бурлаков и В.П. Сальников. Санкт-Петербург, 1998. с. 129.

антиобщественным явлениям. При наличии гипертрофии квазиинтересов, несформированный интерес к положительным качествам жизни свидетельствует о серьёзных дефектах в ценностных ориентациях и волевых показателях личности преступника-извращенца. Для него наиболее характерны такие отрицательные черты, как неумение контролировать свои поступки, привычка к алкоголю и наркотикам, неразборчивость в сексуальных связях, озлобленность, бессердечность и мстительность. Наряду с этим у преступника исследуемого типа менее всего развиты такие положительные качества, как добросердечность, честность, уважение к нормам закона и правилам общежития, человеколюбие, чувство собственного достоинства, добропорядочность, сострадание и сочувствие чужой боли. Дефекты нравственного облика являются тем фактором, который облегчает и стимулирует формирование у сексуального преступника-извращенца вредоносных правовых представлений, оценок и суждений, правильных эмоций, чувств и т.п., то есть существенных дефектов в психологии правосознания личности.

Исследования криминологов показывают, что для психологии правосознания преступников исследуемой категории характерны поверхностность и односторонность правовых знаний, искажённость правовых оценок и суждений, негативизм и безразличие в восприятии правовых явлений, отсутствие глубоких переживаний, связанных с фактами сексуальных извращений (чаще всего – насильственных) и с нарушением закона. Вместе с тем, главной чертой в его личностной характеристике является негативное отношение к общественным правовым оценкам и суждениям, к правовым элементам общественного

мнения. Так, из числа изученных криминологами преступников этой категории до семидесяти процентов вообще не задумывались над правовой значимостью своих поступков и над той правовой реакцией, которую они вызовут в обществе.³⁴

Содержание мотивов виновных деяний, совершаемых преступником-сексуальным извращенцем

Под мотивом в психологии принято понимать то, что, являясь отражением окружающей человека действительности, побуждает его к активной деятельности и направляет эту деятельность на удовлетворение определённых потребностей. Иными словами, мотив человеческого поступка есть осознанное им побуждение. По форме проявления мотив представляет собой психическое явление, или внутреннее состояние личности, становящееся в определённых условиях побуждением к определённым поступкам.³⁵ Уже в середине прошлого века психологи не без оснований считали, что по своему содержанию мотив - это то объективное, в чём конкретизируется потребность в данных условиях и на что направляется деятельность человека.³⁶

Применительно к мотивации поведения личности преступника-сексуального извращенца, мотив, являясь побудителем его поступков, выражает его негативное отношение не только к интересам общества в целом, но и к общепринятым социальным ценностям, к

³⁴ Игошев К.Е. Типология личности преступника и мотивация преступного поведения. Изд. Горьковской ВШ МВД. Горький, 1974, с. 36-37.

³⁵ См. Платонов К.К. О системе психологии. М., 1972, с. 152.

³⁶ См. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М., 1959, с. 292.

сексуальным и здравоохранительным интересам каждого члена общества. Это негативное отношение личности преступника-сексуального извращенца обнаруживается как в непосредственных побуждениях к социально значимой деятельности, так и опосредованно – через сознательно поставленные цели удовлетворения собственной половой страсти извращённым способом, через принятие соответствующих решений и через выбор тех или иных вариантов поступков для достижения поставленной цели. Естественно, при этом личность сексуального извращенца определяет свою позицию относительно действующей системы общепринятых норм и санкций законов, предписывающих обязательность правомерного и морального выбора формы реализации своего мотива.³⁷

Преступления против сексуального самоопределения членов общества, а также против сексуального, психического и физического здоровья детей и подростков, есть такое мотивированное поведение личности сексуального извращенца, которое явно выходит за рамки уголовных законов, предусматривающих соответствующие санкции за их нарушение. Мотив здесь приобретает своё важнейшее юридическое значение в качестве обязательного субъективного признака, входящего в состав того или иного виновного деяния. Применительно к действующему наказательному праву Эстонии, эти виновные деяния предусмотрены в нормах статей Пенитенциарного (Наказательного) кодекса: ст. 145 (изнасилование, т.е. половое сношение с малолетним, не достигшим десятилетнего возраста, с использованием его состояния, когда у него не было возможности понимать происходящее по условиям, указанным в ст.

³⁷ Мальцев Г.В. Право и свобода личности. М., 1968, с. 52-59.

147 НК); 146 (вовлечение совершеннолетним лица, не достигшего четырнадцатилетнего возраста, в удовлетворение половой страсти способом, отличающимся от полового сношения); ч.1 ст.142 (насильственное, против воли потерпевшего удовлетворение половой страсти способом, отличающимся от полового сношения, либо с использованием его состояния, когда у него не было возможности оказать сопротивление насильнику или понимать происходящее); ч.2 ст.142 (те же насильственные сексуально-извращённые действия, совершённые в отношении лица, не достигшего совершеннолетия), и некоторые другие составы виновных деяний против несовершеннолетних (к примеру – 179 (сексуальное совращение малолетнего, не достигшего четырнадцатилетнего возраста)). Здесь закон прямо указывает на особенность мотивационной сферы, в которой непосредственно выражается противоправность деяния, опасность для членов общества, в том числе – для детей и подростков. В этих составах мотив и цель непосредственно подчёркивают специфику сексуально извращённого деяния, признают эти факторы такими побуждениями к преступному поведению, которые является его движущей силой, внутренним источником. Именно мотив и цель сексуального извращения выделяют его из других видов преступной деятельности.³⁸

Следует подчеркнуть, что мотивация преступного поведения сексуального извращенца получает свою конкретную определённость, психологическую форму и правовую значимость только в связи с конкретными условиями жизнедеятельности его личности, с

³⁸ Волков Б.С. Мотив и квалификация преступления. Изд. Казанского государственного университета. Казань, 1968, с. 7-16

конкретными ситуациями. Здесь ситуация может играть роль фона, на котором развёртывается преступная деятельность сексуального извращенца. Она может активно стимулировать процесс формирования у него побуждений к достижению удовлетворения половой страсти извращёнными способами, способствовать реализации прежних, довольно часто болезненных побуждений, возникших ранее, и т.д. В своей основе ситуация, в которой совершается сексуальное преступление, представляет собой совокупность воздействующих на личность конкретных условий и обстоятельств, непосредственно определяющих процесс превращения возможности совершения сексуального преступления в факт действительности.

Ситуативная установка на совершение извращённых сексуальных действий представляет собой противоправную форму реагирования личности извращенца на ситуацию. Сексуальный извращенец оказывается внутренне подготовленным к такому реагированию в силу укоренившейся в его личности установки на достижение половой удовлетворённости извращённым способом. Представляется, что основным доминирующим элементом такой установки является эмоциональное состояние готовности извращенца отреагировать определённым образом на сложившуюся ситуацию. При этом он сознательно стремится к достижению цели, к средствам и способам её осуществления. Особенность здесь заключается в том, что мотивация действий сексуального извращенца прямо отображает укоренившуюся в нём установку на получение полового удовлетворения именно извращённым способом, и поэтому практически не обнаруживает каких либо серьёзных противоречий с другими установками личности. Главное для него –

получить сексуальное удовлетворение, и при том – только извращённым способом, поскольку ни нормативный половой акт, совершаемый даже без насилия над личностью, ни насильственное половое сношение в биолого-физиологическом понимании его не удовлетворяют, и поэтому даже не являются его целью.

Ю.Лившиц

Доктор юридических наук,
профессор, СГИ

Об идее «Возвратного права»

На рубеже нынешнего и прошлого столетий сложилась целая плеяда авторов, - экономистов, социологов, криминологов, юристов - прямо или косвенно обосновывающих в своих трудах идею возвратного права.

Излагая их взгляды и формулируя свою позицию, российский доктор экономических наук и кандидат технических наук Б.А. Минин посвятил возвратному праву объемную монографию. Она, содержит критический анализ существующего положения в области правового регулирования и конструктивные, можно сказать – революционные, предложения, способные, как полагает автор, в случае их осуществления коренным образом изменить в лучшую сторону всю систему юридической ответственности и правосудия³⁹. В числе положений монографии, рассчитанной на освещение проблемы в общеправовом контексте, имеются и такие, которые относятся к

³⁹ См. Минин Б.А. Возвратное право:- правосудие, социальная безопасность и социальное развитие. Москва: Юриспруденция. 2007. 472 с.. Книга издана мизерным для России тиражом - 1000 экз. Вследствие этого она практически недоступна эстонскому читателю. Поэтому осмелюсь хотя бы кратко и фрагментарно изложить ее содержание, прибегая к частому цитированию.

наказанию за преступление. Обращу внимание, прежде всего, на этот аспект.

Автор исходит из предположения, что право (например, хеттское право), существовавшее до того, как сложилась система, созданная римскими юристами или более позднее право, не воспринявшее нормы римского права (российское - до Уложения 1649 года), было значительно экономичнее, результативнее и справедливее, чем то, что сделали древние римляне, и на чем основана современная континентальная правовая семья. Это касается в первую очередь вопросов юридической ответственности, в том числе и пенитенциарной. Отсюда предложение: вернуться к основам старого права, главной из которых был принцип имущественной возмездности за нанесенный ущерб. Такое предложение и получило название «возвратного права».

Чтобы обосновать предложение, Б.А. Минин акцентирует внимание на острых проблемах современного правопорядка, прежде всего в России, но не исключает при этом и более глобальных оценок в планетарном масштабе. Для этого приходится использовать труды известных западных экономистов, социологов, правоведов. Резюмируя, в частности, мысли лауреата Нобелевской премии в области экономики Г. Беккера, он пишет:

«Среди функций тюремного заключения (наказания, изоляции, перевоспитания и сдерживания) для экономиста «самой любопытной» является проблема сдерживания: преступника от новых преступлений и удержания других от превращения в преступников. »Если верна экономическая модель преступности, уголовный преступник есть рациональный индивид, решивший, что он может

максимизировать свое благосостояние криминальным путем. Вероятно, он (заранее) включил в свои расчеты вероятность отбытия тюремного заключения. Что меняется, когда он выходит из заключения? Во-первых, он становится «меченым», и потому его некриминальные перспективы хуже, чем были раньше. Во-вторых, в тюрьме он может усвоить от сокамерников дополнительные криминальные навыки. Следовательно, альтернативные издержки преступной деятельности для него уменьшаются, а выгоды преступной деятельности увеличиваются». Таким образом, если экономическая модель верна, по обеим причинам мы ожидали бы от рационального преступника рецидива». А между тем повсеместно считается, что «именно для тех, кто находится на грани превращения в преступника, строгость наказания могла бы служить сдерживающим средством».ⁱ⁴⁰

Автор также ссылается на работы Р. Андерсена, который создает экономическую теорию, включающую систему «уравнений в частных производных, в которые входят такие количественно факторы, как:

- прямые потери от правонарушений;
- полицейские и судебные издержки;
- издержки общества от наказания преступника;
- показатели эластичности правонарушений относительно вероятности и строгости правонарушения. (...)

Р. Андерсен на основе составленных графиков показал реальную зону с существенным выигрышем общества от замены тюремного наказания штрафами. Но для серьезных правонарушений (где потери общества наиболее велики) «оптимальный уровень

⁴⁰ Указ. соч., с.101

штрафов может быть так высок, что его невозможно собрать.(...)»ⁱⁱ⁴¹

«Сейчас, - по мнению Б .А. Минина, - вопрос стоит об оптимизации форм и размеров наказания и правил распределения сил на правоохранные позиции. Штраф и заключение в тюрьму – это альтернативные формы наказания. Да, по форме. Но по содержанию то и другое является средством нанесения «ответного удара» общества в направлении противостоящей ему личности. **На наш взгляд, было бы правильнее, гуманнее и действеннее, если бы это была не месть, не кара, а лишь требование «возврата» того, что «взял».**⁴²(Выделено мной – Ю.Л.)

Автор включает в систему основных признаков возвратного права три позиции.

«1.Приоритетом (а для подавляющего большинства случаев – вообще единственным критерием) при решении вопроса о виновности и о степени виновности преступника является размер нанесенного им ущерба другому лицу, обществу с одновременным отказом от всякой ссылки на действующую норму права – основы сегодняшних судебных разбирательств.

2. Предъявление преступнику обязанности компенсировать в материальной, наиболее универсальной форме всего нанесенного ущерба, не предусматривая лишения свободы как универсального метода наказания (за исключением лиц, действительно показавших свою социальную опасность). Сама

⁴¹ Указ. соч., с .102, 103.

⁴² Указ. соч., с.103

компенсация может быть выражена в виде материальных средств от преступника, от его коллег, родственников или «третьих лиц». Или в виде личной отработки на тяжелых – но не унижительных! – номинально оплачиваемых работах.

3. Требование компенсации может быть предъявлено через суд и другие официально установленные органы потерпевшим или любым лицом с необходимым обоснованием нанесения ущерба.

При этом ни о какой отмене или снижении уровня следственных работ не может быть и речи».⁴³

Благодаря осуществлению изложенных принципов автор рассчитывает, что удастся преодолеть многие барьеры на пути установления желанной эффективной справедливости. Откроется возможность ликвидировать невероятное затягивание судопроизводства, избавиться от огромного числа ошибочных решений, резко сократить число нормативных актов.

Автор в принципе выступает за беззаконие⁴⁴. Законность не требуется для такой акции как возмещения ущерба. В порядке исключения все-таки допускается перспектива создания единого кодекса с максимально ограниченным числом норм уголовного, гражданского и административного права.

Действительно, все можно до предела упростить и сократить, если единственной задачей станет возмещение ущерба. О деянии можно будет судить по одному критерию – нанесенный вред. Почему это

⁴³ Указ. соч., с.19

⁴⁴ Указ. соч., с.114.

произошло, каким образом, как преступник относился к содеянному – все это становится такими мелочами, которым нет смысла придавать значения. Надо только доказать факт вреда, определить его размер (очевидно, с использованием формулы Р.Андерсена), установить лицо, причинившее вред и взыскать ущерб – часть в пользу потерпевшего, другую часть государству в целях возмещения расходов на юстицию.. Если по действующим правилам гражданского судопроизводства потерпевший сам должен доказывать обстоятельства, связанные с возникновением ущерба, то по-новому эту задачу будут решать государственные органы (суд, предварительное следствие), но оплачивать всю их деятельность и расходы должен причинитель вреда. «Не могут быть наказаны невинные, а следовательно, и законопослушные налогоплательщики, которые (через отчисления от их налогов) постоянно оплачивают затраты на работу правоохранительных органов, само существование которых обусловлено наличием преступников».⁴⁵ Нужно добиться того, чтобы закон защищал потерпевшего, а не преступника.

Что же должно стать с тюрьмой? Отвечая на этот вопрос, автор допускает сохранение тюрьмы только для двух нужд:

«-как изоляторы для защиты общества от лиц, которые в силу наличия определенного психотипа, подтверждаемого многократностью правонарушений, должны быть признаны социально опасными;

- как места компактного размещения лиц, зарабатывающих на возмещение ущерба при невозможности его единовременной компенсации – т.е. как трудовые лагеря или работные дома с

⁴⁵ Указ. соч., с.123.

соответствующими условиями – жестки (спартанскими), но не унижительными». ⁴⁶

Отношение к новаторству не может быть простым. И. Кант обоснованно предлагал пропускать идеи через критику чистого разума, и принимать их только тогда, когда они выдержат испытание этой критикой. Тем более, когда теоретически объясняемые предложения направлены на коренную переделку важного сектора социального устройства и затрагивают базовые интересы общества, а, следовательно, очень многих людей. Именно к этой категории относятся новации, представленные в книге Б. А. Минина.

Не буду давать свою субъективную оценку этому произведению. Сейчас, как понятно, речь идет не о рецензии. Необходимо решить вопрос по существу: насколько приемлемы предлагаемые и защищаемые в книге преобразования в принципе и в отдельных частностях, имеющих отношение к вопросу о наказании за преступление.

Если не считать совершенно обоснованных сентенций о пороках современного правопорядка и правосудия, на что и ранее обращалось внимание масс-медиа и научной литературой, то большинство идей теории «возвратного права» вызывает серьезные сомнения.

Нет смысла подробно говорить о ранее приведенных мыслях западных экономистов. С их суждениями следует согласиться. Другой вопрос, что использование этих соображений для обоснования «возвратного права» выглядит искусственным. Криминальная ситуация рассматривалась

⁴⁶ Там же.

представителями экономической науки только со своей узкопрофессиональной позиции. Предметом же размышлений были в основном имущественные преступления, а не весь комплекс деяний, предусмотренный соответствующими кодексами.

Что касается проблем преступности, уголовного правосудия и пенитенциарного дела, то их анализ и разрешение будут корректными при обеспечении всестороннего подхода. К сожалению, он не использован при обосновании «возвратного права».

Дело в том, что многие усложнения, которые предлагается устранить из правовой системы и практики, вызваны к жизни не только стремлением к формализации процесса юридической ответственности, но и заботой о недопущении наказания невиновного лица. Почему-то эта серьезная проблема начисто выпала из поля зрения автора рассматриваемой книги. Оказались забытыми злодеяния нацистского и большевистского режимов, да и уж не столь исключительные, в частности в России, в наши дни неправосудные обвинительные приговоры. После разоблачения злодеяний сталинского времени, стала ходить поговорка: «Пусть лучше десять виновных не будут привлечены к ответственности, чем наказан один невиновный». Гипербола отражала атмосферу «оттепели», была явным перегибом палки в другую сторону, но, по сути, выражала основополагающий принцип пенитенциарного права и уголовного процесса ответственности за индивидуальную вину при наличии в деянии признаков состава преступления.

Обращает на себя внимание и другое. Никто не смог опровергнуть необходимость специальной превенции. Надо стремиться к недопущению нового преступления осужденным путем содействия

превращению преступника в нормального человека. Значит обеспечение его прав – дело нужное и полезное.

Можно поддержать предложение об усилении защиты прав потерпевшего, но не за счет существенного изменения в худшую сторону статуса подсудимого и осужденного. Мне уже приходилось доказывать важность расширения прав потерпевшего, находившегося в состоянии необходимой обороны и причинившего вред нападавшему.⁴⁷ Равно, как и предлагать стимуляцию выплаты ущерба осужденным, отбывающим наказание в виде тюремного заключения, путем сокращения срока наказания при полном возмещении этого ущерба потерпевшему. Или, если исполняется наказание в виде денежного взыскания, - уменьшения суммы взыскания на ту часть, которая передана потерпевшему в порядке возмещения нанесенного ему ущерба с учетом возможности стимулирования такого решения.⁴⁸

Как видно, эти предложения фрагментарны и не претендуют на ту тотальность, которой отличается постановка вопроса Б. А. Мининым. Она мне представляется не оправданной по сравнению с существующими реалиями.

Гражданский иск в уголовном процессе с давних пор является способом возмещения ущерба и часто применяется. Исковое производство по возмещению ущерба – один из столпов гражданского права и процесса,

⁴⁷ См. Лившиц Ю. Преступление как виновное деяние: состав, противоправность, вина. Таллинн: Социально-гуманитарный институт. 2004, с.186 – 190.

⁴⁸ См. Лившиц Ю. Наказание за преступление: понятие, цели, средства, система. Таллинн: Социально-гуманитарный институт. 2006, с.151.

который используется столетия и повсеместно. Правда, печально известно, как трудно практически добиться возмещения ущерба даже при всей добросовестности судебного исполнителя.⁴⁹

Этот факт стоит выделить. Он важен для оценки с практической точки зрения кардинального предложения, являющегося стержнем «возвратного права»: вытеснение наказания возмещением ущерба.

Как свидетельствует практика, взыскать денежную сумму с должника в пользу кредитора даже при наличии на этот счет судебного решения не менее проблематично, чем применить к преступнику наказание в виде тюремного заключения. Слишком часто случается так, что денег и иного имущества у осужденного просто не оказывается. Если они не израсходованы, то находятся совсем у других лиц, установление которых представляет обычно значительные трудности.

Предложение Б.А. Минина взыскивать требуемые суммы с родственников, супругов, близких людей, «третьих лиц» и даже коллег по работе в принципе не приемлемо, если оно не сопровождается оговоркой о знании этими людьми того, что изымаемое имущество добыто противоправным путем.⁵⁰ Но такая оговорка в рассматриваемых предложениях не содержится, что не

⁴⁹ См. Лившиц Ю. Наказание за преступление, с.53-58.

⁵⁰ Эстонский законодатель совершенно обоснованно посчитал важным условием осуществления конфискации как иной меры воздействия, которая может осуществляться по отношению к имуществу, полученному преступным путем, но находящемуся у третьего лица, знание третьим лицом происхождения находящегося у него имущества.

является случайностью. Автор вообще избегает разговора о вине, что оставляет впечатление о его приверженности объективному вменению, порочность которого уже давно и неопровержимо доказана. Ситуация очень напоминает норму УК РСФСР 1927 года (ч. 2 ст.58 ¹⁶ об ответственности членов семьи военнослужащего - изменника родины), которым не было известно преступление, путем их ссылки в отдаленные районы Сибири.

Если предположить, что полное возмещение ущерба станет возможным, то оно выльется для каждого причинителя ущерба в довольно крупные суммы (см. формулу Р. Андерсена). Поскольку преступления, а тем более, гражданские и административные правонарушения, имеют значительную распространенность, то получится так, что усилиями государства значительно расширится зона бедности. В ней окажутся и правонарушители из средних слоев общества, у которых будет отнято имущество для возмещения ущерба. Насколько бедность является питательной средой преступности, говорить не приходится. Таким образом, идея, нацеленная на противодействие росту преступности, сработает в диаметрально противоположную сторону.

Сетовать на то, что «невиновные налогоплательщики» на налоги должны содержать государственные правоохранительные органы – по крайней мере, наивно. Политика расходования налоговых поступлений всегда находилась и находится в компетенции государства, а не налогоплательщиков. Но по существу интерес резидента по налогам в обеспечении внутренней безопасности общества и правопорядка не менее существенен, чем забота о внешней безопасности, на которую расходуются

большие бюджетные средства. Проводить в жизнь такой интерес в первую очередь обязана публичная власть. На то она и представлена государством, чтобы выполнять такие функции.

Для тех причинителей ущерба, которые не могут его возместить потерпевшим и государству, «возвратным правом» уготована особая участь – принудительный труд.

По поводу этой идеи хотелось бы отметить следующее.

Масса людей, зарабатывающих на возмещение ущерба под надзором, намного превысит нынешнюю численность заключенных. В эту когорту дополнительно попадут задолжники по гражданским и административным правонарушениям. Надзор – тоже дело весьма затратное. Следовательно, суммы возмещения ущерба еще более увеличатся. Массовый характер таких работ способен привести к возрождению лагерей эпохи «диктатуры пролетариата», так как принуждение чревато противодействием, что, в свою очередь, вызывает расширяющуюся и усиливающуюся карающую реакцию. А поскольку для «возвратного права» главное – интересы потерпевшего, а не права правонарушителя, не трудно представить, в какой режим все это может вылиться.

Наконец, еще одна деталь. То право, которое предлагается создать, не имеет отношения к праву, которое якобы собираются вернуть. Карательные институты старого доримского права были разнообразны и не сводились только к имущественной составляющей. Профессор М.Д. Шаргородский, написавший фундаментальный труд по истории наказания, констатировал:

«Система наказаний в развитом рабовладельческом обществе была весьма разнообразна и охватывала следующие меры:

А) В законах Хамураби: 1) смертная казнь различными способами (сожжение, утопление, сажание на кол, разрывание на части); 2) членовредительские наказания, иногда в форме талиона; 3) позорящие наказания; 4) композиции; 5) изгнание.

Б) В законах Хеттов (*на которые, кстати сказать, ссылается Б. А. Минин – Ю. Л.*): 1) смертная казнь; 2) талион; 3) композиции.

В) В ассирийских законах: 1) смертная казнь; 2) телесные наказания (палочные удары); 3) членовредительские наказания; 4) позорящие наказания (в том числе изнасилование - §§ 20,55); 5) принудительный труд; 6) композиции.

Г) В римском праве: 1) смертная казнь; 2) уголовное рабство; 3) лишение свободы; 4) поражение прав; 5) телесные наказания; 6) конфискация имущества; 7) штраф; 8) изгнание. Для рабов в Риме существовало только два наказания: смертная казнь и плети.

Д) В уголовном праве Египта (по сохранившимся папирусам): 1) смертная казнь; 2) телесные наказания; 3) членовредительские наказания; 4) принудительные работы; 5) конфискация имущества; 6) денежные штрафы»⁵¹

Заключая перечень, М. Д. Шаргородский делает ссылку на утверждение историка М Коростовцева о том, что «вся система наказаний построена с точки зрения

⁵¹ Шаргородский М.Д. Наказание по уголовному праву эксплуататорского общества. Москва: Государственное издательство юридической литературы 1957, с.32

ограждения материальных интересов... телесные наказания являются элементом устрашения, но им всегда сопутствуют мероприятия, пополняющие материальный ущерб».⁵²

На Руси до Уложения 1649 года царя Алексея Михайловича существовало сходное положение.

Итак, понятие «возвратное право» не подкреплено исторической правдой. Из приведенного отрывка видно, что упрек Б. А.Минина в адрес римского права, согласно которому оно якобы порушило ранее существовавшие устои наказания, лишен фактического обоснования. Виды наказаний по римскому праву мало, чем отличались от более ранних систем. Имущественные взыскания, практиковавшиеся по отношению к преступнику в те далекие времена, выполняли дублирующую или параллельную функцию, а не роль возмещения вреда в соответствии с конкретным ущербом, понесенным от преступления конкретным потерпевшим. Поэтому термин «возвратное право» является в принципе ошибочным, как и вся теория, названная этим именем.

Если бы возник вопрос о возможности перенесения рекомендаций «возвратного права» на эстонскую правовую почву, то такая возможность, на мой взгляд, должна быть исключена.

⁵² Там же

T.Toomsalu

Sotsiaal-Humanitaarinstituudi dotsent

EESTI KAITSEVÄGI - PÕHISEADUSLIKE
VASTUOLUDE SÕJATANNER.

Rahvahääletusel 28.06.1992.a. Eesti kodanikkonna absoluutse toetuse saanud Eesti Vabariigi Põhiseaduse (edaspidi PS) üheks alusprintsipiibiks oli võimude lahususe põhimõtte mis, sisalduses §-s 4, deklareerib seadusandliku, presidentaalse, täite- ja kohtuvõimu lahutatust ja tasakaalustatust (8-§4). Valdkonnaks, kus selle põhiseadusliku aluspõhimõtte rakendus on Eesti Vabariigi taasiseseisvumise järgse 15 aasta jooksul kaasa toonud kõige enam vastuolulisi huvisid – on olnud riigikaitse. PS X peastükis esitatud riigikaitse korralduslikud aluspõhimõtted on reljeefsemalt kui ükskõik millises muus eluvaldkonnas, lahti kirjutatud võimude tasakaalu arvestamisele. Nii seadusandjale (Riigikogule), riigipeale (Vabariigi presidendile), täitevvõimule (Vabariigi Valitsusele) on selles ette nähtud oma kindel koht, milles põhirooll on antud seadusandjale, tähenduslikult teisena võimukeskusena rõhutatud riigipead ja möödaminnes käsitletud ka Vabariigi Valitsuse õiguseid. Viieteistaastane tegelikkus näitab alaliselt toimunud jõulise põhiseadusliku konkurentsiga toimimist riigipea ja täitevvõimu vahel, kus täitevvõim Vabariigi Valitsuse ja kaitseministri institutsionaalsel tasandil on üritanud etendada esmase võimukeskuse rolli kaitseväge ja tsiviilvõimu suhete igapäevases käsuliinis.

Valdkonniti on lahing õiguse üle kontrollida relvajõudusid võimendunud kaitseväge juhataja ja kaitseministri tasandil, seadusandja ja riigipea tasandil, seadusandja tasandil viimase erinevate huvigruppide vastuolude näol, rahvusliku ja rahvusvahelise õiguse prioriteedi tasandil. Lõpuks on vastuolude üheks väljenduseks ka katsed kehtiva põhiseaduse revisjoniks selles sisalduvate “apsakate” ärakasutamisel seadusloomes. Seega vastuolud põhiseaduse koostanud Põhiseadusliku Assamblee nägemuste ja täna põhiseadust tõlgitseda püüdvate poliitiliste ja õigusteoreetiliste ringkondade vahel.

Näiteks värskest “hilisminevikust” vastuolude kohta kaitseväge juhataja ja kaitseministri vahel oleks avalikus meedias võimendunud “käsuliinitüli” 2006-2007 aastast välismissioonidel osalevate üksuste käsuliinist. See kulmineerus kaitseministri poolt kaitseväge juhataja käskkirja tühistamisega. Tolleaegsete kaitseminister Jürgen Ligi ja kaitseväge juhataja Tarmo Kõutsi vaidlus puudutas väga hella teemat: kas täitevvõim, mis peaks olema vaid tsiviilkontrolli teostavaks institutsiooniks militaarjõudude suhtes, omab õigust käsuliinide kehtestuseks armees, kas tal on õigus selles funktsionaalses toimeväljas sekkuda kaitseväge juhataja otsustusõigusesse.

Näiteks vastuoludest seadusandja ja riigipea kui sõltumatute lahusvõimude vahelises toimealas oleks konflikt Vabariigi President Lennart Meri ja tolelaegse Riigikogu vahel, mis kulmineerus seadusandja poolt vastu võetud “Rahuaja riigikaitse seaduse” vaidlustamisega riigipea poolt Riigikohtu põhiseadusliku järelvalve kolleegiumis. Selle tulemusel tühistati riigipea volitusi piirav ja kaitseväge ülesehitust korraldav seadus. Juba ette tuleb märkida, et

otsus on tehtud sügavalt lahusvõimude olemasolu aktseptatsioonist, mistõttu ka riigipea ambitsioonide ulatusega Eesti kõrgeim kohus ei nõustunud.

Vastuolud seadusandja tasandil viimase erinevate huvigruppide vahel on täheldatavad suhtumises Vabariigi President Toomas-Hendrik Ilvese poolt 15.05.2007.a. Riigikogus algatatud PS X peatüki muutmise eelnõusse, kus kaugeltki mitte kõik poliitilised jõud ei ole valmis aktsepteerima põhiseaduse alustala – lahusvõimude sõltumatuse põhiseadusliku printsiibi lahjendamise katseid.

Märkimata ei saa jätta ka vastuolusid Eesti Vabariigi põhiseadusliku korra suhtes ülimuslike rahvusvahelis-õiguslike lepete ja siseriikliku õiguskorra vahel. Need avalduvad Eesti kaitseväe ja NATO kui Eesti osavõtul toimiva rahvusvahelise kaitsealliansi kaitseväe käsuliini ülesehituse põhimõtete vastuolus. Kui kaitseminister Jürgen Ligi püüdis rakendada “jõuvõtteid” sellise vastuolu ületamiseks, siis Vabariigi President Toomas-Hendrik Ilves, esitades seaduseelnõu, ei näinud muud õigusriigile vastuvõetavat korrektset lahendit kui PS muutmine.

Lõpuks on läbi taasiseseisvunud Eesti Vabariigi lühikese ajaloo pidevalt toiminud ka katsed PS revisjoniks seadusandlikul teel, püüeldes Põhiseadusliku Assamblee (edaspidi PSA) poolt sellesse kätketud sisu ja mõtte muutmisele selleks mitte ette nähtud korras. Seondub see suurel määral PSA arusaamade revisjoniga presidentaalse võimu volituste piiridest kaitseväe suhtes ja nn “näpukaga” PS täna kehtiva teksti viimistlusel, kus PS §126 teise lõikesse ilmus nn “kaitseväe korralduse seadust” käsitlev eksitav fraas, mis vastandus sama paragrahvi esimeses lõikega kehtestatud “rahuaja riigikaitse seaduse” alustloovale iseloomule.

Eeltoodu avamiseks käsitlen seda, millise sisu andis PS X peatükis sisalduvale PSA aastail 1991-1992, kuidas käsitleb riigikaitse korralduslikku osa PS X peatükk, millisele arusaamale riigipea ja täitevvõimu volituste mahust kaitsevæ tegevuse korralduse funktsionaalsel tasandil jõudis Eesti kõrgeim põhiseaduslik kohus, milline arengudünaamika on olnud täheldatav riigikogu seadusloome praktikas riigikaitse korralduse ja käsuliini valdkonnas ja kuidas sellesse on suhtunud nn. ”istuvad” Vabariigi Presidendid, milline arusaam on domineeriv täitevvõimu keskses kaitsevæ staatuse temaatikas, kuidas on mõjutanud käsuliini problemaatikat Eesti ühinemine NATO kaitsealliansiga ja kuidas on püütud rahvusvahelise ja rahvusliku õiguse konflikti ületada, kas ja kuidas oleks võimalik kehtivat põhiseaduslikku korda kahjustamata lahendada käsuliini problemaatikat seadusandlikul tasandil nn “Kaitsevæ korralduse seadusega”, mis siiski inspireeris Vabariigi President Toomas-Hendrik Ilvest algatama PS riigikaitset käsitleva peatüki ametlikku muutmist? Teemakäsitus lõppeb alternatiivide käsitlusega, mille eesmärgiks on põhiseadusliku korra prioriteedi akademistliku arusaama rõhutamine.

Eesti Vabariigi Põhiseaduse tekst, mis kiideti heaks rahvahääletusel 28.06.1992.a. ja jõustus päev hiljem, sündis Eesti Põhiseadusliku Assamblee töö tulemusel, mille koosseisuline ülesehitus aktsepteeris toimunud kahe võimukeskuse pariteeti: 50% PSA liikmeskonast oli nimetatud üldistel valimistel valitud Eesti Vabariigi Ülemnõukogu liikmete hulgast, sama palju liikmeid nimetas Eesti Vabariigi õiguslikku järjepidevust kande kodanikuliikumine Eesti Kongressi ja Eesti Komitee kujul.

Põhiseaduslik Assamblee PSA töötas hilissügisest 1991 kuni varakevadeni 1992 (28 istungit) ja pühendas ka olulist tähelepanu riigikaitset käsitlevate arusaamade formuleerimisele, s.h. käsuliinu põhimõtete kujundamisele.

PSA käsitles kokku kuut PS eelnõud vastavalt I.Gräzini, J.Adamsi, K.Kulboki, E.Talviku ja J.Kaljuvee, J.Raidla ja A.Lepsi poolt esitatuna. Nimetatuist läks PS lõppteksti J.Raidla eelnõuga välja pakutud “Rahuaja riigikaitse seaduse” ja “Sõjaaja riigikaitse seaduse” kui kaitseväe korralduslike alusaktide mudel. Talviku-Kaljuvee, A.Lepsi, J.Adamsi eelnõud rõhutasid kaitseväe korraldust eriseaduse alusel. K.Kulboki eelnõu taotles professionaalse palgaarmee ja ajateenistuse (reservteenistuse) ühitamist. Kui Kulbok väljendus selgelt kaitseväe allutamise poolt Vabariigi Presidendile ja Adams sellise seisukoha modifikatsioonina pidas õigeks kaitseväe juhataja nimetamist Presidendi poolt Riigikogu ettepanekul, siis ülejäänud eelnõud selle aspekti rõhutamist vajalikuks ei pidanud. Loetletud kuue eelnõu baasil jõudis PSA oma 14.istungil koondeelnõu esitamiseni, milles leidis kajastamist kaitsejõudude struktuur (kaitsevägi ja kaitseliit) ning kuhu inkorporeeriti J.Raidla ettepanek “Rahuaja riigikaitse seadusest” ja “Sõjaaja riigikaitse seadusest”. PSA 20.istungil 13.12.1991.a. esitati uus PS koondtekst, mille riigikaitset käsitleva X peatüki §-s 116 J.Raidla taotlused olid kadunud ning esiplaanile tõusis formuleering, mille kohaselt “Eesti kaitsejõud koosnevad kaitseväest ja seadusega sätestatud korras loodud riigikaitse organisatsioonidest. Riigikaitse korralduse sätestab seadus”. Viimane formuleering võimaldas hõlmata nii riigikaitse korraldust rahuajal kui sõjaajal. PS eelnõu lõppversioon, mis ka rahvahääletusele läks ja toetuse sai, taastas J.Raidla mudeli, kinnitas riigikaitseorganisatsioonide tegevuse võimalikkust vaid seaduse alusel – aga tõi ootamatult teksti sisse ka “kaitseväe korralduse” seaduse alusel. Just

nimetatud “kaitseväge korralduse” formuleering, käsitletuna alternatiivsena “riigikaitse korraldusele” vastavalt rahuaja- või sõjaaja riigikaitse seaduse alusel, on tekitanud olulist segadust läbi kogu 15 aastase Eesti riigi toimimine. “Kaitseväge korralduse seadusena” on nimetatud perioodil põhiliselt käsitletudki nimetatud “Rahuaja riigikaitse seadust” ja “Sõjaaja riigikaitse seadust”. PS lõppversiooni §126 on esitatud järgmises redaktsioonis: “Riigikaitse korralduse sätestavad rahuaja riigikaitse seadus ja sõjaaja riigikaitse seadus. Eesti kaitseväge ja riigikaitseorganisatsioonide korralduse sätestab seadus” (8-§126). Perioodil 1995-2007 on kolmel kuni neljal korral üritatud Kaitseministeeriumi - seega täitevvõimu – initsiatiivil algatada ka eraldiseisvat “Kaitseväge korralduse seadust”, kuid see ei ole poliitiliste vastuolude ja täite- ning presidentaalse lahusvõimude vastuolude tõttu kaugemale jõudnud ametkondade vahelisest kooskõlastusringist. Samas seisus on vastavasisuline ametlikult 2006.a algatatud eelnõu ka käesoleval ajal. Seadust ei ole seni kehtestatud.

Segadust tekitav fraas “kaitseväge korraldust” käsitlevast seadusest tekkis kusagil PSA 24 ja 28 istungi vahel – seega perioodil 06.02.1992.a. kuni 27.03.1992.a., kuid PSA ametlike stenogrammide tekst seda otseselt ei kajasta ja PSA võtmefiguurid selles küsimuses - “Riigikaitse peatüki töörühma” juht Enn Tarto ning redaktsioonitoimkonna juht Liia Hänni – formuleeringu sünni ja heakskiiduga seotud protseduuride detaile enam ei mäleta. Stenogrammidest nähtub, et viidatuist L.Hänni oma ettekandes 06.02.1992.a. 24-1 istungil rõhutab, et “Uuesti on taastatud põhimõte, et EV kaitsekontseptsiooni või kaitse põhimõtted peaksid eristuma rahuaja reziimil ja sõjaaja reziimil. Ja vastavalt sellele peaks kaitsejõudude korraldus olema ka korraldatud "Rahuaja riigikaitse seaduse" ja "Sõjaaja riigikaitse seadusega” (1-lk.765). Oma sõnavõtus 26-1 istungil

14.02.1992.a. PS lõppvariandi redaktsiooniliste muudatuste tutvustamisel rõhutab L.Hänni paranduste põhiliselt redaktsioonilist iseloomu, öeldes: “Ülejäänud osas on muudatused redaktsioonilist laadi. Ma ei hakka neid ükshaaval ette lugema. Küll aga paluks kätte võtta teile välja jagatud lisaleht, mis sisaldab apellatsioone ja alternatiivide loetelu” (1-lk.835). Seega – kaitseväe korralduse põhimõtte seaduse alusel on oma iseloomult redaktsiooniline, muutmata “Rahuaaja riigikaitse seaduse” ja “Sõjaaja riigikaitse seaduse” alusiseloomu. Käesoleva publikatsiooni autor pöördus selle ettevalmistusel nii L.Hänni kui E.Tarto poole palvega täpsustada viidatud “Kaitseväe korralduse seaduse” fraasi ilmumist PS lõppteksti. Liia Hänni vastuses avaldatakse arvamust, et “loogika ütleb, et vaevalt redaktsioonitoimkond seda muudatust ise välja pakkus, see pidi tulema kas teemakomisjonilt (riigikaitse peatüki teemakomisjonilt – AM) või ekspertidelt” (20). Riigikaitse teemakomisjoni juhataja Enn Tarto ei mäleta tehnilisi üksikasju, kuid seob selle formuleeringu nn “riigikaitseorganisatsioonide” staatuse vaidlustega. Ta kirjutab oma vastuses:” Kindlasti mäletan aga, et 1992.a. alguses arutasime pikalt ja emotsionaalselt riigikaitseorganisatsioonide staatust. Oli ju tookord olemas nii kaitseliit koos oma eriorganisatsioonidega kui Kodukaitse. Püüdsime vältida konflikti nende struktuuride vahel. Me ei teadnud ju ette, millised riigikaitseorganisatsioonid võidakse veel luua. Et vältida riigikaitseorganisatsioonide sattumist mistahes erakonna või jõu mõju alla, otsustasime, et Põhiseaduses peab olema lause, et riigikaitseorganisatsioonide korralduse sätestab seadus (§126, teise lause teine pool). Sellest sättest oli mul palju kasu kui 6 aastat vahelduva eduga võitlesin Kaitseliidu seaduse vastuvõtmise eest, mis võeti lõpuks Riigikogu poolt vastu 8.veebruaril 1999.a.. Mul on meeles, et keegi ütles PS

eelnõu arutluse juures, et kui mainime vajadust riigikaitseorganisatsioonidele oma seadust, siis on seadust vaja ka Eesti kaitseväge. Seda seadust kahjuks pole tänaseni” (21). PSA riigikaitse teemakomisjoni üks algsetest ekspertidest (hilisemalt tegevusest taandunud) Eenok Kornel on eraviisilises jutuajamises avaldanud arvamust, et tegemist on PSA “näpukaga”, mis viimasel hetkel tõi eelnõusse kahepidiselt tõlgitsetava formuleeringu (1-lk.1252). Sellele, et nn. riigikaitseorganisatsioonide – Kaitseliit, Kodukaitse jt. – probleem oli terava tähelepanu all, mistõttu eelkõige sooviti reguleerida nende staatust, viitavad ka PSA stenogrammides sisalduvad vaidlused. Nii esines PSA 6 istungil teemat käsitlevalt P.Kask, kes käsitles ideoloogilist konkurentsi Kodanike Komitee patroneeritava Kaitseliidu ja Rahvarinde patroneeritava Kodukaitse ümber. Tema sõnul “kolmas keeruline valdkond on kaitsejõud. Jällegi sai asi alguse sellest, et loodi Kodukaitse ja Kaitseliit ja seda olukorda tahetakse nüüd jätkata kirjutades koguni põhiseadusse sisse, et on olemas kaitsevägi ja kaitseliit. Minu arvates on see ohtlik” (1-lk.204). Samal istungil E.Tarto pareerib P.Kase vastuväiteid, rõhutades et “ Mis puutub nimesse, et siin on Kaitseliit, siis ma arvan, et niipea kui tulevad uued valimised, need peagi nii lähekski. See on täiesti loomulik, et on olemas kaitsevägi ja kaitseliit” (1-lk.205).

Kaitseväega seonduvate erinevate nägemuste kandvaks teemaks on olnud suhtumine sellesse, kas kaitsevägi peaks alluma Kaitseministri kaudu täitevvõimu esindavale Vabariigi Valitsusele või siis Vabariigi Presidendist Riigipeale. Lähtuvalt arusaamast, et põhiseaduse mõtte ja vaimu muutmine ilma põhiseadust ennast selleks ettenähtud korras muutmata, ei ole õiguspärane – püüaksin anda PSA stenogrammidele tugineva ülevaate ka arutelust sellel

teemal. Asjaolule, et see teema võib tulevikuarengutes kujuneda ohtlikuks komistuskiviks Eesti riigi arengus – juhtis järelepärimise korras PS lõppredaktsiooni vastuvõtu eelselt tähelepanu tollaegne Ülemnõukogu liige Endel Lippmaa. PSA 28.istungil 27.03.1992.a. kommenteeris pöördumist redaktsioonikomisjoni esindaja L.Hänni, kes teatas, et: ”Ülemnõukogu liige E.Lippmaa on tõstatanud küsimuse, kas praegune riigikaitse kontseptsioon põhiseaduses on põhjendatud. Riigikaitse kõrgema juhtkonna moodustamine võib tekitada vastuolu Presidendi ja Valitsuse vahel”. L.Hänni selgitab, et “See on tõesti erinevate kontseptsioonide vaidlus. PSA on seda põhjalikult käsitletud, mistõttu teema juurde tagasi tulek pole vajalik” (1-lk.944). Milline oli siis PSA poolt antud põhiseaduslik pädevus Vabariigi Presidendile kui riigikaitse kõrgemale juhile?

Juba PS kava arutelu esialgses staadiumis (5 istungil), vastas riigikaitsetoimkonna esindaja E.Tarto P.Kase küsimusele “Kellele allub sõjavägede ülemjuhataja?": “Leiti, et riigikaitse kõrgemaks juhiks on president ja presidendile allub ülemjuhataja” (1-lk.149). Järgmisel, 6.-l istungil esinedes teatas E.Tarto, et “... selle punkti juures tuleb meil siiski töö huvides ära otsustada, kellele allub sõjaväe ülemjuhataja?“. “Meie toimkonna arvates on see siiski nii tõsine probleem, et see peaks olema ära määratud PS-s. Nüüd ongi siis vaja otsustada, kas selline määratlus viia sisse või mitte. Kui viia – siis on kolm võimalust. Esiteks: sõjaväe ülemjuhataja või juhataja allub riigivanemale (presidendile – AM) , kes on riigikaitse kõrgem juht, sest riigikaitse juht on laiem mõiste kui sõjaväe juht. Teine võimalus on, et kaitsejõudude juhataja, ülemjuhataja, allub kaitseministeeriumile, kaitseministri kaudu valitsusele. Ja on veel kolmas võimalus, et Riigikogu moodustab mingi Riigikaitse nõukogu. Riigikaitse nõukogul on oma esimees,

kes oleks nagu eriorganiks ja sõjaväe juhataja allub sellele. Nii, et meie toimkonna arvates peaks see alluvus olema sätestatud PS-s ja me peame siin valima kolme varianti. Omalt poolt pakume välja, et sõjaväe juhataja, ülemjuhataja, alluks riigivanemale või presidendile, kuidas nimetuse suhtes kokku lepitakse” (1-lk.198-199). Väljendades sõnavõttudes toimkonna seisukohta, teatas E.Tarto, et “Ma tahaksin veelkord selgitada, et toimkond näeb siiski ainumõistliku lahendusena, et kaitsejõudude juhataja või ülemjuhataja allub Presidendile” (1-lk.205).

Samal, 6.-1 istungil, esinesid sel teemal veel J.Adams, P.Kask ja K.Kama. Jüri Adams leidis, et “üks kontseptsiooniline probleem tekib veel sellest, kas meie kavandatav riigipea on riigijuht või paaribiiter. Kui ta on paaribiiter ... siis ta ei saa samal ajal olla riigikaitse kõrgem juht, sest tal ei ole juhtimise funktsioone. Selles lauses on veel teinegi vastuolu, nimelt, mis tähendab riigikaitse kõrgem juht?.Ta võiks siis maksimaalselt olla kaitsejõudude kõrgem juht, kuid riigikaitse ei ole antud juhul termin, see on laiem tegevus. Sellega tegelevad peaminister, konkreetselt temale alluv kaitseminister ja kahtlemata ka sõjaväe juhataja” (1-lk.203). Peep Kask leidis, et “Riigikaitse küsimuses ma ei pea ennast spetsialistiks, aga siia tikub ühte otsa pidi sisse President ja tema staatus. Ja nii paradoksaalne kui see esimesel pilgul ka ei tundu, aga ma ei saa hästi aru loogikast, mille kohaselt President juhib kaitsejõude sõja ajal ja ei tee seda mitte rahu ajal. Minu arusaamise järgi peaks ta seda ilmtingimata just rahuajal tegema ja poleks paha, kui ta seda sõjaajal teeks. Loogika on järgmine: ta on ju see vahekohtu-arbiiter, kes peab kontrollima ja järgima, et poliitika elu toimiks PS järgi. Tema peab ära hoidma selle, et neid jõudusid ei kasutataks oma riigi vastu või näiteks võimu haaramiseks kellegi poolt rahva vastu. Ja kui ta on kõrgem ülemjuhataja sõja

jõududes, siis just sellega, et temalt nõutakse riigi tähtsaimatele otsustele allkirja, ta sellised asjad välistabki. See oht on olemas rahuajal, et keegi püüab diktaatoriks saada” (1-lk.204). Kaido Kama omakorda möönis, et “mul on hea meel, et hr.Kask on sellisel seisukohal nagu meie komisjongi, kes pooldab, et kaitsejõud alluksid presidendile või riigivanemale, ükskõik kuidas teda nimetada”(1-lk.205).

PSA 8-l istungil tuli Jüri Adams teema juurde pikemalt tagasi enne põhimõttelist hääletust. Ta sõnas: “Läheksin edasi, et panna hääletusele kaks kõige olulisemat punkti. Nimelt §91 “Riigikaitse kõrgem juht on Eesti Vabariigi President”. Mida on siin tegelikult vaja otsustada? On vaja otsustada, kellele kaitsejõud alluvad, kas nad alluvad presidendile või nad alluvad valitsusele, st. kaitseministrile? See on väga oluline punkt ja kui meil on niimoodi, et seadusandlik võim on Riigikogul ja kõik struktuurid, kellel on jõudu, tähendab politsei, piirivalve ja kaitseväed – kõik alluvad valitsusele, kas siis ei teki niisugune olukord, et kui me kardame kogu aeg diktatuuri riigipea poolt, siis samal ajal võib see tulla teiselt poolt. Niisugune lahkuvimine meie toimkonnas oli päris üksmeelne, keegi vastu ei olnud ja arvame, et see on väga vajalik. Valitsuse kompetentsi jääks siis politsei, piirivalve aga Presidendi alluvusse tuleksid kaitsejõud ... Kui kõik füüsilised jõud on valitsuse alluvuses, samuti on seal kõik informatsiooni omavad jõud, siis on mitu ohtu. Üks oht on selles, et valitsus võib-olla sellisel juhul üldse ei arvesta riigi seadusandliku kogu otsustega. Aga on veel probleeme. Valitsuse on moodustatud poliitilisel põhimõttel, valitsused vahelduvad ja oleks tähtis, et riigikaitse oleks stabiilne, oleks kindlas alluvuses” (1-lk.304).

Seega - täna kehtiva PS autorid olid kindlal arusaamal, et kaitseväge peab olema riigipea, mitte aga täitevvõimu

alluvuses. Siit ka vastus käsuliini põhiseaduslikkuse kriteeriumitele.

PSA töö tulemusel jõustus 29.06.1992.a. PS lõpptekst, mille X peatükk, olles pühendatud riigikaitsele, sätestab teatud baasilised märksõnad. Millised need on? Esiteks: riigikaitse korraldus määratakse seadustega ja sellisteks konstitutsioonilisteks seadusteks on “Rahuaja riigikaitse seadus” ja “Sõjaaja riigikaitse seadus” (PS §126). Teiseks: riigikaitse kõrgemaks juhiks on Vabariigi President, kelle juures teda nõustavalt (mitte aga kitsendavalt) toimib Riigikaitse Nõukogu. Riigipea jagamatusse pädevusse kuulub kaitseväge juhi kandidaadi määramine kinnituseks esitusega seadusandjale. Seega – kaitseväge juhataja (ülemjuhataja) määramine on determineeritud Riigikaitse kõrgema juhi tahteavaldusega (PS §127). Kolmandaks: kaitseväge kasutamise otsuse tegemisel algab nii poliitiline kui tehniline käsuliin Vabariigi Presidendist, kes teeb seadusandjale ettepaneku välja kuulutada sõjaseisukord, mobilisatsioon ja demobilisatsioon, kaitseväge kasutamine välisoperatsioonidel, agressiooni korral võib Vabariigi President otsustada kaitsejõudude kasutuse ära ootamata seadusandja tahet. Seega – PS kehtiv redaktsioon kinnitab PSA väitluste tulemusi – põhiseaduslikult on kaitseväge käsuliini pidi allutatud riigipeale.

Põhiseaduslikkuse proovikiviks on selle rakenduspraktika, sealhulgas ka riigi kõrgeima kohtuvõimu lahendid põhiseaduse kohaldamise vaidlustes. Selline lahend, iseloomustades ühtlasi seadusandja ja riigipea kui sõltumatute lahusvõimude erinevat tõlgituslikku lähenemist PS X peatükile, sisaldub Riigikohtu Põhiseaduslikkuse järelevalve kolleegiumi 21.12.1994.a. lahendi nr.III-4/A-11

“Vabariigi Presidendi taotluse, tunnistada 8.novembril 1994.a. vastu võetud Rahuaja riigikaitse seadus Põhiseadusega vastuolus olevaks” tekstis (2-lk.54-59). Kaasuse sisuks on, et Riigikogu võttis 28.09.1994.a. vastu “Rahuaja riigikaitse seaduse”, milles nähti ette (§14 lg.2) Vabariigi Valitsuse õigus kaitseväe suhtes iseseisva ja vahenditu käsuliini teostusele, õigus anda “korraldusi kaitseväe juhatajale kaitsejõudude kasutamiseks loodusõnnetuse või katastroofi korral või nakkushaiguste leviku tõkestamiseks, terroristliku relvastatud grupeeringu likvideerimiseks ning siseriikliku julgeoleku tagamiseks”. Vabariigi President Lennart Meri jättis seaduse välja kuulutamata, Riigikogu võttis selle muutmata kujul vastu, mis ei jätnud Presidendile muud võimalust kui vaidlustada seadus tuginevalt selle põhiseadusvastasusele. Taotluses kõrgeimale kohtule motiveeris riigipea kaebust sellega, et “Põhiseaduse §87 ei näe ette, et Vabariigi Valitsus annaks kaitseväe juhatajale korraldusi kaitsejõudude kasutamiseks. Põhiseaduse sätte ja mõtte järgi on kaitseväe juhatajale kaitseväe kasutamiseks korralduse andmise õigus üksnes Vabariigi Presidendil kui Riigikaitse kõrgemal juhil. Vabariigi Valitsuse poolt kaitseväe juhatajale korralduse andmine terroristliku relvastatud grupeeringu likvideerimiseks või kaitsejõudude kasutamiseks siseriikliku julgeoleku tagamiseks tähendab riigikaitse kõrgema juhi kompetentsi ülevõtmist ning eeldab, et Vabariigi Valitsusele on antud õigus rahuaegset olukorda omal äranägemisel käsitada kui erakorralist seisukorda”. Riigikohtu Põhiseaduslikkuse järelevalve kolleegium asus seisukohale, et seadusandja poolt täitevvõimule antavad prerogatiivid on põhiseadusvastased, samas ta ei rahuldanud jka Vabariigi Presidendi taotlust absoluutse pädevuse õigustusele. Riigikohus käsitles põhiseaduslikku korda PS §4 sätestatud lahusvõimude tasakaalu seisukohalt, leides, et kõigil

lahusvõimudel on oma osa kaitseväe tegevuse korraldusel, s.h. käsuliini määramisel. Kohtu seisukoht oli üles ehitatud sellele, et Vabariigi Valitsus ei saa iseseisvalt ja teiste lahusvõimudega koostööd omamata anda kaitseväele korraldusi käsuliini käivituseks. Ta leidis, et nii “loodusõnnetuse või katastroofi korral või nakkushaiguste leviku tõkestamisel, terroristliku relvastatud grupeeringu likvideerimisel kui siseriikliku julgeoleku tagamisel” tuleb lähtuda “demokraatlikule riigikorraldusele tunnuslikust riigivõimu jaotumisest selle erinevate harude vahel koos samaaegse võimude tasakaalustusega”. Kaitseväge ei saa kasutada ühelgi loetletud juhul eriolukorda välja kuulutamata, mis PS §129 kohaselt on võimalik vaid seadusandja poolt kas Vabariigi Presidendi või Vabariigi Valitsuse taotlusel. Lisatakse, et “käsku, millega kaitsejõudusid rakendatakse sõjaliseks tegevuseks rahu ajal, ei saa anda mööda minnes Põhiseaduses sätestatud riigikaitse kõrgemast juhust”. Presidendile ei anta aga ka ainuvõimu kaitseväe üle, rõhutades et “Kaitsejõudude juhtimise korraldamisel tuleb arvestada funktsioone, mida Vabariigi Valitsus täidab Põhiseaduse alusel ja tema poliitilist vastutust. ... Põhiseaduse mõttega ei ole kooskõlas, et Vabariigi President annab kaitseväe juhatajale korraldusi, minnes mööda Vabariigi Valitsusest, kes peab ellu viima riigi sise- ja välispoliitikat”. Seega – “iga kingsepp lahusvõimude tasakaalu tingimustes “peab jääma oma liistude juurde””. Küsimus on – millised on Vabariigi Valitsuse kui ka Vabariigi Presidendi nii pädevuse kui ka selle ühe osa – käsuliini - piirid. Kas ja kuidas seadusandja need määratleb ja kuivõrd on need vastavuses PSA poolt sätestatud PS mõttega.

Oleme jõudnud PS teksti ja vaimu kohaldamisel teelahkmeni, mis sõltub ja on sõltunud seadusandliku võimu – Riigikogu – rollist PS kohaldamisel. Käsitlemisele kuulub

eelkõige PS tekstis otseselt viidatud ja seadusandja pädevusse arvatud “Rahuaaja riigikaitse seadus” ja “Sõjaaja riigikaitse seadus”, mis mõlemad kirjutavad detailselt lahti nii lahusvõimudest Vabariigi Presidendi kui ka Vabariigi Valitsuse pädevuse riigikaitse alal. Sellele seadusandlikule aktile sekundeerib ka teine konstitutsioonilise iseloomuga seadusandlik akt – Vabariigi Valitsuse seadus – oma arvukates modifikatsioonides. Laskumata sügavuti sõjaaja oludesse, tõdegem, et “Sõjaaja riigikaitse seaduse” kohaselt (§12) koondub alates sõjaseisukorra väljakuulutamisest käsuliini võimutäius kaitseväge ülemjuhataja kätte, mis muudab nii presidentaalse kui täidesaatva võimuharu teisejärguliseks. Samas on äärmiselt täpselt reguleeritud nii Vabariigi Presidendi (2.peatükk) kui ka Vabariigi Valitsuse (3 ja 4 peatükk) pädevus (9). Seega – pädevuse piirid lahusvõimude vahel on paika seatud.

Mis puutub “Rahuaaja riigikaitse seadusesse”, siis sellel on olnud rida teineteisest põhimõtteliselt eristunud redaktsioone, mille seadusandlik kehtestus on tulenenud Vabariigi Presidendi ülesandeid täitnud ühe või teise konkreetse isikuga. Täitevõimuga. Juhtisime juba tähelepanu Riigikogu poolt septembris 1994.a. vastu võetud ja Riigikohtu poolt tühistatud seaduse äärmiselt täitevõimu keskele versioonile. Versiooni läbikukkumine tulenes President Lennart Meri kompromissitusest leevendada lahusvõimude olemusest tulenevat riigipea positsiooni võimustruktuuris. Seetõttu 06.02.1995.a. Riigikogu poolt kinnitatud “Rahuaaja riigikaitse seadus” püsis oluliselt muutumatult “lennartmeriliku interpretatsiooni vaimus” kuni 2002 aastani, mil Vabariigi Presidendi kohused läksid üle Arnold Rüütli (10). Seaduse 1995.a redaktsioon, määratledes samuti üksikasjaliselt nii Vabariigi Presidendi (§§-d11-13) kui Vabariigi Valitsuse (§§-d 14-17) prerogatiivid, piirdub

Vabariigi Presidenti käsitlevalt PS teksti sissetoomisega lahtikirjutatud kujul. Vabariigi Valitsust puudutavalt antakse raamid, mille kohaselt “Vabariigi Valitsus suunab ja koordineerib ministeeriumide, maavanemate ning teiste riigikaitse ülesandeid täitvate asutuste ja organisatsioonide tegevust riigikaitse korraldamisel” (seega ei kuulu siia käsuliini pidi kaitseväge tegevuse korraldus)(§7). Nii Vabariigi Valitsuse kui ka Kaitseministeeriumi funktsioonid piirduvad selgelt kaitse- ja julgeolekupoliitika kavandamise ja nn. tagalateenistusega. (§§-d 14 ja 16). Ainsa erandina võiks oluliselt pikast funktsioonide loetelust välja tuua Vabariigi Valitsuse õiguse “kaitseväge ja Kaitseväge struktuuri kinnitamiseks, väeosade moodustamiseks, ümberformeerimiseks ja laialisaatmiseks ning paiknemise otsustuseks” ja kaitseministri õiguse “ettepaneku tegemiseks Vabariigi Valitsusele kaitseväge ja kaitseväe struktuuri kohta”. Seega – täidesaatva võimu nn. “tsiviilkontroll” ei haara “käsuliini”, ainsaks sisuliseks sekkumiseks kaitseväge ellu on väeosade formeerimise ja paiknemisega seotud küsimused.

“Rahuaja riigikaitse seadus”, mille seadusandja jõustas tunduvalt leebema ja kompromissialdima Arnold Rüütli presidentuuri ajal 2002.a., läheb aga oluliselt kaugemale presidendi käsuliini puudutava prerogatiivi piiramisel – loomulikult Vabariigi Valitsuse taotlusel (11). Nii on Vabariigi Valitsuse pädevusse antud “kaitseväge ülesehituse kehtestus määrusega, väeosade formeerimine, ümberformeerimine, laialisaatmine ja paiknemine, sõjalise valmisoleku astme muutmine kaitseministri ettepanekul, kaitseministri ettepanekul korralduse andmine kaitseväge juhataja käskkirja või toiminguga ebaotstabekohasuse motiivil kehtetuks tunnistamine, s.h. rahvusvahelise sõjalise koostöö alal, teenistusliku järelvalve teostamine kaitseväge üle (§5). Kui Kaitseministeeriumi funktsioonide loetelu ongi surutud

(ilmselt välistamaks Kaitseministeeriumi ja kaitseväe konflikte) äärmiselt kitsatesse raamisse (§10), lisandub sellele eriparagrahviga antud õigus teenistuslikuks järelevalveks kaitseväe üle (§9), millega antakse õigus kaitseministrile tunnistada käskkirjaga kehtetuks kaitseväe juhataja käskkiri, mis ei ole kooskõlas põhiseadusega, muude seadustega, Vabariigi Presidendi otsutega jne. ning peatada kaitseväe juhataja käskkirju nende ebaotstarbekuse motiividel. Seadus sellisel kujul annab ilmselgelt käsuliini täitevvõimu hallata, mis mitte kuidagi ei ole kooskõlas PSA poolt PS X peatükki teksti pandud mõttega.

Tähelepanu väärrib ka veel käeoleval ajal kehtiv “Vabariigi Valitsuse seadus”, mille kohaselt (§38) käsitletakse Eesti kaitseväge väljaspool muid täidesaatva riigivõimu asutusi (valitsusasutusi ja hallatavaid riigiasutusi) ning milles (§43¹) sätestatakse kaitseväe eristaatus (12). Seega teatud ulatuses autonoomia muust riigivalitsemise sfäärist. Seda on oluline teada, jõudes allpool Toomas-Hendrik Ilvese presidentuuri aegsesse täitevvõimu ambitsioonikasse katsesse lõpetada igasugune kaitseväe eristaatus “Kaitseväe korralduse seaduse” eelnõu kujul selle kooskõlastusringile esitusega.

Milline on siis tänane täitevvõimukeskne (Kaitseministeeriumi keskne) Eesti kaitseväe staatuse ja käsuliini puudutav nägemus? Teema raames väärrib käsitlust Kaitseministeeriumi ettevalmistatud “Kaitseväe korralduse seaduse” eelnõu ja sellega seotud kaitseministeeriumi ja kaitseväe kõrgete (endiste) ametisikute terav arvamustevahetus avalikus meedias.

Jaanuaris 2007.a. (25.01.2007.a. dateerituna) saatis Kaitseministeerium ametkondade vahelisele elektroonilisele kooskõlastusringile “Kaitseväe korralduse seaduse” eelnõu seletuskirjaga (18) ja sellega üheaegselt menetlemiseks

“Rahuaja riigikaitse seaduse, Vabariigi Valitsuse seaduse ja kriminaalmenetluse seaduse muutmise seaduse” eelnõu (19). Kui viimase eesmärgiks oli juba eelpool käsitlemist leidnud konstitutsiooniliste ja Riigikogu kvalifitseeritud hääleenamust nõudvate põhimõtete revideerimine, siis “Kaitseväe korralduse seaduse” eelnõu ülesandeks seati mitte ainult et seadusandliku vaakumi täitmine oludes, kus põhiseaduses lihtseadusena käsitletav “Kaitseväe korralduse seadus” senini puudub, vaid ka katsena põhimõtteliselt ja põhjalikult revideerida toimivat põhiseaduslikku korda nii, nagu seda nägi PSA Põhiseadust välja töötades. “Rahuaja riigikaitse seaduse ja Vabariigi Valitsuse seaduse muutmise seadus” sisaldab neis seni sätestatud kaitseväe autonoomia põhimõtete likvideerimist ja samastab nad kõigi muude riigiasutuste ja riigi hallatavate asutustega. Kaitsevägi peaks selle kohaselt kujunema “sõjaväelisel korraldatud riigiasutuseks Kaitseministeeriumi valitsemisalas”, kusjuures “kaitseväe õiguslik seisund ja ülesanded sätestatakse kaitseväe korralduse seadusega”.

Eelnõu kooskõlastusringile saatmisega kaasnes kohe ka Kaitseministeeriumi ja Kaitseväe Peastaabi sissisõda, mis leidis väljundi ka avalikku meediasse. Elektroonilises meediateates “Ta tegi seda jälle?-Kaitseväe korralduse seadus” endise kaitseministri Jürgen Ligi sulest kritiseeritakse Päevalehte viidatud kahe instantsi aastatepikkuse sisesõja avalikkuse ette toomise eest. Tekst: “Päevaleht (30.01.2007) on saanud kätte Tarmo Kõutsi (endine kaitseväe juhataja – AM) 2005.a. paberi ja pannud sealsed sõnad Ants Laaneotsa suhu. Ajalooliselt on see paber kõnekas, sest on üks militaarintriigide dokumenteeritud jälgi. See lammutab Kaitseväe korralduse seaduse üht (minu eelset) varianti ja koos sellega Eesti riigi alustalasid. Selle paberiga pandi Kadriorus, Stenbockis ja Lossi platsil kolistades seadusandlus järjekordselt seisma.

Peale rumaluse ja grupihuvi oli selles paberis ka pettus sees. Põhimure oli muidugi alluvus kaitseministrile, ja selle pärast tellis Peastaap Kaitseministeeriumi raha eest Kaitseministeeriumi eelnõud ründava teksti. See test eiras kehtivaid seaduseid ja tsitseeris valesti näiteks “Rahuaaja riigikaitse seadust:” lõigust “kaitsevägi on täitevõimu organ valitsuse alluvuses ja kaitseministeeriumi haldusalas” lõigati kaitseministri osa lihtsalt ära. Sealt tuletati juba kaitseväge politiseerimise jm probleem. Paraku on vahepeal (8.2006) ka järelvalve punkt end tõestanud kui hädavajalik. Seda lubas ka RRKS ning eelarve või käsuliinide segadus kinnitasid, et järelvalvet tuleb tugevdada, mitte aga sellest loobuda” (26).

Mida võime lugeda “Kaitseväge korralduse seaduse” eelnõust ja selle seletuskirjast? Kokkuvõtvalt poleemilisest: “Kaitsevägi on sõjaväeliselt korraldatud valitsusasutus Kaitseministeeriumi valitsemisalas” (§2), “Kaitseväge Peastaabi Põhimääruse kinnitab Vabariigi Valitsus”(§11) (mitte aga kaitseväge juhataja- AM), “Kaitseväge juhib kaitseväge juhataja, kes allub vahetult kaitseministrile (§17), “Kaitseväge Peastaabi ülema ja väeliikide ülemad nimetab ametisse Vabariigi President Vabariigi Valitsuse ja kaitseväge juhataja ettepanekul”(§18), ”käsüõiguse liigid ja käsüõiguse üleandmise ning vastuvõtmise ulatuse ja korra kehtestab kaitseminister määrusega”(§21), “Rahvusvahelises sõjalises koostöös osalemisel toimub käsüõiguse üleandmine teise riigi või rahvusvahelise organisatsiooni pädevale ülemale või vastuvõtmine pädevalt ülemalt rahvusvahelise sõjalise koostöö seaduses sätestatud alusel ja korras” (rahvusvaheliste lepingute prioriteet rahvusliku õiguse suhtes), Vist ei vaja kommentaare – tegemist on presidendivõimu marginaliseerimise ja sümboliseerimisega ning PSA poolt PS X peatükis sätestatu revideerimisega seadusandlikke tagahoovinõkse kasutades.

Seda kinnitab ka eelnõu seletuskirja värvikas lahtiseletav tekst. Mõned näited: “Eelnõu esitati 19.09.2005.a. kooskõlastamiseks ja arvamuse andmiseks kaitseväe juhatajale, kelle arvamus oli läbinisti eitav peamiselt väitega, et ei ole arvestatud sõjaväelise organisatsiooni eripära”; “Eesti kuulumine NATO-sse alates 2004.a. tingib vajaduse arvestada meie seadusandluses NATO õigustermineid ja regulatsioone”; “Muutub senine käsitlus, mille kohaselt kaitsevägi kujutab endast “kolmandat täitesaatva riigivõimu asutuste liiki lisaks valitsusasutustele ja hallatavatele riigiasutustele ... Loomulik on käsitleda kaitseväge hariliku valitsusasutusena“; “Paragrahvis 17 sätestatakse Kaitseväe juhataja vahetu alluvus kaitseministrile. Kaitseväe juhataja alluvuse küsimus on läbi aegade olnud suurema vaidluse objektiks ning see vaidlus on olnud peamiseks põhjuseks olukorrale, kus kaitsevägi on õiguslikult väga nõrgalt reguleeritud. Eelnõu koostajad on seisukohal, et kaitseväe juhataja alluvus peab olema seaduse tasemel üks-üheselt määratud. Kuna meie riigiõiguslikus süsteemis toimub täidesaatva riigivõimu teostamine läbi ministeeriumide ja kuna kaitsevägi asub kaitseministeeriumi valitsemisalas, siis ei saa kaitseväe juhataja alluda kellelegi teisele peale kaitseministri. Teistest riikidest saadud eeskujude põhjal võib väita, et kaitseväe juhataja allub reeglina ministrile ning tema ametisse nimetamise protseduur pole seotud tema alluvuse küsimusega. Nii on see näiteks Lätis ja Leedus, kusjuures Läti kaitseväe juhataja nimetab ametisse parlament Presidendi ettepanekul ning Leedu kaitseväe juhataja nimetab ametisse President parlamendi heakskiidul. Hollandis allub kaitseväe juhataja otseselt kaitseministeeriumi kantslerile ning ta on samaaegselt ka peastaabi ülem ja kaitseministeeriumi osakonnajuhataja. Saksamaal on kaitseväe juhatajaks kaitseminister”(18). Kokkuvõtlikult: “unustuse hõlma

püütakse suruda Eesti Vabariigi Põhiseadus ja sellesse kätketu mõte kui aeguma kippuv”, “riigi Põhiseadusest olulisemaks peetakse rahvusvahelisi lepinguid rahvusvahelise õiguse ühe osana (NATO standardid) aga ka Euroopa Liidu kui konföderaliseeruva moodustise muude osade (Läti, Leedu, Hollandi jne) praktika, unustades ära, et see tugineb nende põhiseadustel.

Siit ongi õige aeg üle minna viimase käsitlust vajava teema juurde ja nimelt “rahvusvahelise ja Eesti siseriikliku õiguse vahekordade juurde”. PS §3 teatavasti sätestab, et rahvusvahelise õiguse tunnustatud normid on Eesti õigussüsteemi lahutamatu osa.(8-§3) Seejuures rahvusvahelised lepingud võivad PS §120 ja 121 kohaselt olla tehtud Eesti Vabariigile kohustuslikeks nii Riigikogu poolt ratifitseerituna (PS §121) kui ka muude ametkondade poolt allkirjastatuna ja kinnitatuna. Seda kooskõlas “Välissuhtlemisseadusega”(14). Nimetatud seaduse §10 tunnistab kõik riigiasutused välissuhtluse subjektideks ja seaduse 4.-s peatükk sätestab “ametkondlikud välislepingud” ja õigustused riigiasutustele (näiteks kaitseministeeriumile) nende sõlmimiseks. Rahvusvahelise sõjalise koostöö korraldamiseks on alused sätestatud seadusandja poolt “Rahvusvahelise sõjalise koostöö seadusega” 2003. aastast, mille §4 meid puudutava teema osas sätestab rahvusvahelise sõjalise koostöö raames käsuõiguse üleande teise riigi või rahvusvahelise organisatsiooni (NATO – AM) ametiisikule. Seejuures sätestatakse, et sellise käsuliini üleande korra kehtestab kaitseminister(13). Kaitseminister on nimetatud alusel käskkirjaga 14.09.2004.a. nr.225 kehtestanud ”NATO standardimisdokumentide kinnitamise ja rakendamise juhendi kaitseministeeriumi valitsemisalas” (ametialaseks kasutuseks), millel põhineb NATO käsuliini puudutavate

standardite kehtestamine Eesti kaitseväele(17). Seega – rahvusvaheline õigus, s.h. kahe- ja mitmepoolsete lepingute näol annab kaitseministeeriumile kui tsiviilasutusele õiguse käsuliini alaste kokkulepete sõlmimiseks ja nende kohustuslikuks tegemiseks Eesti kaitseväele ja kaitseväge juhatajale. Oluline on, et selline käsuliini struktuuri kehtestus läheb mööda Kaitseväge kõrgemast juhust ja ka kaitseväge juhatajast, mis tekitab segadust protseduurides ja õõnestab senise käsuliini põhiseadusliku olemuse rakendatavust. Kuid – eks ole rahvusvaheline õigus osa Eesti õigussüsteemist!

Eeltoodud vastuoludele tugineski kaitseväge juhataja Tarmo Kõutsi ja kaitseminister Jürgen Ligi nn “käsuliini” konflikt. Paradoksaalne on, et kaitseminister Ligi seisis eelkõige Eestis toimiva siseriikliku korra – kuigi mitte põhiseadusliku korra - kaitsel, kaitseväge juhataja Kõuts aga NATO standarddokumendi, seega rahvusvaheliselt ametkondlikult võetud kohustuse kaitsel. Nii kehtiv “Rahuaaja riigikaitse seadus” kui ka selle 2002 aastani kehtinud redaktsioon nägid ette Vabariigi Valitsuse õiguse kehtestada kaitseväge territoriaalse ülesehituse. Perioodil enne 2002.a. tegi seda Vabariigi Valitsuse määrusega “Kaitseväge struktuur ja paiknemine”(15), alates 2002.a. määrusega “Kaitseväge ülesehitus”(16). Nii ühes kui teises määruses sätestatakse välismissioonidel osaleva nn. “Rahuoperatsioonide keskuse” alluvus vahetult maaväge ülemale, seega ka selle operatiivüksuste alluvus maavägede ülemale. Selline on siseriiklik käsuliin, mis, Vabariigi Valitsuse määrusega kehtestatult oli kohustuslik kaitseministrile. Kaitsevägede juhataja Kõuts aga tugines NATO standardile, mille kohaselt Afganistaanis teeniv operatiivüksus allub vahetult selle üksuse ülemale. Kõuts rõhutas, et “käsuliin ning vastutusala on kindlalt ning üheselt määratud ning kaitseväes ja kaitseliidus kasutatakse

käsuõiguse liike, mis on sätestatud NATO doktriinidega”. Ta lisas, et “doktriinid on kinnitatud STANAGidega (standardization agreement), mille on ratifitseerinud liikmesriigid, teiste hulgas ka Eesti. Ühenddoktriini AJP-01 (Allied Joint Publication) on kaitseministeerium ratifitseerinud 2005.a.. See on kaitseväelastele täitmiseks”(4). Sellele eelnes kaitseminister Ligi poolt kaitseväge juhataja Kõutsi 05.09.2005.a. käskkirja tühistamine, mille kohaselt sätestati käsuliin vastavalt NATO standardile. Kaitseministeeriumi hinnangul “ei võimaldavat praegused õigusaktid kaitseväge juhatajal kaitseväge struktuuriüksusi operatiivüleva alluvusse anda” ja “kuna kõik meie missiooniüksused kuuluvad ROKi (Rahuoperatsioonide keskus) koosseisu, siis vastavalt valitsuse määrusele on juhtimisahel järgmine: kaitseväge juhataja, maaväge ülem, ROKi ülem, missiooniüksuse ülem”(5). Konflikti järgselt avalda kaitseminister arvamust, et “riigikaitse suurimad probleemid pärinevad kaitseministeeriumi ja peastaabi erinevast arusaamast, selle (käsuliini – AM) eesmärkidest ja asendist ühiskonnas. NATO mudel polevat nii äge, kui on mundrid ja relvad ja väliõppused, need aga muutuvad meeste jaoks hõlpsasti asjaks iseeneses”(6). Kaitseväge juhataja Kõuts omakorda saatis tüli seisukohavõtuks Õiguskantslerile kui põhiseaduse puutumatus eest seisvale ametiisikule väites, et “USA ja Suurbritannia missiooniüksused alluvad relvajõudude operatiivülevaatele ning samalaadse juhtimissüsteemi kehtestas ka kaitseväge juhataja oma 05.09.2005.a käskkirjaga. Samasugust juhtimisahelat kirjeldavat ka NATO standard, mida kaitseminister kohustas kaitseväge rakendama oma 2005.a. käskkirjaga (NATO standardi harmoniseerimise kohta)(3). Seega – konflikt on sügavalt põhiseaduslik – kas kaitseväge juhataja on kaitseväes valitseva käsuliini juht, kas Eesti poolt ratifitseeritud

välislepingud kui rahvusvaheline õigus on Eesti õigussüsteemi osa ja kuidas käituda sellise rahvusvahelise standardi ja Eesti sisese täitevvõimu allakti vastuolu korral”. Nimetatu tingib veelkord PS-i PSA poolt kätketud mõtte järgimise problemaatika tõstatuse vajaduse.

Varasemalt leidis juba rõhutamist presidentuuri personaalse mehituduse aspekt põhiseaduslikkuse kujundamisel kaitseväge käsuliini suhtes. Kui President Lennart Meri valis PS sõna ja vaimu kompromissitu kaitse taktika, Arnold Rüütel PS sisu hiiliva lahjendamise taktika läbi jooksva seadusandluse, siis tänane President Toomas Hendrik Ilves on teinud panuse põhiseaduse muutmisele selle muutmiseks ettenähtud seaduslikus korras. Kavast algatada Põhiseaduse muutmise seaduse eelnõu teatas Vabariigi President avalikult 02.04.2007.a.. Vastavas Presidendi kantselei avalike suhete osakonna teates rõhutatakse välispoliitilist dimensiooni. “NATO liikmesriikides on kombeks, et kaitsejõud alluvad täitevvõimule ja seejuures on oluline, et kaitsejõudude eest kannab vastutust just täitevvõim”, ütles riigipea, lisades, et “niisugune alluvuse ja vastutuse summa tähendabki olulist osa tsiviilkontrollist või tsiviiljuhtimisest”. Teadaandes asutakse ka kritiseerima Eesti põhiseadusliku riigivõimu mudelit, öeldes, et “...jõuame loogilise ja meile ammutunud järelduseni, et täitevvõimu ametiisiku määramine ei saa parlamentaarses riigis olla ei parlamendi ega presidendi pädevuses, seda saab teha üksnes Valitsus. ... See 1938.a. põhiseadusest üle võetud konstruktsioon on tänapäeval tseremoniaalne lahendus, millel pole ratsionaalset põhjendust”. Eesti PS alustalaks olevat võimude lahutatuse ja tasakaalustatuse printsiipi kritiseerides väidab President, et “Kaitseväelased teavad, et käsuliin peab olema selge ega või tekitada kahtlusi. Nii ei saa olla ka küsimust, kas kaitseväge juhataja

võib alluda peaministrile, presidendile, kaitseministrile või ehk hoopis Riigikogu esimehele või kõigile neile korraga“(22). Esinedes Riigikogu ees 15.05.2007.a. andis Vabariigi President menetlemiseks üle “Põhiseaduse muutmise seaduse eelnõu ja tegi avalduse, kus ta jätkuvalt kritiseeris Eesti Vabariigi põhiseaduslikku mudelit. Oma esinemises ta teatas, et “algatab põhiseaduse muutmise selleks, et korrastada riigikaitse juhtimist ja tugevdada tsiviilkontrolli”. Ta möönab, et “PS X peatükk, mis käsitleb riigikaitset, on meie hästi õnnestunud põhiseaduse üks kõige enam kriitikat pälvinud osi”. Tehes reveranssi senisele põhiseaduslikule korrale, kiidab ta poliitiliselt silmakirjalikult senist riigipea staatust, öeldes, et ”Eelnõu ei muuda Vabariigi Presidendi kui riigikaitse kõrgeima juhi staatust. Leian, et see on kooskõlas Euroopa riikide põhiseaduslike traditsioonidega, mille kohaselt nimetatakse riigipead riigikaitse kõrgeimaks juhiks. Sarnane staatus on küll sümboolne ja tseremoniaalne, aga samas ka tasakaalustav”. Lõpuks püüab ta seada kahtluse alla PSA poolt PS-i pandud Eesti riikluse kompromissmudelit, mis seisnes parlamentarismi ja presidentialismi vahelises kesktees, väites: ”Eesti Vabariigi 1992.a. põhiseadus on parlamentaarse vabariigi põhiseadus. Riigikaitse peatükk aga on koostatud Eesti Vabariigi 1937.a. põhiseaduse, see tähendab presidentaalse riigi põhiseaduse eeskujul. Tulemuseks on hübriid, mis võimaldab asjaosalistel omada erinevat ja vastandlikku ettekujutust oma rollist ja positsioonist riigikaitse korraldamisel”(24). Samu põhimõtteid väljendas istuv Vabariigi President Riigikogu ees esinedes ka tema poolt algatatud seaduseelnõu esimesel lugemisel 12.05.2007.a.(25). Presidendi soovi muuta Eesti riigi spetsiifilist põhiseadusliku korra mudelit ei pruugi aga toetada Riigikogus esindatud poliitiliste jõudude enamus sellises ulatuses, et oleks võimalik muudatuse vastuvõtt

kiireloomuliselt – see tähendab ühe Riigikogu koosseisu jooksul. Sellist soovi aga on väljendanud 28.05.2007.a Riigikogu Põhiseaduskomisjon, kes on juhtivkomisjoniks eelnõule(7). Seetõttu on Vabariigi President kohtumistel Riigikogu riigikaitsekomisjoni liikmetega 19.04.2007.a. püüdnud hajutada juba eos poliitilise hirme poliitilise diktatuuri võimalikkuset, mis oli ka 1991-1992 PSA-s dominandiks tänase süsteemi kehtestamisele. Kohtumisel Vabariigi President kinnitas, et:”Vähendamaks hirme kaitsevæ juhataja ameti politiseerimise osas, tuleks seadusega sätestada kriteeriumid, millistele peab ametisse nimetatav isik vastama”(23).

Vabariigi Presidenti tunnustavalt tuleb mõnda, et ta ei ole läinud täna kehtiva põhiseaduse hiiliva seadusandliku revisjoni teele. Põhiseadus ja põhiseaduslik kord on muudetav vaid selleks ettenähtud korras. Ja see oleks õigusriigi seisukohalt positiivne signaal avalikkusele.

Lõpetuseks: millised on seaduslikud alternatiivid riigikaitset puudutavate põhiseaduslike vastuolude ja kitsaskohtade elimineerimiseks. Esiteks kaheldamatult Põhiseaduse muutmine, millega on algust teinud istuv Vabariigi President Toomas.Hendrik Ilves. On aga ka seadusandlikke lahendeid – tõsi, küll seda vaid rangelt PS teksti ja vaimu järgides, millisena ei saa olla käsitletav täna kooskõlastusringil olev “Kaitsevæ korralduse seadus”. Selline seadus saab olla üles ehitatud vaid kooskõlas PSA poolt PS X peatükki pandud alusmõistetega, millistestst olulisem on – Vabariigi President riigikaitse kõrgeima juhina on kaitsevæ käsuliini juht. Vabariigi Valitsus on julgeoleku- ja kaitsekontseptsioonide ning tagalateenistuse eest vastutav tsiviilkontrolli ja tsiviiljuhtimise organ. Seadusandja ülesandeks on tagada rahvusvaheliste

lepingute ja rahvusvahelise muu õiguse harmoniseerimine Eesti põhiseaduslikku korda nii, et see ei oleks põhiseadusega vastuolus .

September, 2007.a.

KASUTATUD KIRJANDUSE, ARHIIVIMATERJALIDE JA ÕIGUSAKTIDE LOETELU

Kirjandus ja publikatsioonid /elektroonilised publikatsioonid/

1. Põhiseadus ja Põhiseaduslik Assamblee. Koguteos. Justiitsministeerium,1997
2. Riigikohtu lahendid 1993/1994. Riigikohtu väljaanne. Tallinn, 1995
3. P.Kuimet.“Kõuts pöördus käsuliini tüliga õiguskantsleri poole”. PM online.11.05.2006.a. – <http://missid.postimees.ee/011106/esileht/siseuudised>
4. P.Kuimet.“Kõuts:käsuliiniga on kaitseväes kõik korras”. PM online.24.10.2006.a. – <http://missid.postimees.ee/0111106/esileht/siseuudised>
5. P.Kuimet.”Ligi tühistas Kõutsi käskkirja missiooniüksuste alluvusest”.PM online.31.10.2006.a. – <http://missid.postimees.ee/021106/esileht/siseuudised>
6. J.Ligi.”Ligi:Peastaabil on erinev arusaam riigikaitsest”. 11.07.2006.a. – <http://www.styx.ee>
7. “Riigikogu hakkab muutma põhiseadust”.DELFI uudisteportaal.28.05.2007.a. – <http://www.delfi.ee/news/paevauudised/eesti>

Õigusaktid.

8. Eesti Vabariigi Põhiseadus. RT 1992,26,349; RT I 2003,64,429
 9. Sõjaaja riigikaitse seadus. RT I 1994, 69,1194; RT I 2003,13,69
 10. Rahuaja riigikaitse seadus. RT I 1995,18,240; RT I 2002,21,117
 11. Rahuaja riigikaitse seadus. RT I 2002,57,354; RT I 2006,50,374
 12. Vabariigi Valitsuse seadus. RT I 1995, 94,1628; RT I 2007,44,316
 13. Rahvusvahelise sõjalise koostöö seadus. RT I 2003,23,138; RT I 2004, 81,541
 14. Välissuhtlemisseadus. RT I 2006, 32,248
 15. Vabariigi Valitsuse määrus 22.05.2002.a.(?)nr.172(?) “Kaitseväe struktuur ja paiknemine”. RT I 2002,44,290
 16. Vabariigi Valitsuse määrus 22.05.2002.a.nr.172 “Kaitseväe ülesehitus”. RT I 2002,44,290; RT I 2005,39,310
 17. “NATO standardimisdokumentide kinnitamise ja rakendamise juhend”.Kinnitatud Kaitseministri käskkirjaga 14.09.2004.a. nr. 225 (ametkonnasiseseks kasutamiseks). – Kaitseministeeriumi arhiiv
- Arhiivi /elektroonilise arhiivi/ materjalid
18. “Kaitseväe korralduse seadus.Eelnõu ja seletuskiri.25.01.2007.a.– <http://eoigus.just.ee>
 19. “Rahuaja riigikaitse seaduse,Vabariigi Valitsuse seaduse ja kriminaalmenetluse seadustiku muutmise seadus”.Eelnõu ja seletuskiri.25.01.2007.a.– <http://eoigus.just.ee>

20. Liia Hänni ja T.Toomsalu elektronkirjavahetuse väljatrukk 30.08.2007.a. – T.Toomsalu isiklik arhiiv
21. Enn Tarto ja T.Toomsalu elektronkirjavahetuse väljatrukk 05.09.2007.a. – T.Toomsalu isiklik arhiiv
22. “Vabariigi President avalikustas kava algatada põhiseaduse muutmise seaduse eelnõu”. Presidendi kantselei avalike suhete osakond. Teade. 02.04.2007.a. – Vabariigi Presidendi elektrooniline arhiiv, <http://www.president.ee>
23. “”President Ilves arutas parlamendi riigikaitse komisjoniga põhiseaduse muutmise ettepanekut”. Presidendi kantselei avalike suhete osakond. Teade. 19.04.2007.a. – Vabariigi Presidendi elektrooniline arhiiv: <http://www.president.ee>
24. “Vabariigi Presidendi avaldus Riigikogu ees Põhiseaduse muutmise seaduse eelnõu esitamisel”. Avaldus.15.05.2007.a. – Vabariigi Presidendi elektrooniline arhiiv: <http://www.president.ee>
25. “Vabariigi President Eesti Vabariigi Põhiseaduse muutmise seaduse eelnõu esimesel lugemisel Riigikogus 12.06.2007.a.”. Presidendi kantselei avalike suhete osakond. Teade. 12.06.2007.a. – Vabariigi Presidendi elektrooniline arhiiv: <http://www.president.ee>
26. Jürgen Ligi. “Ta tegi seda jälle?-Kaitseväe korralduse seadus. Isiklik elektrooniline blogi – <http://www.reform.ee/kandidaat/client/jyrgenligi/blogi/282>

Профессора, Татьяна Листопад,

Елена Онищик

Социально-Гуманитарный институт, Таллинн

Психологические аспекты материнства

Психология материнства - одна из наиболее сложных и мало разработанных областей современной науки. Исследования материнства неизбежно затрагивают целый ряд смежных и пограничных наук: истории, культурологии, медицины, физиологии, социологии, психологии (19, 31, 36, 45).

В современных исследованиях материнства наблюдается значительное разнообразие во взглядах исследователей, но условно можно выделить две позиции.

Одну позицию занимает Элизабет Бадинтер (19, 31, 42), проследившая историю материнских установок на протяжении четырех столетий (с XVII до XX вв.), и не обнаружив никакого всеобщего и необходимого поведения матери, а наоборот - изменчивость материнских чувств в зависимости от культуры, амбиций или фрустраций, пришла к выводу, что «материнский инстинкт - это миф», «все зависит от матери, от ее истории и Истории» (31). Материнская любовь, по ее наблюдениям, - это понятие, которое не просто эволюционирует, но наполняется в различные периоды истории различным содержанием. Исследователь рассматривает во взаимосвязи три главные социальные женские роли: матери, жены и

свободно реализующейся женщины. Она полагает, что в различные эпохи та или иная из этих ролей становилась доминирующей. Э. Бадинтер указала на связь между общественными потребностями и мерой материнской ответственности за рождение ребенка: "Женщина становится лучшей или худшей матерью в зависимости от того, ценится или же обесценивается в обществе материнство" (41, с.20).

Проанализировав динамику материнских установок во Франции на протяжении нескольких веков, Э. Бадинтер пришла к выводу, что до конца XVIII века материнская любовь была, скорее исключением, случайным явлением. В те времена репродуктивная функция женщины воспринималась лишь как обыденная, ничем не выделяющаяся часть ее обязанностей в семье, несколько не более важная, чем все остальные. Ценилось не чудо новой жизни, а скорее сословное положение ребенка, порядок рождения и пол (ценился прежде всего законнорожденный мальчик и первенец). Расхожим являлось спокойное отношение к гибели ребенка - "Бог дал, Бог и взял", "в мире ином ему будет лучше" и т.д. При появлении нежеланных и внебрачных младенцев был распространен так называемый "закамуфлированный инфантицид" (41, с.37.) - практика несчастных случаев или же подбрасывания новорожденных в чужие дома.

В конце XVIII века формируется образ нежной, любящей, заботливой «Новой матери»: разворачивается кампания в защиту грудного вскармливания своих детей, без кормилиц, не любить детей становится стыдно. В это время происходит индивидуализация

внутрисемейных отношений: каждый ребенок, даже новорожденный становится принципиально единственным, незаменимым, и его смерть начинает восприниматься как невосполнимая и горькая утрата (19).

Во второй половине XX века вновь снова проявились тенденции враждебные «детоцентризму» и отодвигающие материнство на задний план. Семейные роли, включая материнство, становятся уже не столь всеобъемлющими и, возможно, менее значимыми для многих. Самоуважение женщины имеет, кроме материнства, многие другие основания - профессиональные достижения, социальную независимость, самостоятельно достигнутое, а не приобретенное благодаря замужеству, общественное положение. Все это существенно изменяет характер материнского поведения. В исследованиях Ф. Ариеса показано, что изменился образ ребенка в общественном европейском сознании: "...он стал мыслиться как докучливое, ненужное создание, которое стараются «отодвинуть» даже чисто физически, уменьшая количество и качество телесного контакта, делая воспитание ребенка подобным технологическому процессу. Спад рождаемости связан с боязнью будущего, ростом мотивации личностного развития, желанием утвердить свое место в жизни, свою индивидуальность, иметь устойчивое социальное положение раньше, чем посвятить себя заботе о детях" (15).

Исследования разных культурных вариантов материнства в современном обществе также

свидетельствуют о влиянии имеющихся моделей семьи, детства и ценностей, принятых в данной культуре, на материнское поведение и переживания женщины (8,14,20).

Таким образом, согласно этой позиции, материнство - это одна из социальных женских ролей, поэтому даже если потребность быть матерью и заложена в женской природе, общественные нормы и ценности оказывают определяющее влияние на проявления материнского отношения. "Понятие «нормы материнского отношения» не является постоянным, так как содержание материнских установок меняется от эпохи к эпохе. Той или иной социальной установке соответствует определенный образ ребенка. Отклоняющиеся проявления материнского отношения существовали всегда, но они могли носить более скрытые или открытые формы и сопровождаться большим или меньшим чувством вины в зависимости от общественного отношения к этим актам" (15. с.44).

Другая позиция заключается в том, что материнская забота и привязанность к ребенку настолько глубоко заложены в реальных биологических условиях зачатия и вынашивания, родов и кормления грудью, что даже сложные социальные установки не могут полностью подавить их. Женщины являются матерями по самой своей природе и что-либо может измениться только при условии, что их специально будут учить отрицанию своих детородных качеств: «Общество должно исказить их самосознание, извратить врожденные закономерности их развития, совершить целый ряд надругательств над ними при их воспитании, чтобы они

перестали желать заботиться о своем ребенке, по крайней мере в течение нескольких лет...» (41, с.3).

В то же время отмечается огромное влияние социальных установок, общественных норм. В социуме, где неодобрительно относятся к беременности, если женское чувство адекватности своей половой роли грубо искажено, женщины могут идти на все, чтобы не рожать детей. М. Мид проводит параллели между «примитивными» и «развитыми» цивилизациями в том, как происходит подавление естественных материнских чувств: кросскультурные исследования свидетельствуют, что там, где люди превыше всего ценят социальный ранг, когда детоубийство могло повысить социальное положение женщины, известны случаи избавления от своего ребенка (31).

Рассмотрев две точки зрения исследователей материнства, по одной из которых материнство - это инстинкт и практически ничто не может его изменить; по другой - инстинкта как такового нет, все зависит лишь от социальных, общественных норм и ценностей, нам представлялось интересным изучить понятие «материнского инстинкта».

В современной литературе понятие инстинкта, и материнского инстинкта в том числе недостаточно определено не только в психологии, но и в биологии. "В современной биологии термин «инстинкт» практически не встречается, уступив место таким определениям, как паттерны поведения, фиксированные последовательности действий, нервные модели

стимулов, сензитивные периоды, эпигенетические закономерности развития и др." (43, с.57). В психологии же до сих пор встречается использование термина "материнский инстинкт". В классической психологии инстинкт отождествлялся с влечением или потребностями (У.Макдауголл). В сравнительно-психологическом плане материнский инстинкт рассматривали В.А. Вагнер, позднее Н. А. Тих (42). Основная полемика вокруг проблемы "материнского инстинкта" в психологической литературе разгорелась во второй половине XX в. Одни исследователи утверждали, что социальные факторы играют роль в формировании материнского отношения, другие придерживались убеждения, что материнская привязанность подчиняется во многом тем же врожденным механизмам, которые роднят человеческий вид с животными. Даже привязанность первоначально рассматривалась как приспособительный механизм вида, увеличивающий шансы выживания. Исследования показывают, что психосоматическое равновесие ребенка тесно связано со взаимодействием ребенка и матери (16,17,23,24) «Хроническая нехватка привязанности приводит у ребенка к нервной анорексии, бессоннице, ослаблению иммунной системы» (6, с.54).

Не меньший интерес представляют исследования, изучающие материнство как стадию половозрастной и личностной идентификации. В исследованиях этого направления материнство анализируется с точки зрения личностного развития женщины, психологических и физиологических особенностей разных периодов репродуктивного цикла (в отличие от других периодов жизни) и т.п. Такие исследования проводятся в рамках различных психологических подходов (психоанализ,

гуманистическая психология, психиатрия, психофизиология, этология, кросскультурные исследования, сравнительная психология и т.д.) с использованием различных методов.

Одной из наиболее важных фаз материнства считается беременность, которая рассматривается как критический период жизни женщины, период полоролевой идентификации. "В это время актуализируются неизжитые детские психологические проблемы, личностные конфликты, проблемы во взаимодействии со своей матерью, в переживаниях беременности играют роль особенности модели материнства своей матери, адаптация к супружеству и т.п." (5, с.64). В работах, посвященных этой проблеме, беременность понимается как острый переходный период, который часто сопровождается кризисными переживаниями. В ходе беременности существенно меняются сознание женщины и ее взаимоотношения с миром. В первую очередь меняется образ жизни, происходит "вживание в роль матери". Для многих женщин беременность и роды это сдвиг к зрелости и возрастанию самоуважения; для других, наоборот, это может быть толчком к проблемам ранних материнско-детских отношений. Особенно стрессовой является первая беременность, так как она несет в себе существенные изменения, поскольку отныне психическое равновесие матери становится связанным с запросами беспомощного и зависимого существа. Этот период считается критической точкой в развитии женской идентичности.

Материнская сфера является вариантом более общей родительской сферы, которая сама входит в состав репродуктивной сферы. Репродуктивная сфера обеспечивает "удовлетворение потребности вида в его существовании". Часто встречается объединение потребностей репродуктивной сферы как «потребности в размножении», У. Мак Дауголл говорит о потребности в продолжении рода, В.К. Вильюнас - о потребности в воспроизводстве, Г.А. Мюррей - о потребности в размножении, П. Янг выделяет потребность сексуальную, К. Мадсен — половую и в уходе за детьми, И.П. Павлов — половую и родительскую. Кроме этого, отмечаются такие потребности как, например, потребность продолжить себя, реализовать свои несбывшиеся ожидания и планы, соответствовать культурной или индивидуальной модели личности и т.д. Половая и родительская сферы различаются в том, что в основе половой сферы лежит потребность в переживании определенных соматических состояний. В основе родительской сферы лежат более сложные потребности, основными из которых являются обеспечение родительских функций по отношению к потомству. Представления о рождении ребенка, забота о потомстве, продолжении рода, материнстве и отцовстве значительно различаются в разных культурах и в разные исторические эпохи.

Одной из наиболее острых и болезненных проблем материнства является проблема бесплодия - почти каждая восьмая семья сталкивается с проблемой зачатия ребенка, а каждая шестая супружеская пара является бесплодной (5, с.5).

Современные определения бесплодия, в основном, отражают медицинский аспект, и причины возникновения выделяются чисто физиологические. Такое понятие как психологическое бесплодие и варианты этого понятия: "психологическое бесплодие", "идиопатическое бесплодие", "бесплодие неясного генеза", а также "психосоматическое" и "психогенное бесплодие", ни один словарь, включая Психологический Словарь и Психоаналитический Словарь, не приводят. Это оказалось довольно интересным, поскольку термин довольно часто встречается в исследовательской литературе и трактуется как ненаступление беременности на фоне абсолютного здоровья и совместимости обоих супругов. То, что термин не фигурирует в словарях, возможно объясняется относительной новизной понятия и тем, что, скорее всего, термин введен не психологами.

Известие о бесплодии - всегда психологическая травма для женщины. Первая реакция на такую новость - шок, страх, чувство безысходности, чувство неполноценности. Затем следует фаза депрессии, или состояния, близкого к депрессивному. После этого, как правило, наступает осознание и принятие ситуации, от которого во многом зависит успех или неуспех дальнейших действий. Чувство зависти, чувство вины, чувство собственной неполноценности – далеко не полный спектр чувств женщины в стадии осознания и принятия ситуации, и это естественно, поскольку инстинкт к размножению, воспроизведению, является одним из самых сильных, и для человека важна уверенность в том, что у него в принципе есть возможность иметь детей (5). Однако, принятие и осознание не избавляют от определенных

психологических проблем. Как правило, пары продолжают испытывать такие проблемы как: злость на то, что бесплодие мешает их полноценной жизни; раздражение на несправедливость при лечении бесплодия; разочарование, что существующие методы лечения не гарантируют рождение ребенка, даже после того, как будет потрачено много времени и эмоциональной энергии; болезненная чувствительность и ранимость; отсутствие удовольствия от сексуальной жизни, - поскольку неспособность к зачатию влияет на чувство собственного достоинства, то иногда это негативно сказывается на сексуальной жизни, которую начинают рассматривать как "источник" бесплодия (41).

Психологическое бесплодие иногда ещё называют идиопатическим, т.е. необъяснимым, и оно затрагивает около 30% всех бездетных супружеских пар. Специалисты по бесплодию утверждают, что внутренние конфликты, страхи, стрессы блокируют репродуктивную способность и могут действовать как запрет на беременность. В современных исследованиях выделяется большое количество причин, которые могут вызвать психологическое бесплодие.

Одним из факторов, приводящих к идиопатическому бесплодию, является срыв нервной системы, происходящий под влиянием различных стрессов, поскольку готовность женщины к зачатию связана не только с состоянием ее репродуктивной системы, но и с ее психическим состоянием. Связующим звеном между психологической и соматической (телесной) сферой является аффект (эмоциональное состояние, связанное с резким изменением для человека жизненных

обстоятельств), оказывающий патологическое влияние на организм женщины (7, с.28). Беременность не наступает из-за определённых включённых защитных механизмов, поскольку она воспринимается как угроза для психологического состояния, т.е. беременность может не наступить из-за воздействия стресса, обусловленного длительно действующими психическими травмами. Такими факторами могут быть все события, которые оказывают сильное влияние на психику человека: развод, неблагоприятные условия жизни, смерть родственников и близких, тяжелые воспоминания о детстве (возможно связанные с жестоким обращением, изнасилованием или каким-нибудь другим видом насилия). Все это оставляет болезненные воспоминания, которые активно влияют на жизнь женщины. И будущая мать подсознательно стремится избавить его от тех негативных переживаний, которые были у нее. И пока её жизненная ситуация будет складываться так, что она чувствует себя не в состоянии защитить своего ребенка – беременность не наступит.

Другую группу причин, вызывающих психологическое бесплодие, связывают с внутренними конфликтами, которые возникают между разными желаниями (мотивами) женщины. Например, выбор между ребенком и карьерой. Оба эти желания могут быть одинаковыми по интенсивности, но, направленными в разные стороны – если беременность наступит, на какое-то время придется забыть о карьере. Отмечается также, что неразрешимый конфликт желаний – как и неустранимый стресс – порождает в конечном счёте "реакцию капитуляции", отказ от достижения цели, что

создаёт предпосылку для развития психосоматического бесплодия (10, с.87).

Кроме основных, базовых, причин, обуславливающих бесплодие, существуют негативные установки, давление окружающих, страхи.

К такой негативной установке можно отнести так называемую "противозачаточную установку". В обществе, где с началом половой жизни основным опасением девушки является нежелательная беременность, часто возникает такая проблема, как психологическое бесплодие. Женщина, начавшая половую жизнь довольно рано (в Эстонии это примерно 13-14 лет), начинает воспринимать беременность как негативное событие в своей жизни. Со временем «противозачаточная» установка глубоко укореняется и довольно трудно поддается коррекции.

Кроме того, негативное влияние может оказать также давление окружающих. Очень часто родственники, друзья, знакомые, сами того не желая, провоцируют на негативное восприятие того, что в семье еще не появился ребенок, результатом является состояние тревоги – женщина начинает торопиться, тем самым, провоцируя возникновение психологического бесплодия.

Помимо указанных причин, специалисты по бесплодию неясного генеза отмечают проблему т.н. "замкнутого

круга". Это происходит в том случае, когда женщина, желающая, но не сумевшая забеременеть за определенный промежуток времени, установленный ею самой, начинает на подсознательном уровне внушать себе мысль, что ей никогда не суждено стать матерью. У женщин душевные переживания иногда настолько изменяют гормональный баланс, что беременность становится просто невозможной: психологический шок может спровоцировать прекращение овуляции. Когда пара слишком напряженно ждет положительного результата, она тем самым снижает его вероятность. Этот замкнутый круг - самое опасное в психологических аспектах бесплодия: женщина боится, что так и останется без детей, а каждый день без них усиливает эти страхи - все это отодвигают зачатие (16).

Изучая вид страха, влияющий на возможность осуществления репродуктивной функции, было выявлено, что наиболее часто встречающиеся: страх перед будущим (прекратится жизнь для себя, изменится привычный уклад жизни, появится ответственность за ребёнка, появятся новые финансовые расходы и т.п.); страх перед родами (страх физической боли, боязнь за себя и малыша); страх потери физической привлекательности; страх потерять работу. Помимо названных видов страха описаны индивидуальные и специфические страхи (15,43).

Таким образом, готовность женщины к зачатию связана не только с состоянием ее репродуктивной системы, но и с ее психическим статусом. Диагноз первичное бесплодие является психологической травмой для

женщины Личностные особенности женщин с первичным бесплодием отличны от «успешных матерей», имеющих одного или нескольких детей. Психоэмоциональное состояние женщин, имеющих диагноз первичное бесплодие, характеризуется эмоциональной неустойчивостью, повышенной тревожностью, вызванной сомнениями в своей состоятельности, депрессией и страхами, что и было выдвинуто в качестве гипотез исследования.

Целью данной исследования является изучение и сравнение личностных особенностей у женщин с диагнозом первичное бесплодие и женщин, имеющих одного или нескольких детей.

Объектом исследования данной части работы были две группы женщин 25-35 лет, в одной из которых были женщины, имеющие детей, в другой - женщины с диагнозом первичное бесплодие.

Предмет исследования – личностные особенности и психо-эмоциональная сфера женщин 25-35 лет.

Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

1. Выявление механизмов психологической защиты в группах женщин 25-35 лет.
2. Дифференциальная диагностика депрессивных состояний и состояний, близких к депрессии.
3. Исследование степени самоактуализации.

4. Исследование уровня субъективного контроля.
5. Сравнительный анализ полученных данных.

Исследование проводилось в течение двух месяцев (февраль – март 2007г.).

Для определения у испытуемых в обеих группах механизмов психологической защиты, был использован опросник Плутчика-Келлермана-Конте, где представлены восемь эго-защитных процессов, которые формируют восемь отдельных шкал: это вытеснение; регрессия; замещение; отрицание; проекция; компенсация; гиперкомпенсация; рационализация. Оценивалась напряженность психологических защит.

Для определения самоактуализации был использован САТ (самоактуализационный тест). Понятие самоактуализации включает в себя всестороннее и непрерывное развитие творческого и духовного потенциала человека, максимальную реализацию всех его возможностей, адекватное восприятие окружающих, мира и своего места в нем, богатство эмоциональной сферы и духовной жизни, высокий уровень психического здоровья.

САТ измеряет самоактуализацию по двум базовым шкалам (Шкала Компетентности во времени и Шкала поддержки) и ряду дополнительных шкал (12).

Для определения уровня субъективного контроля был проведен тест УСК, позволяющий определить, в какой

степени человек ощущает себя активным субъектом собственной деятельности, а в какой - пассивным объектом действия других людей и внешних обстоятельств.

Для дифференциальной диагностики депрессивных состояний и состояний, близких к депрессии была использована Шкала Депрессии. С помощью этого теста, возможно выявить депрессивное состояние; субдепрессивное состояние (или маскированную депрессию); легкую депрессию ситуативного или невротического характера; либо состояние без депрессии.

Результаты исследования:

Результаты, полученные в группе у женщин с бесплодием по Самоактуализационному тесту, показали, что большинство испытуемых набрали высокие баллы по Шкале Ценностных ориентаций (средний балл 14.2 из 20), что означает высокую степень самоактуализации и по Шкале Гибкости поведения, (15.9 из 24), что диагностирует степень гибкости в реализации своих ценностей в поведении, взаимодействии с окружающими людьми, способность быстро и адекватно реагировать на изменяющуюся ситуацию (Приложение 1).

Эти две шкалы, дополняя друг друга, образуют блок ценностей.

Кроме того, достаточно высокие баллы в этой группе были выявлены по Шкале Познавательных

потребностей, (7.5 из 11), что определяет степень выраженности у субъекта стремления к приобретению знания об окружающем мире; и по Шкале Креативности, (9.4 из 14), что характеризует выраженность творческой направленности личности. Шкалы Познательных потребностей и Креативности составляют блок отношения к познанию.

Существенно отличаются показатели в двух группах по Шкале Самоуважения, (11.2 из 15), что свидетельствует о способности субъекта ценить свои достоинства, положительные свойства характера, уважать себя за них. В данной группе у испытуемых низкие показатели. А также по Шкале Самопринятия, (13.4 из 21), которая регистрирует степень принятия человеком себя таким, как есть, вне зависимости от оценки своих достоинств и недостатков.

Во второй группе женщин, имеющих детей, были выявлено повышение по всем шкалам, что говорит о высоком уровне самоактуализации личности, всестороннее и непрерывное развитие творческого и духовного потенциала, максимальную реализацию всех его возможностей, адекватное восприятие окружающих, мира и своего места в нем, богатство эмоциональной сферы и духовной жизни, высокий уровень психического здоровья.

Полученные данные позволяют нам сделать вывод, что у женщин с бесплодием наблюдается низкая способность оценивать свои достоинства, положительные свойства характера, уважать себя за

них, а также принимать себя таким, как есть, вне зависимости от оценки своих достоинств и недостатков. Кроме того, результаты показали ориентацию женщин лишь на один из отрезков временной шкалы (прошлое, настоящее или будущее), а также высокую степень зависимости, конформности, несамостоятельности субъекта, т.е. "извне направляемая" личность, в рамках локуса контроля.

Тест "УСК" помогает определить то, в какой степени человек ощущает себя активным субъектом собственной деятельности, а в какой - пассивным объектом действия других людей и внешних обстоятельств.

Испытуемые из контрольной группы набрали высокие показатели по всем 7 шкалам, что свидетельствует о высоком уровне субъективного контроля над любыми значимыми ситуациями (Приложение 2). Такие люди считают, что всего хорошего, что было и есть в их жизни, они добились сами и что они способны с успехом преследовать свои цели и в будущем, они также читают себя ответственными за события своей семейной жизни, и считают себя во многом ответственными за свое здоровье.

Испытуемые с диагнозом бесплодие в большинстве своем набрали низкие баллы по шкале интернальности в семейных отношениях (4 из 10). Низкий показатель указывает на то, что субъект считает не себя, а своих партнеров причиной значимых ситуаций, возникающих в его семье. Также низкие баллы по шкале

интернальности в области производственных отношений, (4.8) указывают на то, что испытуемый склонен приписывать более важное значение внешним обстоятельствам, другим людям, везению—невезению. Интересно также отметить, что у испытуемых в этой группе результаты по шкале интернальности в отношении здоровья и болезни (4.9) указывают на то, что испытуемые склонны считать здоровье и болезнь результатом случая и надеются на то, что выздоровление придет в результате действий других людей, первым делом врачей.

По опроснику Плутчика-Келлермана-Конте были получены интересные результаты: в обеих группах полученные данные практически совпадают, т.е. в двух выборках срабатывают одни и те же эго-защитные процессы: отрицание, проекция и рационализация (Приложение 3). Однако, оценивая статистическую значимость этих результатов по критерию Стюдента, мы получили результат, указывающий на то, что результат не является статистически значимым. Т.е. на данном этапе исследования выдвинутая гипотеза не подтверждается и говорить о достоверности различий представляется необоснованным.

Результаты применения теста «Шкала депрессии» свидетельствовали о том, что у испытуемых в обеих группах было выявлено состояние без депрессии (Приложение 4). У нескольких женщин с бесплодием показатели были близки к уровню легкой депрессии ситуативного или невротического характера, однако, находились все же в пределах состояния без депрессии. Возможно, это объясняется тем, что основным

механизмом психологической защиты у испытуемых является отрицание, а результаты исследования уровня субъективного контроля указывают на то, что испытуемые с бесплодием склонны считать здоровье и болезнь результатом случая и надеются на то, что выздоровление придет в результате действий других людей, в первую очередь - врачей.

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. У женщин с диагнозом первичное бесплодие выявляются такие механизмы психологической защиты как отрицание, проекция и рационализация.

2. Дифференциальная диагностика депрессивных состояний показала, что у женщин из основной группы (т.е. с бесплодием) не выявлено депрессивное состояние, равно как и у женщин из контрольной группы.

3. Исследование степени самоактуализации показали, что у женщин с бесплодием наблюдается низкая способность ценить свои достоинства, положительные свойства характера, уважать себя за них, а также принимать себя таким, как есть, вне зависимости от оценки своих достоинств и недостатков. Кроме того, результаты показали ориентацию женщин лишь на один из отрезков временной шкалы (прошлое, настоящее или будущее), а также высокую степень зависимости, конформности, несамостоятельности

субъекта, т.е. "извне направляемая" личность, внешнем локусе контроля. В этом существенное отличие от показателей контрольной группы.

4. Исследование уровня субъективного контроля указывают на то, что испытуемые с бесплодием склонны считать здоровье и болезнь результатом случая и надеются на то, что выздоровление придет в результате действий других людей, в первую очередь - врачей.

5. Сравнительный анализ результатов показал, что различия в основной и контрольной группе наблюдаются по шкале интернальности в отношении здоровья и болезни, по шкале интернальности в области производственных отношений, а также по шкале самоуважения и самопринятия. По остальным показателям, в том числе по шкале депрессии и механизмам психологической защиты, существенных различий обнаружено не было.

Обобщая результаты, полученные в ходе исследования, можно утверждать, что диагноз первичное бесплодие оказывает влияние на личностные особенности и психо-эмоциональную сферу у женщин. У женщин с диагнозом первичное бесплодие выявляются такие механизмы психологической защиты как: отрицание, проекция и рационализация. Однако, проведенное исследование психо-эмоционального состояния женщин в контрольной группе и в группе женщин с бесплодием, и сравнение полученных результатов свидетельствуют о том, что гипотезы, выдвинутые в данном исследовании,

подтвердились лишь частично и требует дальнейшего изучения.

Литература:

1. Абрамченко В.В., Коваленко Н.П. Перинатальная психология. СПб., 2001.
2. Баженова О.В., Баз Л.Л., Копыл О.А. Готовность к материнству: выделение факторов, условий психологического риска для будущего развития ребенка. //Синапс, 1993, №4. С.35-42.
3. Батуев А.С. Возникновение психики в дородовой период: краткий обзор современных исследований //Психологический журнал. 2000, №6. С.51-56.
4. Безрукова О.Н., Самойлова В.А. Влияние социально-психологических факторов риска на репродуктивное здоровье женщины. //Психофизиология матери и ребенка. Сб.статей /Под ред А.С.Батуева. СПб.:Изд-во СПб ун-та, 1999.
5. Бесплодие в супружестве. /Под ред. И. Т. Юнды. Киев: Здоровье, 1990.
6. Березин Ф.Б. Психическая и психологическая адаптация человека. Л., 1988.
7. Бодров В.А. Психологический стресс. М., ИП РАН, 1995.
8. Брутман В.И., Радионова М.С. Формирование привязанности матери к ребенку в период беременности. //Вопросы психологии, 1997, №7, с.38-47.
9. Брутман В.И., Филиппова Г.Г., Хамитова И.Ю. Динамика психологического состояния женщин во время беременности и после родов //Вопросы психологии, 2002, №1, с.59-69.

10. Вилюнас В.К. Психологические механизмы мотивации человека. М., 1990.
11. Винникотт Д. Маленькие дети и их матери. М., 1998.
12. Выготский Л.С. Развитие высших психических функций. Москва, 1960.
13. Демина Л.Д., Ральникова И.А. Психическое здоровье и защитные механизмы личности. Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2000.
14. Захаров А.И. Ребенок до рождения. СПб., 1998.
15. Зиновьев А.Н. Женское бесплодие "неясного генеза". 1990.
16. Исаев Д.Н. Психосоматические расстройства у детей. СПб., 2000.
17. Исследования по когнитивной психологии /Под ред.Е.А.Сергиенко. М.: ИП РАН, 2004.
18. Каган В.Е., Левин А.Н., Листопад Т.Н. Неонатологические аспекты контакта «Мать-новорожденный». //Ж-л «Вопросы охраны материнства и детства». 1990, №8., с.57-61.
19. Кон И.С. Ребенок и общество. М.,1988.
20. Крайг Г. Психология развития. СПб.: Питер, 2000..
21. Левин А.Н., Листопад Т.Н. Медико-психологические аспекты раннего контакта матери и больного ребенка.//Тезисы докладов XII съезда педиатров Эстонии., Таллинн, 1985.- Т.1. С.131-132.
22. Левин А.Н., Листопад Т.Н., Крезк Я.А., Пурру А.Р. Медико-биологические и психологические аспекты

раннего постоянного контакта матери и новорожденного. //Тезисы докладов XIII Всесоюзного съезда педиатров. М., 1988. С.35-36.

23. Левин А.Н., Листопад Т.Н. Комплекс «мать-дитя» - замкнутая психосоматическая система// Материалы XIII съезда педиатров Эстонии. Таллинн, 1990., с.55-57.

24. Левин А.Н., Листопад Т.Н. Зависимость физического развития новорожденных от психологического состояния матерей. //Психосоматические и соматикопсихические расстройства у детей. Л., 1990., с. 82-87.

25. Леонтьев А.Н. Избранные психологические труды. В 2 т. Т.1. Москва, Педагогика, 1983.

26. Лурия А.Р. Лекции по общей психологии. СПб.: Питер, 2006.

27. Лурия А.Р. Мозг и психические процессы. М., 1963.

28. Маслоу А.Г. Мотивация и личность. СПб.: Питер, 2003.

29. Маслоу А.Г. Проблемы развития психики. М., изд. МГУ, 1981.

30. Мещерякова С.Ю. Психологическая готовность к материнству. //Вопросы психологии. 2000. №5. С.18-27.

31. Мид М. Культура и мир детства. М., 1989.

32. Мухамедрахимов Р.Ж. Формы взаимодействия матери и младенца. //Вопросы психологии, 1994, №6, с.16-25.

33. Мухамедрахимов Р.Ж. Мать и младенец. Психология взаимодействия. СПб.: Изд-во СПГУ, 1999.

34. Maslow A. Self-actualizing and Beyond. In: Challenges of Humanistic Psychology. N. Y., 1967.
35. Пайнз Д. Бессознательное использование своего тела женщиной. СПб, 1997.
36. Розинаева Г. Супружество, материнство, отцовство. Минск, 1984.
37. Скобло Г.В., Дубовик О.Ю. Система «мать-дитя» в раннем возрасте как объект психопрофилактики.// Социальная и клиническая психиатрия, 1992, №2, с.75-78.
38. Соколова О.А., Сергиенко Е.А. Влияние беременности на психическое здоровье матери и ребенка. //Исследования по когнитивной психологии /Под ред.Е.А.Сергиенко. М., 2004. С.464-477.
39. Тайсон Ф., Тайсон Р. Психоаналитические теории развития. Екатеринбург, 1998.
40. Фанти С. Микropsихоанализ. М., 1997.
41. Филиппова Г.Г. Психология материнства и ранний онтогенез. М., 2002.
42. Филиппова Г.Г. Материнство: сравнительно-психологический подход. //Психологический журнал, 1999, №5. С. 81-88.
43. Хадсон Б., Пепперел Р. Дж. Бесплодный брак. М.: Медицина, 1986.
44. Холмогорова А., Гаранян Н. Эмоциональные расстройства и современная культура. М., 1999.
45. Эриксон Э. Детство и общество. СПб, 1996.

Интернет - источники:

46. <http://www.vusnet.ru/biblio/dict.aspx#find>

47. <http://www.i-u.ru/>

Приложения

Приложение 1. График по средним значениям САТ

Таблица 1. Т-критерий Стьюдента для САТ

Шкала М1(основная гр.)	М2(контрольная гр.)	Ткр
Компетентности во времени	7.0 11.6	3.466 при $p < 0.001$
Поддержки	44.6 53.0	1.672; $p < 0.1$
Ценностных ориентаций	12.3 14.2	1.672; $p < 0.1$
Гибкости поведения	12.2 15.9	2.002; $p < 0.05$
Сензитивности к себе	6.3 8.4	3.466; $p < 0.001$
Спонтанности	6.5 10.0	3.466; $p < 0.001$
Самоуважения	7.2 11.2	3.466; $p < 0.001$
Самопринятия	9.2 13.4	2.665; $p < 0.01$
Представлений о природе человека	4.7 7.1	3.466; $p < 0.001$
Синергии	3.1 5.0	2.663; $p < 0.05$

Принятия агрессии	6.8	9.9	3.466; p<0.001
Контактности	7.4	10.6	3.466; p<0.001
Познавательных потребностей		5.6 7.5	3.466; p<0.001
Креативности	7.1	9.4	3.466; p<0.001

Приложение 2. График по средним значениям УСК

Таблица 2. Т-критерий Стьюдента для УСК

Шкала М1(основная гр.)	М2(контрольная гр.)	Ткр
Общей интернальности	5.5 6.7	3.466; p<0.001
Интернальности в области достижений	6.4 7.4	2.002; p<0.05
Интернальности в области неудач	6.0 6.3	3.466; p<0.001
Интернальности в семейных отношениях	4.0 5.1	2.665; p<0.01
Интернальности в области производственных отношений	4.8 5.8	2.002; p<0.05
Интернальности в области межличностных отношений	7.1 7.3	3.466; p<0.001
Интернальности в отношении здоровья к болезни	4.9 7.3	3.466; p<0.001

Приложение 3. График по средним значениям опросника Плутчика–Келлермана–Конте

Таблица 3. Т-критерий Стьюдента для опросника Плутчика–Келлермана–Конте

Шкала	М1(основная гр.)	М2(контрольная гр.)	Tкр
Вытеснение	2.1	1.9	-
Регрессия	6.5	2.9	3.466; p<0.001
Замещение	2.8	2.4	1.672; p<0.1
Отрицание	5.7	5.8	1.672; p<0.1
Проекция	6.8	6.0	2.665; p<0.01
Компенсация	3.6	2.5	-
Гиперкомпенсация	3.1	2.0	-
Рационализация	6.6	6.0	3.466; p<0.001

Linde N.D.,
Ph.D (Psychology), Professor of the Board of
Psychology and Acmeology, Moscow State
Humanitarian University, Acting member of PPL,
Moscow.

Emotional Image Branch in Psychotherapy.

An article describes the author's personal method of Emotional Image Therapy (EIT). General scheme of the work of solving psychological problems by means of this method is provided, as well as the list of possible spheres of application of this method are suggested. Practical examples are provided; the most interesting cases in dealing with images are described.

Method of Emotional Image Therapy (EIT) is being developed by the author since approximately 1990; first publication in 1994 being a manual "Meditative Psychology" [1]. Later the name of the method had been changed into the modern one, because it is closer to the essence of practical applications and theory, used in the framework of this therapeutic modality.

Emotional Image Therapy outcomes from the complex of theoretical statements and psychotherapy devices, part of which make it closer with other modalities (gestalt therapy, symbol drama, etc.). Together, these theories and methods make up an entire and separate area, having its own advantages and new possibilities. EIT uses an original scheme of creating subjective images of emotional states,

actually experienced by the individual, based first of all on psychological expressions of these states. Further there is analysis of the clients' problem using the given image. And then work is conducted according to the mental influences on the image with the goal of transforming negative into positive emotions which allows resolving an internal conflict. The resolution of the internal conflict brings an issue to the external conflict, behavioral changes, as well as mental state of the client.

EIT method combines advantages of subtle analytical methods allowing determining quickly and accurately the true reasons of undesirable symptoms with the possibility of effective treatment thanks to influencing the causes by working with those images. Therefore, the EIT is not symptom, but casual therapy, the therapist goes after the causes and gives an accurate psychological diagnosis, that will allow him to apply accurate and dosed influences on the images and through it on the emotional state, blocking adequate issue of the problem. The analysis is of deep personality conflicts in the given technique usually is done successfully, easy and quickly, thought influences on the image allows to double-check and verify the primary hypothesis.

Even S. Freud mentioned that the dream analysis is the "tsars' way" to psychoanalysis. In this instance emerging images are spontaneously used to represent a visual form of concrete emotions. Therefore this image immediately shows the causes of these emotions and can serve as a means to influence it. The theory of EIT confirms that namely several chronic emotional states support the discussed problem that is why correction of this experience through the work

with images, makes it possible to resolve the problem as a system of adaptation devices in general.

Example 1. During the workshop a psychologist asked me to help her to get rid of claustrophobia. “It is not that bad, but there are no doors in my apartment”. The problem occurred after the child’s birth. Baby had been frequently sick during the first year of life. I suggested to her to imagine herself being locked in some closed area, e.g. a room and to describe her feelings. She responded that even now, while imagining, she felt agitated with her hands shaking and tachycardia symptoms evident. It was hard for her to remain in such condition. Then I’ve suggested to her to imagine the image of this feeling located right in front of her. Promptly she said that it was a small drumming hedgehog. It might sound ridiculous- how come claustrophobia might be a small hedgehog with a drum? Although, hedgehog is always an image of a male, and a small hedgehog is a boy. I’ve asked her: “You have a son, don’t you?” The answer was yes. It became obvious to me that her maternal anxiousness for her sickly child had been the reason of claustrophobia, where she was unable to control situation. “A drum” – it’s her heart, which is anxious for the “hedgehog” being the reason of tachycardia.

I’ve suggested to her: “In your thoughts, could you tell the hedgehog that you allow it to be healthy and independent and not to look for your support”. She repeated it several times, feeling great relieve. Pretty soon she was able to imagine that the hedgehog left his drumsticks, and went to another room to play with its toys there... Her tachycardia had quit, her hands stopped trembling. Checkout by imagining herself in

the closed area showed absolute tranquility, no signs of claustrophobia. The next day she had confirmed the result.

Comments. This example shows how easily the reason of phobia might be determined by this method. This is being proved by the simplicity of solving the problem. As physicians say:” Bene diagnostics- bene medebitur”. That was EIT approach to this case. If it were symptomatic therapy approach, the patient would be recommended relaxation, or even worse, she might be suggested using sedatives. It would be useless, as both recommendations didn’t interact with the reason of phobia.

Mental influence of the client on his/her personal subjective images coincides with the desired and psychologically adequate solution of the internal problem, for which the devices of EIT are used (there are more than 30 of them, the list is being expanded). These devices are suggested by the therapist to the client sometimes being explained, sometimes not. But they are useful only in the case when the structure of the internal conflict is absolutely clear to the therapist. This method, if sincerely fulfilled by the client, solves the conflict entirely.

In the group work using EIT method, as well as in individual work, both the widely known and new exercises are used for producing and further analysis of the images (about 40 original exercises). E.g., the group members were recommended to listen to sounds of their bodies, to imagine how the water flows through it, to see the sense of their lives and to get united with it, to make a flight to oneself, to return the feelings lost, to enter the circle of happiness, etc.

All mentioned above gives an opportunity to say that EIT method is an independent device of therapeutic work, although the interpretation of images frequently coincides with the frames of classical therapeutic theories. EIT method uses the notions and logics of individual psychology of A. Adler, analytical psychology of K. Young, theories of V. Raykh, transactional analysis of E. Burne, gestalt therapy of F. Pearls, and other concepts. This means EIT method allows to combine in one multimodal system of different and even self exclusive theoretical models by using of one or another model, sometimes both simultaneously, depending of the nature of the internal conflict, expressed in the images of emotional conditions.

EIT method might be used for solving wide scope of therapeutic problems. It is broadly used for corrections of different types of psychosomatic problems (e.g. headaches, heart and muscular pains, allergies [9], neurodermitises, etc.), phobias, different emotional problems, obsessions, lallatations, anaclisises, posttraumatic conditions, problems of grief and losses, character's corrections.

It is successfully used in helpline [16]. The method helps to cope with the problem of helpline professionals' occupational fading. It opens wide scope of opportunities on correction of children's psychological problems, when the work is preceded not with the child itself, but with the parent. Solving parent's problem automatically causes correction of kid's problem [18]. This method can not be recommended for using with psychotic patients, although there are attempts to use it in such cases.

An accent of this style is alteration of psychological state of the client right now and here, in real time. Of course, such quick results might be obtained only when the method, used by the client, really relieves him/her of primary emotional stagnation and is used sincerely and in full range. Please find two examples, illustrating the idea, as well as emotional image therapy style in general.

Example 2. On one of the workshops I've suggested to the students to monitor the way I was working. A student asked me to help her solving her psychosomatic problem. She felt constant severe back pain, which caused sleeping problems. Medicals were unable to help her.

I've suggested to her to imagine the image of this pain. She saw it as a huge spider, sitting on her back. As far as spider is normally a symbol of a male, I had made a guess, that she might have some serious problem with a man. It turned that her boyfriend was a drug addict, and she was doing her best to save him from this addiction. She is making attempts to separate from him, but fails. We had tried different maneuvers for her to get rid of the spider, but nothing worked to relieve her from this analisis.

She realized that she would be unable to save the boyfriend anyhow, and that she was sacrificing her health and her future, but somehow she "couldn't" let him go. Then I've suggested to her to answer in the name of this spider "Whether he needed to be saved and to be pulled somewhere on somebody's back?" Answering to this question, the girl realized that he actually didn't need it. Immediately she was able to relieve the spider, it disappeared. **The pain resolved immediately that**

same moment. That night she quit with the addicted boyfriend. Some time later she had met another man, got married, gave birth to a child and was happy. She never again have been suffering (at least for the past 4 years) from back pain. She told me this story four years after the session, when I completely forgot about it.

Comments. It is obvious, that the student couldn't separate from her boyfriend due to false understanding of obligation; she had been waiting for a miracle, and afraid of being responsible for his failure. That was the reason of why she didn't use the suggested devices sincerely. After talking in the name of "a spider", she realized, that he didn't need to be rescued, and his future downfall was predetermined by his own wish, and she couldn't be responsible for it. She realized that she was carrying him on her back against his will. This direct recognition, which couldn't be achieved by any therapist's arguments, allowed her to let this person go and stop stretching her back for his rescue. That is why her back pain had stopped immediately and she never had felt it again. She managed to quit with her boyfriend, and get rid of emotional addiction and false obligations.

A lot of examples might be suggested, we would like to show just one more.

Example 3. A fourth year student told that she was feeling an urge demand to quit studying. She fetches any reason not to attend classes, but she can't realize why this happens. Meantime she wants to get higher education, and she likes her major. I've suggested to her to imagine the power which stops her from studying. "Power" told her that it was "possible to live without higher education..." I've asked her whether

anybody told her this in her childhood. She recollected that her grandmother used to tell her that she didn't graduate from the university, as she had quit after the fourth year. She thought it was possible to leave without higher education. Grandmother had had three kids, two of them quit studying, and the third one never even tried to enter a university...

I've suggested to the student to imagine her granny and to tell her: 'Grandmother, I've graduated from the university, I am good specialist, and I am happy'. She did what I've told her and "saw" her grandmother being very angry, and herself feeling guilty. This feeling "stacked" in the diaphragm area and made it difficult for her to breath. "O, my God! It's my asthma!"- She said.

I've suggested to her to dismiss her feeling of guilt (the device of getting rid of emotions with the help of fake sound). On doing it she started breathing with her full lungs, as she never managed to do before. "I just enjoy breathing!" she said. I've asked her to repeat the same words to her grandmother. She did and said that grandmother was angry again... But the student didn't feel herself guilty, she didn't care: 'It's her problem now, if she wants to be angry, she can be!'

The girl kept studying and graduated successfully. Several times she told me how freely she breathed and how happy she was to do that.

Comments. It's clear that in this case we face parent's instruction "don't be success" (E.Burne), which the student had got from her grandmother. The girl had been experiencing the false feeling of guilt for her desire to be success and to "overstep" grandmother. This feeling blocked not only her desire to get higher education, but also her open breath,

being universal restriction for her activity. Escape from her guilt, made her free of the previously adopted instruction, so she managed both to breathe and to study. All this had happened at the moment of total escape from the sense of guilt, which makes us to think that so called parents' instructions are being kept in child's psychics only due to the permanent emotional restraint.

Now let's get back to the main theoretical postulate of EIT. It presumes that the reason of any psychological problem is some basic emotional restraint on some desire, or on some false obstacle, which hinders its achievement (see more in [10]). **That is why all the work performed in EIT is aimed on the search of this restraint and escape of it by different actions with image of the emotion, restraining the problem.** Escape of the restraint immediately releases the subject and it becomes evident in his psychosomatic state. All known therapeutic theories differ from each other primarily in nominating different reasons of emotional restraint (traumas, sexual desires, inferiority complex, parents' instructions, et. al.)

Therapeutic Activity Scheme

1. Clinical counseling. As well as in the other trends of therapy, before the work on changing the condition starts, the therapist gets acquainted with the patient, clarifies the problem, gets the history and ties up a contract. All these principles are well known and described in literature. The outcome of counseling should be clear definition of some notional symptom: feeling or condition, which the client treats as unwanted, causing him sufferings. The problem

situation, inside of which this symptom occurs, is also determined during the first session. In the further process the therapist might get back to the counseling, if some circumstances or desires of the client become unclear.

Already on this stage the therapist should get the primary speculation of the structure of the problem i.e. of impulses, which should be realized, and of preventing obstacles. Those who study the method should get acquainted with different models, which explain the nature of the problems from the standpoint of one or another concept, and with the methods, revealing the real nature causing negative psychological symptoms. They are taught “to read” the images produced by the client. If they fail to interpret them, they should be aware of methods, which will decipher the image.

2. Clarification of the symptom. First, on this stage symptom should be clear and its *psychosomatic manifestations are being evident*. It means that if the feeling is not realized by the client, the therapist enforces it, makes it obvious, and determines its nuances. In such cases the client is suggested to imagine the situation in which he/she normally feels unwished symptoms. Second, it should be clarified how this feeling or state is expressed somatically (where and how). Third, the relationship between certain situation and psychological manifestation of the symptom must be established. This stage is based on the theory that every feeling exists in the body, not in the air, and that psychosomatic expression of the feeling better reveals its nature, than just verbal notion. E.g., a client might say that he/she feels fear, but the psychological expression might reveal anger,

as it locates in diaphragm and is being felt as severe tension. In this case it is worse while to know possible localization of feelings by Raykh.

If the feeling is poorly recognized by the client, he/she might be recommended to imagine the situation, in which this feeling is being experienced. This makes him/her experience the basic situation pretty clearly. But one should remember, that some past situations might be shocking for an individual, because a deaden feeling becomes vivid again, and he/she fails to cope with the situation. There are several devices which help to cool the passions, and meantime not to suppress the basic condition to be able to work with it. For instance, dissociation method might be used (it's when the client is suggested to tell what is being happen to him/her as if he/she might be outfacing himself/herself).

The necessity of determining psychological correlations of the feelings is based on different reasons. When the individual describes where in the body and how he/she feels, he/she gets better understanding of it. He/she starts to understand that the feeling exists in his/her body and nowhere else. Besides, on describing feelings, client uses the terms “like squeezed by screws”, “as if burning nail is stacked”, “as if I am being cut with sharp knife”, “a clot prevents me from breezing”, “it's a fog in front of my eyes”, “a wall doesn't let me”, “I feel disgusting as if I am a pile of mud”, etc. This is how client eventually comes up to the next stage.

3. Composition of the image. Now the client is suggested to imagine the feeling (the symptom) in the shape of an image, located on the chair in front of him/her or just in the air (sometimes it might be

different location of the image: inside the body or around it).

It seems that this device of transition from psychosomatically expressed feeling to the image itself seems something fantastic and impossible. But it is the most important innovation of EIT method. Client is recommended not to think thoroughly: “the first thing which came to your mind is good...” This instruction works for appearance of spontaneous, the unconsciously made images, which are really informative from the standpoint of the analysis of the problem and its correction. If the client spends time for thinking, it becomes suspicious that he/she is suppressing the primarily gotten image and is trying to make up something “better.” In this case the image might be false and expressing the reluctance to get therapy. But this also might be used to reveal the truth. As soon as we understand the reason of the defense, we could reveal the issue which is defending itself from recognition.

Normally, the visual image is used, but sometimes the audio-, kinesthetic, or osphoretic sources also might be used. Some clients feel difficulties on producing the images, these usually being a sign of impedance in realization of one’s problems. Or the tension and lack of full trust to the therapist. Also, it might be based on the thesis that a person might to think only in terms of formal logic.

With such clients the preliminary relaxation training might be useful. Or they might be suggested to express their feeling in drawing, which sometimes sounds easier for them. With some of the clients it’s worse while to discuss the issues of their worries and the issue of trust to psychotherapist, the others need,

like in psychoanalysis, their personal resistance to be clarified.

4. Restraint check-up. Under the term “Restraint” we mean emotional-energetic connection between the image and the state of the subject. If this connection really exists, then the changes in the image might bring to the changes in the client’s condition (e.g. enlargement of the size of the image might call the enforcement of the negative condition and vice versa).

In most cases such check -up is not needed, we rarely use it, but sometimes it gives an opportunity to better determine the problem. For instance, the client had been complaining that she was feeling fear in new companies. These fear looked like a disgusting toad. The toad itself didn’t call up severe emotions. I’ve recommended her to enlarge the toad in its size. Finally, the toad became huge, put one paw on the client’s throat and started to strangulate her. The client felt unconscious. Later it was clarified that it had been connected with her past conflict with her father, when he tried to strangulate her being in fury.

5. Research of the image. The image is should be investigated from the standpoint of feeling characteristics (size, form, color, etc.), from the standpoint of functions (what does it do for the client), and from the standpoint of the attitude (what is the subject’s attitude to the image and vice versa).

The image itself contains tremendous amount of information, which the therapist is supposed to know how to read. On this stage therapeutic hypothesis might be crucially revised.

Not all of the images might be directly deciphered, in correlation with the real knowledge

about the client's problem and the circumstances of his/her life it is not that difficult to understand its meaning. There are famous psychoanalytical interpretations, e.g., a snake is a symbol of penis. Also, one can find useful information in the Leyner's imaginative therapy. But, the author also managed to add to the list some "deciphered" images. E.g., image of the rock always presumes an authoritative parent; images of emptiness presumes suppressed feelings; image of the dirt means prohibited feelings; clouds and fog – unshed tears; needles mean critics or self critics, etc. A short list of images and its interpretations one can find in [10].

But the most important is the dialog with the image, when a client mentally is asking it questions (tipped by the therapist), and answers in behalf of it, as if the image exists in reality like a fairy tale personage. Sometimes the client switches the places with the image and becomes it, talking in its name. All this is being possible because the image symbolizes some certain part of the clients' personality. The client is definitely aware of it, but he/she doesn't realize and investigate it. Sometimes even two or more images exist simultaneously, and the analysis switches from one to another, when it becomes needed from the standpoint of the leading hypothesis. It might last until the hypothesis becomes confidence and the therapist brings the client to actual awareness of the basic emotional conflict. At this moment the therapist realizes what therapeutic device he/she might use in order to help the client to solve the basic conflict.

On this stage the analytical part of the EIT work is finished, but it is presumed that the therapist might get back to it if needed.

6. Transformation. Here one or more devices of transformation of the image might be used (see more in [10]). The most frequently used are: mental actions with the image, communication or expression of the feelings, counterwork with double image, paradox resolution, conversion of the energy, etc. (see below). **Transformation is always used in accordance with the structure of the psychological problem, in view of ecological clearance of the result.** The goal of transformation is to change emotional condition, which causes the problem, and not just compose new images. Mechanical changes of images will not be success.

7. Integration of the image and personality (identification). This method is also the original innovation of EIT. If the desired condition of the subject is obtained, it is needed for this subject to anticipate the gotten positive image into his/her body and to integrate with it. Or the client might establish any other type of positive relationships. E.g., if in the course of therapy the client's image of him/herself changed from a small and humiliated one into a strong and self-confident person full of energy, the client is suggested to switch a chair and become that strong and self-confident person, i.e. to identify him/herself with the image.

This stage gives us opportunity to make positive condition stable and adopted by the individual him/herself. It's our body which contains our emotional condition, and adoption of the image in one's body helps the client to better feel his/her new condition and to get used to it. In some cases the client refuses to adopt the changed image, this might be the

reason for further investigation of his/her psychological problems.

But it should be mentioned, that one should not mechanically implement new images into the body. Some naïve students, who had heard something about the method, tried to adopt the image of Mercedes into their bodies! It is obvious that the person should adopt the feeling, symbolized by image, but not the image itself.

8. Situational check- up. If the subject would imagine the situation which had caused negative condition, and this condition would not show up again, this might be the criteria of transformation success. In practice, the check- up reveals that this imaginative check- up is fully identical to the real situations. What happens in imagination happens in real life. In rare cases, when the individual solves the problem in his imagination, but fails to do it in reality, it turns out that he/she is lying to him/herself and to the therapist, or that there are additional reasons to suffer. This needs for him/her additional work.

The client might also be recommended to imagine some future situations, and their success due to the obtained condition. This will work both as a means of follow up, and as a device of spreading the achievements of the therapeutic séance in the real life of the person.

The main goal is to realize how sincere and serious the client is accepting the changes. Some of them say that they had achieved the most desirable condition and would never let it go. Some just pretend to agree. Those results would not be stable. It should be determined what the client is not happy with, and the negative results corrected.

9. Ecological check up. Negative side effects should be ruled out. If no side effects, the result should be anchored. The client should be asked whether he/she were not against the achieved changes, does he/she feels uncomfortable, etc.

10. Confirmation. The subject is suggested to put an internal anchor, i.e. to make a deal with the achieved condition. The therapist should ask: “Do you agree with the changes which had been achieved?” If the client agrees, the second question would be “Would you like to keep these changes forever?” If the client is fully satisfied with the changes, one must be sure that these changes will last in future. If the work is supposed to be continued, the achieved results would become the basis for the future changes.

In practice, if the case is evident, some of these stages could be avoided.

EIT has its benefits, which provide positive results in a short timeframe. Therapeutic process looks like a logical consequent series of questions, focused on the image. The client answers on behalf of this image. The metaphysics of the actions is produced simultaneously, same with additional images, etc. If needed, the therapist analyses the real life situations, which had caused the initial conflict and recommends making some additional images, etc.

The main thing is that the work with image gives an opportunity not only to realize something, but also to change “it”.

1. Feeling related to the problem situation exactly reflects restrained emotional energy, which somehow can't be implemented.

2. Feeling, being expressed somatically is the most reliable source of the essence of the problem. Words may lie, but not body.

3. Going through the problem via images is more reliable to the client, than verbalization of it. Insight can be achieved much easier with the help of images. Unexpected image changes due to some actions are very powerful validation.

4. Projection of the image on the chair or just in the space provides dissociation of the subject and the feeling, expressed in the image. This makes transformation work easier.

5. Image expression of the feeling makes its status of something existing in reality. Client feels an urge need of doing something with it, to overwhelm an influence of this really active factor. Otherwise he/she feels that “it” would keep haunting, these being strong motivating factor.

6. Image gives a lot of additional information about the nature of the problem, which might be creatively used by psychotherapist. Having some practical skills, psychotherapist manages to immediately realize the true notion of the images, which help him/her tremendously in working with them.

7. Notional images exactly correlate with unconscious processes, subjective influence on the images being directly reflected on the content of unconscious.

8. Variety of methods used in working with images gives a therapist wide scope of deviations of primary condition. Original innovations in this sphere make it possible for quick and effective changes.

9. Dynamics of the image changes during the séances, as well as changes in the correlated emotional conditions, gives an opportunity to provide control of the results. Therapist has an opportunity to supervise the process until quality changes of condition are obtained and a problem is being successfully solved.

10. Somatising of the positive images gives opportunity to anchor the results. Thus, a client is being identified with positive condition.

11. A result of the therapy becomes visual immediately during the séance, if a client uses the right device of impact on the image.

12. Positive transformations are always reflected on the psychosomatic condition of the client, this being the demonstration of success.

Transformation devices of emotional condition with working on images.

There are a lot of therapeutic devices used for transformation of images and basic problem conditions, the new ones being created constantly.

Find the list of the more frequently used ones.

1. Meditation. A client is recommended to concentrate on the negative parts of the images (visual, acoustic, kinesthetic, or osmotic). As a result, an image transforms by itself, with this transformation the negative emotional condition vanishing as well. This device is used for correction of simple psychosomatic symptoms. E.g., a client is suggested to smell how the heart pain smells. As a result, the imagined smell evaporates, and the pain dissolves in 3-5- minutes. This

device is used for getting rid of pains, tachycardia, spasms, etc.

2. Mental actions with images. An image, symbolizing some feeling might be presented to somebody, or gotten from somebody; a knot might be untangled, etc. First of all the notion of the image is crucial: a loaf of bread might be baked and eaten, or it might be thrown in somebody's face.

3. Expression of feelings. A feeling might be expressed by a sound, flow of energy, or verbally... While expressing the feeling, an image would dissolve. This is how directed and controlled catharsis is provided.

4. Paradox resolution. During the analysis of the internal notion of the image it becomes clear what restrictions it is importing on the personality. A client is suggested to permit the image doing the same things to him/her. E.g., a client feels oneself imprisoned. He is recommended to give freedom to the prison... As a result, a prison disappears, and a client understands that he/she is free. He/she realizes that it was he/she keeping oneself in the psychological prison...

5. To play with dirt. This is device used in dealing with denied feelings, which are normally expressed by the image of dirt. A client is suggested to put his/her hands into this "dirt" and to play with it as a child does. As a result dirt transforms into a personality's positive resource.

6. Denial of incorrect actions. If the analysis reveals, that an image symbolizes a valuable part of the client's personality, which is being suppressed and denied by the client, then he/she is recommended to tell this image that he/she would never do that again. Positive changes of the image and psychosomatic changes in patient's condition confirm psychological actions.

7. Energizing of the image. A client is suggested to give a lot of mental energy to image, which would encourage its growth and development. It is crucial when an image symbolizes child's onset of the client.

8. To return harm. This device is very helpful in working with rape victims, terrorist acts, any other harassment or violence. A client is recommended to imagine where in the body he is keeping the image of the harm. After it he/she is suggested to return it to the violator being polite and even thankful. The goal is to help the victim to stop identifying him/her-self with the caused harassment, which would lead to a quick rehabilitation.

9. Redistribution of the shares. The goal of this method is harmonization of the relationships and unification of contradictions. By forwarding the "shares", it is possible to reconstruct the balance between dependable parts of personality (child and parent, etc.).

10. Energy conversion. Energy of the negative image, e.g. client's anger or defense might be transformed into a positive

form, which would feed the weak part of the personality, needing this defense. A mature part of personality does not need any defense mechanisms, as it solves the problems by itself.

11. Paradox intention method.

This method had been initially invented by W. Frankl for correction of phobias or fixed states. The idea of it is that client is supposed to feel what he is afraid of. In EIT it means that client is suggested to touch the frightening image or to ask it to enforce its influence (e.g., “scream louder!”).

12. Method of contra-instruction.

It is used in the cases when client had got a negative instruction from his parents. Client is suggested to imagine the parent or substitution image and to tell him/her something absolutely controversial to the gotten instruction. This is supposed to be repeated until a negative impact would not stop. Or the emotional reason for it would be revealed, which anchors instruction. After these additional devices are supposed be used (see example 3).

As it was already mentioned, there are no less than 30 different devises which are being used in EIT, but it is worse while to get acquainted with them in [1-20].

Differences of the other therapeutic trends.

Close to EIT are symbol drama and gestalt therapy. Listed below are basic differences of these methods.

The difference between gestalt therapy and EIT is:

1. Gestalt therapy is focused mainly on the process of perception, and in this it is similar to psychoanalysis. The main goal of EIT is the change in the emotional condition, which determines the problem. From this standpoint, EIT is a psychodynamic therapy, using notions of classical psychoanalysis, A. Adler's individual psychology, somatic therapy by W.Reich, transaction analysis by E.Burne and other concepts, even transpersonal ones, but the main theoretic idea being the **basis of any problem are different "entrapped" emotional impulses.**

2. The goal of gestalt therapy is to put a client at a stand, in order to make him/her make a breakthrough. EIT therapy believes that individual mostly makes harm to oneself, and that is why he/she would insist on the wrong solution. During discussion in EIT style we suggest some unknown to him/her philosophic principles, and push him/her to the right decision. In gestalt therapy it seems that it is unknown which decision is right, the choice being always done by client. In our paradigm the client's freedom is also respected, but we have the right to lead him/her and to suggest solutions.

If the client is not happy with what he/she had changed in himself/herself according to our recommendations, he/she always has a right to get back to the previous way of life. ***We are looking not only for understanding, but for actual changes of the client.*** When he/she "tries" new condition, he/she can make his/her mind of what amendments should be made, or even to decide to get back to the old way of life. But usually the answer is obvious, because not to

be afraid is much better than to be afraid, and to be kind is better than to be angry, etc.

3. Therapy in EIT is clearly divided into analytical and transformational, although in some cases transformation is needed for revealing the real reasons causing the problem. Often, transformation in EIT occurs without client's recognition of what being a real source of the problem and what solutions might be gained. From this standpoint EIT is more directive method, then gestalt, but more soft as it gives better support and aims client directly to the goal.

4. In EIT it is used to make a contract with a client about the changes he/she would like to achieve, therapist making sure that the contract would be clear and realistic, as well as ecologically adequate. **Result of the therapy is controlled by imagined critical situation and anchored by different devices.** In gestalt therapy therapist's position is – a client gets whatever he/she can get and wants to get, with therapist being not interested in the certain result. Result is not being checked in the imagined critical situation. In EIT a therapist is “fighting until the victory”, until the success at least on any intermediate stage, which usually is discussed with the client.

5. **EIT stands on the position that emotions are psychological energetic processes.** The goal of a therapist is not always release of the suppressed impulses, but more often reimbursement of wasted energy in the general energetic streambed. This is being achieved due to release of the energy, which had been dependant of previous decisions, wrong statements and expectations. These changes usually contradict with client's contentions; that is why in EIT it is used to persuade or to “deceive” the client for

him/her to realize how misled he/she had been. That is why **in EIT interpretation and philosophic revelation often takes place after the process of transformation.** In gestalt therapy there is no interpretation and client is not prompted with decisions.

Although EIT shares some principals of gestalt therapy and integrates in it some methodological methods of this trend, as well as gestalt therapy includes in it both the ideas of psychoanalysis, and some devices from psychodrama.

The difference between imaginative therapy by Leyner and EIT is that:

1. **We do not work with certain preliminary modified motives (e.g. image of a flower, river, cave, etc.), but we determine initial emotional condition, based upon the problem.** This condition manifests internal conflict. Later, by using different devices, used by client, we eliminate pathological emotional condition.

2. **We work in psychosomatic ideology, i.e. we always determine not only emotion, but its somatic experience, and its image.** We believe that emotion can not be understood without its somatic manifestation. First, we look for pathological emotion, then its somatic analysis is provided, and after it an image is constructed. All these are not random fantasies on the given topic, although, they might be used in group work. Working in this paradigm is more directed, than in Leyner's system.

3. In this style a dialog and interaction with image as a real subject is performed. **Client**

himself/herself speaks on behalf of the image, influences on it under the therapist supervision, sometime not being aware of therapist's plot.

Therapist realizes that work with emotional conditions and shares of personality are being conducted via image. Sometimes with the help of images a client is taught how to solve the problem of relationships. Approximately same type of activity can be found in gestalt therapy, mostly in interpretation of dreams, but the main goal of gestalt therapy is to make client recognizing. The rest is not under therapist's responsibility.

In imagination therapy there is a big freedom for imagined actions, but at the same time there are six traditionally used devices: confrontation, transformation, feeding, reconciliation, magic liquor, exhaustion and murder. We are not going to criticize these devices, but we believe that devices used in EIT are much wider and more targeted on problem solving.

4. Therapist working with EIT discusses with a client collisions of client's life meantime working with images and giving his/her interpretations of images. In EIT there a stage of the control check up of the results, stage of identification with positive image. Transformation of images is not spontaneous, but target oriented.

We could point out other small details in difference between EIT and gestalt therapy, symbol drama, and other trends of therapy. We also could point their similarities. EIT is not opposed to this or that trend, but admits itself as a part of the united therapeutic movement. But it has its own face, style and accomplishments.

Literature

1. Линде Н.Д. Медитативная психотерапия. Учебно-методическое пособие. М., 1994. Изд-во Института молодежи.
2. Линде Н.Д. Методы активного воздействия на образы в психотерапевтической практике. В: Материалы кафедральной научной сессии профессорско-преподавательского состава и аспирантов. – Институт молодежи, М., 1966.
3. Линде Н.Д. Воздействие на состояние субъекта через образное представление этого состояния. В.: Современные направления психотерапии и их клиническое применение (мат. Всесоюзной конференции психологов.), М., 1996, стр.147.
4. Линде Н.Д. Гештальтметод имитации нового рождения. В.: Современные направления психотерапии и их клиническое применение (мат. Конференции Института психотерапии), М., 1996, стр.148.
5. Линде Н.Д. Методика изменения эмоционального состояния через трансформацию образа. Вестник психосоциальной и коррекционно-реабилитационной работы. №1, 1997, стр. 33-41.
6. Линде Н.Д. Трансформация образа как метод изменения эмоционального состояния. Журнал практического психолога. №8, 1998, стр.50-60.
7. Линде Н.Д. Как избавиться от головной или сердечной боли за 5 минут. Брошюра. Самиздат. М., 1999.
8. Линде Н.Д. Основы современной психотерапии. Москва, 2002. Изд-во «Академия»
9. Линде Н.Д., Королева А.П. Психологическое исцеление аллергии. Вестник психосоциальной и

- коррекционно-реабилитационной работы, №4, 2003, стр. 45-51.
10. Линде Н.Д. Эмоционально-образная терапия. Теория и практика. М., 2004. Изд-во МосГУ.
 11. Линде Н.Д. Возможности эмоционально-образной терапии в профилактике сильных стрессовых состояний. В: Материалы четвертого Международного научно-практического конгресса «Медико-экологические проблемы лиц экстремальных профессий: работоспособность, здоровье, реабилитация и экспертиза профессиональной пригодности. – М, 2004, стр.158-159.
 12. Линде Н.Д. Телесность в эмоционально-образной терапии В.: Междисциплинарные проблемы психологии телесности. Материалы межведомственной научно-практической конференции. – М., 2004.
 13. Линде Н.Д. Новые методы саморегуляции. Журнал практического психолога, №1, 2005, стр.81-99.
 14. Линде Н.Д. Что это такое – психологическая проблема? Ж. Психология в вузе, №2, 2005, стр.79-105
 15. Линде Н.Д. Возможности эмоционально-образной терапии. В.: Проблемы семейного консультирования: теория и практика. – М., 2005, стр.84-89.
 16. Линде Н.Д., Воронцова В.В. Эмоционально-образная терапия в работе телефона доверия. Вестник психосоциальной и коррекционно-реабилитационной работы. – М., 2005, №4, стр.22-34.

17. Линде Н.Д. Обзор и краткое содержание психотерапевтических техник и психосоциальных технологий В.: Психосоциальная поддержка семей группы риска – как условие предупреждения семейного неблагополучия и семейного насилия.- М., 2005. Ред. изд. центр консорциума «Социальное здоровье России»
18. Линде Н.Д., Таболина И.В. Коррекция психологических проблем детей через эмоционально-образную терапию родителей. Ж. Семейная психология и семейная терапия. №3, 2005 г., стр.105-114.
19. Линде Н.Д. Метод эмоционально-образной терапии. Ж. Психотерапия. №10, 2005, стр.32-33.
20. Линде Н.Д. Коррекция фобий методом эмоционально-образной терапии. Ж. Вопросы психологии. № 2, 2006, стр. 68-79.

Приложение 4. График по шкале депрессии

Kokkuvõtte

Töös vaadeldi kujutlusvõimet, selle mõju viljatute naiste psühholoogiale ja isiklikule eripärale. Teoreetilises osas kirjeldati emaduse psühholoogilisi eripärasid, viljatuse psühholoogilisi eripärasid ja psühholoogiast tingitud viljatuse eripärasid. Töö on kirjutatud vene keeles.

Tööd tutvustavad võtmesõnad on: emadus, viljatus, depressioon, kaitse mehhanismid, subjektiivne kontroll.

Töös kasutati järgmiste uurijate tööd: L.S.Võgotski, A.N. Leontjev, A.G. Maslou, A.R. Luriija. Samuti kasutati ka spetsiaalsed raamatud kujutlusvõime arengu kohta. Kokku töötati läbi 19 raamatut.

Naiste viljatuse ja tema mõju psühholoogiliste protsessidele uuringute alusel pakuti välja hüpotees: viljatuse diagnoos on psühholoogiline trauma naiste jaoks. Nende naiste isikuomadused ja psühholoogiline emotsionaalne seisund erineb naistest, kellel on lapsed.

Töö eesmärk oli tutvustada antud teema teoreetilist osa ja kasutades mõningaid katseid, näidata, kuidas viljatuse diagnoos mõjutab psühholoogilise emotsionaalse seisundid ja millised psühholoogilised kaitse mehhanismid aktiveeruvad ja milline on depressiooni tase.

Uurimine viidi läbi kahes naiste gruppis vanusega 25-35 aastat. Esimeses grupis olid viljatud naised ja teises grupis naised, kellel on üks või rohkem last. Igas grupis oli 30 naist. Kasutati 4 diagnostilist meetodikat, et määratleda katsealuste psühholoogiline emotsionaalne seisund ja võrrelda tulemusi. Baseerudes uuringute tulemustele, saab järeldada, et hüpotees leidis osalist kinnitust.

Summary

In this work we are examining imagination topic, its influence on psychological and personal female peculiarity with sterility diagnosis. In theoretical part we are looking at the maternity and sterility psychological peculiarities and at the psychological sterility problem. This work is written in Russian.

Main conceptions of this work are: maternity, sterility, depression, protective mechanisms and subjective control.

In this work where used transactions of next investigators: L.S. Voegotski, A.N. Leontev, A.G. Maslou, A.R. Luria and others, and also a special literature of imagination's evolution. By this work author was totally worked other 19 sources of information.

Based on female sterility investigations and his influence on psychological processes where developed a hypothesis: diagnosys initial sterility is a psychological trauma for the females. Those females have different personal peculiarity and psycho-emotional condition than females with children.

The goal of this work was to brighten theoretical aspect of this problem and also show using experimental investigations methodises how initial sterility diagnosis influences female psycho-emotional condition, which protective mechanisms will be involved and what level of depression will be.

The investigation was performed in two groups of females with age 25-35 years. In the first group where females with sterility diagnosis and in other group where females with one or more kids. In each group we were investigating 30 females. We were using 4 diagnostic methodises whose goal was to determine level of psycho-emotional condition of the subjects. Based on investigation result were made conclusions that hypothesis were confirmed partially.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕТЕЙ.

Нарушения различных сторон речи, ограничивающие возможности пользования языковыми средствами общения и обобщения, вызывают специфические отставания или отклонения со стороны других высших психических функций — внимания, памяти, воображения, вербально-логического мышления, эмоционально-волевой и личностной сферы и др., которые часто осложняют картину речевого нарушения ребенка

С 2005-2007 год проводилось исследование детей с общим недоразвитием речи дошкольного и младшего школьного возраста. Экспериментальная группа (20 человек) и дети с нормальным развитием речи – контрольная группа (20 человек). Гипотеза исследования была сформулирована следующим образом: уровень развития аналитического компонента мышления, уровень развития вербально-логического и понятийного мышления у детей с ОНР ниже, чем у детей с нормально развитой речью.

Предметом исследования являлись: уровень развития речи, уровни развития вербально-логического мышления: аналитического и понятийного мышления.

Были поставлены задачи исследования:

1. Выявить общее недоразвитие речи у детей с помощью методики диагностики устной речи.

2. Исследовать развитие аналитического мышления у детей с ОНР и у детей с нормально развитой речью.

3. Исследовать развитие вербально-логического мышления у детей с ОНР и у детей с нормально развитой речью.

4. Исследовать развитие понятийного мышления у детей с ОНР и у детей с нормально развитой речью.

5. Провести сравнительный анализ полученных данных в двух исследуемых группах .

Для детей группы с общим недоразвитием речи характерны сложные различные речевые расстройства, при которых нарушено формирование всех компонентов речевой системы, относящихся как к звуковой, так и смысловой стороне речи при нормальном слухе и интеллекте. Речевые нарушения проявляются одновременно в недостаточности словарного запаса, несформированности грамматического строя, наряду с дефектами произношения и недостаточностью фонематического восприятия и нарушении двигательной сферы, в частности, недоразвитие тонкой моторики. В ходе выполнения заданий, у детей обнаруживалась замедленность, неловкость работы ведущей руки, застревание при выполнении работы на отдельных заданиях.

Недостаточная речевая деятельность наложила отпечаток на формирование психических процессов – памяти и мышления. При сохранной смысловой памяти у детей снижена вербальная память. В ходе работы они забывали инструкции, элементы и последовательность заданий. Приходилось обращать внимание детей на образец, повторять конкретные инструкции. Некоторые дети с трудом

сосредотачивали свое внимание на условиях предлагаемых заданий. Стабильность темпа деятельности у детей имела тенденцию к снижению в процессе работы. Это выразилось в быстрой утомляемости, отвлекаемости во время выполнения заданий.

Исходя из поставленных задач по исследованию мышления, были получены следующие результаты:

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ МЫШЛЕНИЯ ДЕТЕЙ С ОНР
уровень развития аналитического компонента мышления у детей с нормальным речевым развитием выше, чем у детей с нарушением речи.
уровень развития осведомлённости у детей с нормальным речевым развитием выше, чем у детей с нарушением речи.
уровень развития классификации у детей с нормальным речевым развитием выше, чем у детей с нарушением речи.
уровень развития умозаключения по аналогии у детей с нормальным речевым развитием выше, чем у детей с нарушением речи.
уровень развития по обобщению у детей с нормальным речевым развитием выше, чем у детей с нарушением речи.
уровень развития понятие количества у детей с нормальным речевым развитием не превышает уровня развития понятие количества у детей с нарушением речи.
уровень развития понятия расположения по порядку

детей с нормальным речевым развитием превышает уровня развития понятия расположения по порядку у детей с нарушением речи.
уровень развития понятия качества у детей с нормальным речевым развитием не превышает уровня развития понятия качества у детей с нарушением речи.
уровень развития понятия пространства, места у детей с нормальным речевым развитием не превышает уровня развития понятия пространства, места количества у детей с нарушением речи.
уровень развития направления у детей с нормальным речевым развитием превышает уровня развития понятие направления у детей с нарушением речи.

На основе проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

- 1. Исследование развития аналитического мышления показало, что у детей с нормальным речевым развитием уровень развития выше, чем у детей с нарушением речи. У 15% детей экспериментальной группы способность к выделению сформирована недостаточна, а у 20% детей экспериментальной группы способность к выделению существенных признаков их взаимосвязи не сформирована совсем.**
- 2. Исследование развития вербально–логического мышления (операций мышления: осведомлённость, классификация, умозаключение по аналогии и обобщение) показало, что у детей с нормальным речевым развитием уровень мышления выше, чем у детей с нарушением речи.**

3. Исследование развития понятий мышления показало, что у детей с нормальным речевым развитием оно происходит даже с некоторым отставанием, чем у детей с нарушением речи.

Обобщая полученные выводы исследования можно утверждать, что уровень развития аналитического мышления, вербально-логического(понятийного) мышления детей с ОНР ниже, чем у детей с нормально развитой речью, за исключением формирования таких понятий, как понятие количества, понятия качества, понятия пространства.

Нарушения речи, ограничивающие возможности пользования языковыми средствами обобщения, вызывают отклонения со стороны не только мышления, но и памяти которые также осложняют картину дальнейшего общего развития ребенка.. Педагогическая практика работы в детских садах и гимназиях показала, что материал, даже неоднократно повторённый и закреплённый детьми в группе с речевыми нарушениями быстро забывается, что ведет к трудностям в обучении.

Наиболее значима для развития речи *слуховая память*. Без *моторной памяти* невозможно освоение экспрессивной речи (устной и письменной). *Зрительная память* необходима для освоения письменной речи, а также для связи между первой и второй сигнальной системами. Все эти виды памяти логопед использует в процессе коррекции, в одном случае как основу речи, в другом как вспомогательное (в частности, компенсаторное) средство, позволяющее интенсифицировать обучение правильным речевым навыкам

Поэтому предметом исследования стали также и особенности памяти у детей с нарушениями речи. Была выдвинута гипотеза, что продуктивность памяти детей с нарушением речи ниже, чем у детей с нормой речевого развития. Предметом исследования стала зрительная и слуховая память. Задачи этого исследования:

1) Определить особенности динамики процесса заучивания у детей с ОНР.
2) Выявить особенности объема кратковременной зрительной памяти у детей с ОНР.
3) Определить особенности процесса зрительного узнавания у детей с ОНР.
4) Выявить особенности объема кратковременной слуховой памяти у детей с ОНР.

Калягин В.А. пишет, что **общим** для детей с нарушениями и детей с нормой речевого развития является соотношение развитости памяти разной модальности: наиболее развита моторная и наименее — слуховая память (Калягин В.А., Логопсихология. М.: Академия, 2006). Но наиболее затруднительно для детей с нарушениями речи - это длительное удержание слуховой информации и воспроизведение ее. Выявляя особенности памяти у детей с нарушением речи, получены следующие результаты:

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТИ ДЕТЕЙ С ОНР
1) Среди отличий обращает на себя внимание более монотонная динамика нарастания количества воспроизведенных единиц в слуховой кратковременной памяти у детей с нарушением речи: имеется различие в продуктивности запоминания: дети с нарушениями речи

меньше воспроизводят слов, чем дети без нарушений речи
2) Продуктивность узнавания геометрических фигур у детей с нарушением речи ниже, чем у детей с речевой нормой; процент детей с высокими показателями продуктивности узнавания среди детей с нарушением речи значительно ниже.
3) Объем кратковременной зрительной памяти у детей с речевой нормой выше; процент детей с высокими показателями объема кратковременной зрительной памяти среди детей с нарушением речи значительно ниже.
4) Объем кратковременной слуховой памяти у детей с нарушением речи меньше, чем у детей с речевой нормой; доля детей с высокими показателями по объему кратковременной слуховой памяти среди детей с нарушением речи значительно меньше, чем среди детей с речевой нормой.

Из последних выводов становится очевидным, что объем кратковременной слуховой памяти у детей с нарушением речи значительно ниже. Объем слуховой памяти непосредственно связан со словарным запасом слов у детей. Поэтому становится понятным утверждение Н. Н. Моториной: «Одной из выраженных особенностей речи детей с ОНР является более значительное, чем в норме, расхождение в объеме пассивного и активного словаря. Такие дети понимают значение многих слов, однако их употребление в экспрессивной речи, актуализация словаря вызывают большие затруднения (Н. Н. Моторина, Формирование предметного словаря у детей с общим недоразвитием речи). Характерной особенностью словаря детей с ОНР можно назвать неточность употребления слов. В

заключение, отметим, что « первичная патология речи тормозит формирование потенциально сохранных умственных способностей, препятствуя нормальному функционированию речевого интеллекта. Однако по мере формирования словесной речи и устранения собственно речевых трудностей их интеллектуальное развитие приближается к норме » (Логопедия. Под ред. Л.С.Волковой. М.: Владос, 2004) .

Остается добавить, необходимое **спонтанное развитие** и способность к переносу речевых навыков в условия свободного общения являются сильной стороной психического развития детей с ОНР и позволит им скомпенсировать речевую недостаточность еще до поступления в школу, либо на первых этапах обучения в школе.

В результате проведенного исследования, гипотеза, что дети, имеющие речевые нарушения, имеют хуже развитую память, чем дети с речевой нормой – получила подтверждение.

*Эдуард Гамс, кандидат педагогических наук,
профессор Социально - гуманитарного института*

Исследование качества преподавания отдельных экономических дисциплин в группах русскоговорящих студентов

В первом семестре студентам Социально-гуманитарного института, обучающимся специальности «Экономика и управление строительным предприятием и/или фирмой по дизайну» на русском языке, читаются курсы «Экономика предприятия» и «Управленческий учёт и бюджетирование». Как правило, в ходе итогового тестирования групп субботнее - воскресного обучения проводится анонимный анкетный опрос студентов с целью выяснения их отношения к различным аспектам ведения бизнеса и качества преподавания предмета. Отличительной особенностью последних опросов явилось то, что они проводились после известных апрельских событий 2007 г. в Таллинне, связанных с переносом «бронзового солдата», и последовавших за этим структурных изменений в экономике, прежде всего обусловленных уменьшением транзитного потока из России.

Следует заметить, что, по экспертным оценкам, в 9 частных вузах Таллинна, где есть соответствующие группы, обучается до 60% всех русскоговорящих студентов, что составляет примерно 5 тыс. человек. Доля всего русскоязычного населения в Эстонии по данным The World Factbook 2007 составляет 25,6% (336,8 тыс. чел.), что на 2,5% меньше, чем пять лет назад. Однако на русском языке регулярно говорит 29,7% населения.

Всего в опросе приняли участие 20 студентов 2-4 курсов, из которых 13 учатся в Таллинне, а 7 - в Нарве на субботне - воскресном отделении, т.е. имеют практический опыт работы. Подавляющее число всех опрошенных (70%) относятся к возрастной группе 20-25 лет. На следующую возрастную группу 25-35 лет приходится 20%.

Все студенты отметили, что изучение указанных предметов повлияло на их представление об экономических принципах ведения бизнеса, а 85% считают, что полученные знания смогут использовать в компании, где работают или планируют работать. Это наглядно свидетельствует о том, что большинство студентов в ходе лекций и самостоятельной работы получили новые знания, имеющие практическую значимость. Однако только 17 % уверено, что полученных знаний им будет достаточно для принятия сложных решений, касающихся экономических проблем. Ровно половина опрошенных заявила о недостаточности полученных ранее знаний для восприятия нового материала. Можно предположить, что либо 12 – часовой лекционный курс управленческого учёта и бюджетирования и 20 – часовой - экономики предприятия на данном этапе развития национального бизнеса является недостаточным, либо пока ещё не удалось сделать экономическую проблематику неотъемлемой частью каждого предмета, не ограничиваясь только курсами профилирующих дисциплин. Очевидно, что явно выраженная потребность в экономических знаниях у студентов имеется. Судя по всему, студенты, способные оплачивать учёбу в размере 17250 ЕЕК (одна из самых низких в Эстонии), относятся к социальной группе с невысоким статусом, поэтому рассматривают

возможность получения образования и необходимых знаний в качестве возможного социального лифта.

95% опрошенных считают, что регулярное тестирование после каждого двух или четырёхчасового учебного модуля оказывает благотворное влияние на усвоение материала, столько же указало, что использование компьютерного видеопроектора повысило эффективность восприятия материала. Последнее обстоятельство представляется очевидным, так как без интенсивного зрительного восприятия просто невозможно за 12-20 академических часов довести основы предмета, содержащегося на 700 страницах учебного пособия. Как говорится, пересказать за это время роман Л.Н. Толстого «Война и мир» невозможно, а вот посмотрев киноэпопею С. Бондарчука, можно получить представление о произведении.

Более 90% студентов отметили, что наличие профессиональных знаний играет важную роль при приёме на работу. Всё это яркие свидетельства того, что выпускники, прослушавшие курсы управленческого учёта и бюджетирования и экономики предприятия, стремятся обладать таким уровнем компетентности, который бы позволил им приобрести реальные преимущества по сравнению со своими коллегами, по крайней мере, способность решать актуальные бизнес - задачи. Современная же бизнес среда в Эстонии пока ещё далека от их представлений, так как только 55% отметили, что в компаниях, где они работают, используются преподаваемые им методики при принятии управленческих решений. Однако это может быть интерпретировано и как неполное соответствие институтских программ прикладного высшего

образования потребностям студентов, уже вовлечённых в практическую деятельность.

Интересно, что 80% русскоговорящих студентов оказалась более близка деловая культура Эстонии и её правила ведения бизнеса, в то время как России не отдал предпочтение никто. Остальные 20% выделили другие страны – члены ЕС. Очевидно, что молодое поколение становится ориентированным на западные культуры в большей степени, чем на Россию. Подобные установки сформированы у студентов (тем более у учащихся на субботне - воскресном отделении) общим информационным полем или контекстом, в который они погружены значительно сильнее, чем в учебный материал. Несмотря на подобные симпатии к стране проживания, лишь 15 % после получения образования хотели бы работать в эстонской компании. На данное противоречие следует обратить особое внимание, ведь, как правило, человек стремится к тому, что ему близко и больше нравится. Если учесть, что деловая культура Эстонии и стран – членов ЕС стремится к сближению, ситуация близка к предельной – 15 и 100%. Осторожно можно предположить, что данное противоречие существует на уровне коллективного бессознательного и явилось одним из источников агрессии у молодых людей, проявившейся в ходе апрельских событий. По-видимому, всё это свидетельствует, во-первых, о нерешённости в течение последнего десятилетия проблемы интеграции русскоязычных специалистов в эстонский бизнес, в большей степени соответствующий запросам местных потребителей, а, во-вторых, полностью утрачены иллюзии относительно возможного эффективного использования своих знаний и навыков в соседнем государстве, поэтому большинство связывает своё будущее скорее с Эстонией

и Евросоюзом, чем с Россией. На уровне вуза для сглаживания выявленного противоречия, по всей видимости, необходимо больше учебного времени выделять не только на изучение самого эстонского языка, но также социокультурных и исторических аспектов, чтобы студенты лучше представляли себе ментальные особенности своих будущих коллег по работе. Больше внимания уделять организации стажировок в эстонских фирмах, приглашать из них ведущих специалистов, проводить совместные мероприятия с эстонскими группами и т.д. Вопрос требует дополнительного изучения, так как пока не совсем ясно, что является ключевым фактором, формирующим данное несоответствие – языковые проблемы, дискриминация в оплате труда русскоговорящих или что-то ещё. Следует также учесть, что не все русскоязычные студенты из Эстонии имеют время и возможность ознакомиться с российской бизнес - культурой, поэтому приведённые здесь данные носят скорее качественный характер.

Позитивным является стремление больше половины (55%) опрошенных работать в собственной фирме после получения образования. Это является, во-первых, одним из формальных показателей благоприятного делового климата, способствующего развитию малого бизнеса в Эстонии, а, во-вторых, свидетельствует о достаточном уровне прикладного образования в Социально-гуманитарном институте, дающем выпускникам уверенность в способности начать собственное дело. Правда, стремление к независимости априори является характерным для данной возрастной группы.

Можно сделать предварительный вывод, во-первых, о том, что изучение курсов данных предметов обоснованно начинается с диагноза (входного тестирования), а затем идёт укрепление профессиональных знаний или их коррекция. Во-вторых, опросы, а также анализ обсуждений вопросов лекций и семинаров важны как диагностика установок студентов. В - третьих, усматривается необходимость внесения изменений в программу курсов управленческого учёта и бюджетирования и экономики предприятия, а также в баланс дисциплин в целом. Обсуждение не только профессиональных вопросов, но и других устремлений студентов становится некой формой их профилирования. При этом нужна большая индивидуализация анкет (глубокий опрос и не обязательно однократный), чтобы формировался своеобразный портрет студента, а функция преподавателя становится сродни роли профессионального бизнес-консультанта. Очевидно, что анкетирование должно проводиться практически ежегодно, поскольку меняются установки студентов и ситуация в обществе. Оно может включать вопросы не только учебного характера, но и затрагивающие социальные проблемы: роль государства (партий) в развитии бизнеса, перераспределение доходов (т.е. справедливость налоговой системы, системы социального страхования) и т.д. Анализ результатов позволит получить изменяющуюся во времени динамику рыночных потребностей в подготовке специалистов. В-четвёртых, следует продолжить исследование проблемы интеграции русскоязычных специалистов в эстонский бизнес с целью выработки конкретных рекомендаций по организации учебного процесса.

Приятно также отметить, что высока доля студентов (75%), имеющих практический опыт работы и поставивших максимальную оценку преподавателю по 10-балльной шкале. Это является косвенным свидетельством того, что результат, полученный на занятиях, соответствует их ожиданиям, т.е. время и деньги на учёбу были потрачены не зря.

13 ноября 2007 г.

*КЕЛИН ЮРИЙ, профессор,
Социально-Гуманитарный институт*

ОРГАНИЗАЦИОННОЕ НОРМИРОВАНИЕ И РЕГЛАМЕНТИРОВАНИЕ (МЕТОДОЛГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ДЕЛЕГИРОВАНИЯ ПОЛНОМОЧИЙ)

Управление социально – экономическими процессами охватывает ряд направлений, а именно: социальные, экономические, организационные и технико – технологические. Их сочетание приводит к необходимости рассматривать подробно каждое направление. Организационные аспекты процесса управления требуют раскрытия механизмов осуществляющих действие процессов управления. Одними из составляющих этого процесса является рассмотрение условий, необходимых и обязательных для реализации одного из основных видов управленческого воздействия – организационного воздействия. Следствием его использования является необходимость осуществления организационного регламентирования и организационного нормирования в процессах управления и разработки необходимой системы регламентной и нормативной документации, учитывающей существующее законодательство и условия, необходимы для управления бизнес процессами.

Процессы управления могут осуществляться только в том случае, если каждый исполнитель имеет определенный набор характеристик, предъявляющих требования к процессу и результату управленческого воздействия и перечню условий, необходимых для этого. Их наличие у исполнителя, означает, что он

наделен полномочиями, необходимыми для принятия управленческого решения. В общем виде, процесс формирования полномочий у исполнителя может быть определен как «Делегирование полномочий».

Под делегированием понимается передача полномочий по решению задачи от руководителя к подчиненному. Необходимо помнить, что передаются полномочия, а не ответственность.

Необходимыми условиями для делегирования полномочий от начальника к подчиненному является наличие у последнего следующих элементов этого процесса :

1. Обязанностей – объем работ, который необходимо выполнить исполнителю, для получения определенного управленческого результата;
2. Прав, необходимых для самостоятельных действий в процессе подготовки и принятия (передачи результата) управленческого решения;
3. Ответственности, необходимой для контроля за правильностью выполняемых действий;
4. Компетенции - специальных знаний, необходимых для выполнения его обязанностей;
5. Полномочия – право на исполнение принятого решения (право на передачу решения для исполнения).

Основные моменты процесса делегирования и действия, которые происходят с его элементами представлены в таблице:

№	ЭЛЕМЕНТЫ	ДЕЙСТВИЯ В ПРОЦЕССЕ ДЕЛЕГИРОВАНИЯ
1	Обязанности	Делегируются
2	Права	Делегируются
3	Ответственность	Возникает из наличия обязанностей и прав по их

		выполнению
4	Компетенция	Приобретается самостоятельно
5	Полномочия	Делегируются в объеме, необходимом для самостоятельно принятия решений по поводу выполнения обязанностей

Как следствие из выше изложенного, следует необходимость статуйровать названные выше элементы. Придать им форму документа и персонифицировать его относительно определенного участка управленческих работ.

Следствием этого должно стать появление совокупности документов регулирующих управленческую деятельность. К ним можно отнести различные управленческие процедуры, должностные характеристики, характеристики рабочих мест, тарифно - квалификационные документы и другие документы, регламентирующие и нормирующие управленческие процессы. И все это должно быть оформлено соответствующим образом для целей организации процессов управления персоналом.

Делегирование может быть длительным или иметь форму разовых поручений. Чаще других делегируются следующие виды работ:

- рутинные; частные вопросы (не касающиеся в целом предприятия);
- участие в совещаниях по подготовке проектов документов;
- среднесрочные и долгосрочные дела, способствующие творческому росту работника.

Существуют виды деятельности, которые не делегируются: стратегические виды деятельности, контролирующие операции и конфиденциальные вопросы, среди них:

- определение миссии и целей предприятия;
- разработка политики деятельности фирм;
- контроль результатов, руководство сотрудниками;
- задачи строго доверительного (конфиденциального) характера;
- задачи, связанные с высокой степенью риска;
- актуальные, срочные дела, не оставляющие времени для разъяснения и проверки.

Практика делегирования полномочий имеет ряд преимуществ:

- высвобождается время руководителя для выполнения важных дел и творческой работы по определению перспектив развития предприятия;
- используется профессиональный опыт подчиненных, лучше раскрываются их потенциальные творческие способности, знания, умение;
- усиливается мотивация труда подчиненных.

Основные правила делегирования для руководителя:

- подбор соответствующих работников;
- распределение сферы ответственности;
- стимулирование и консультирование работников;
- контроль рабочего процесса и результатов;
- пресечение попыток обратного или последующего делегирования;
- оценка работы исполнителя по результатам выполненного дела.

Определенные правила существуют и для исполнителей, которые предусматривают:

- самостоятельное выполнение задания;
- информирование руководителя о ходе работы;

- повышение квалификации;
- необходимую координацию деятельности с работниками других подразделений.

Однако в практической деятельности наблюдаются процессы неформального (а иногда и формального) характера приводящие к искажению пропорций между элементами процесса делегирования полномочий. Это приводит к явлениям, которые в практике и теории управления получили название «Процессы централизации и децентрализации в управлении». Они имеют свои достоинства и недостатки, но в целом негативно действуют на результаты процесса управления.

Сообщения

Поздравляем Светлану Васильевну Горбачёву.

По традиции в нашем академическом сообществе принято поздравлять своих коллег с юбилейными датами или с достижениями в научной мобильности. Нам приятно сообщить, что в конце февраля текущего года профессор СГИ С.В.Горбачёва успешно защитила в Москве диссертацию на соискание учёной степени доктора философии.

Тема данной работы - Причинные аспекты гармонизации права - посвящена проблемам теории государства и права применительно к новым тенденциям формирования юридических норм и их использование в практике государственного управления стран ЕС. Диссертация состоит из четырёх глав, причём последняя непосредственно касается, вопросов правового регулирования трудовых отношений Эстонии.

По поручению всех коллег СГИ сердечно поздравляем Вас с этим замечательным событием. Примите также пожелания дальнейших успехов на научном и преподавательском поприще. Всяческих Вам благ!

Белинсон П.

*В.Пароль, профессор,
доктор философских наук.*

**Краткая информация о пятой сессии
международного общественного форума «Диалог
цивилизаций»
Форос (Греция), октябрь 2007**

Пятая сессия мирового общественного форума «Диалог цивилизации» высветила ряд принципиальных тенденций общественного развития, воздействие которых во многом изменит взаимодействие различных стран в мировом сообществе. Политика США с желанием утвердиться в качестве ведущей державы планеты терпит провал по многим направлениям глобальной политики. Фактическое поражение США в Ираке означает крах военного гегемонизма первой по стратегической мощи страны мира. Не менее печальным провалы в экономической области. Наступление ЕС, Китая, Японии, Индии ощутимо сказывается на роли США в мировой конкурентной борьбе за рынки сбыта и источника приложения инвестиций. Многие аналитики предсказывают ликвидацию гегемонизма США в финансово-экономической сфере по всем основным составляющим, за исключением сохранения первенства в научно-техническом развитии и фундаментальной инновации.

Идея холодной войны вновь вернулась к нам. Вновь воспроизводится знакомая ее риторика и стремление к межгосударственной конфликтности.

На форуме шел крупномасштабный диалог по четырем проблемам мирового развития:

- По тупикам глобализма в его радикальной трактовке и постепенному переходу к постглобалистскому миру, в котором ведущая роль будет принадлежать Китаю, Индии, Бразилии, возрождающейся России, а также крупным державам ЕС;
- По разумному и справедливому распределению ресурсов и конечных результатов экономического и социального развития между старыми и новыми передовыми странами и отставшими, дальнейшее нарастание разрыва между ними может поставить человечество перед неизбежностью конфликтов в политической и аде в военных формах;
- По недопущению возврата к временам холодной войны, отдельные симптомы которой все явственнее дают о себе знать, США недооценивают возможности России эффективно отреагировать на стремление США в зоне интересов бывшей сверхдержавы;
- По выработке новых подходов к развитию процессов в культуре и идеологии, где мультикультурность и идеологическая толерантность и идеологическая толерантность станет основой культурного прогресса в мире.

Разумеется, крайне сложно дать адекватное отражение всем идеям и конкретным предложениям по стабильному развитию мира в контексте взаимодействия культурных, образовательных,

конфессиональных парадигм функционирования различных мировых и локальных цивилизаций. Не следует забывать, что участниками форума были 704 представителя из 63 стран земного шара, которые обсуждали диалог цивилизаций в 5 секциях и на 6 круглых столах. Региональные проблемы развития специально анализировались применительно к Балканам, Ближнему Востоку и Китаю. В контексте отдельных сфер взаимодействия цивилизаций затрагивались сюжеты, касающиеся образования, религии, права, культуры, коммуникаций, экономики, гражданского общества, международных отношений. Нам хотелось бы остановиться на трех темах:

- Распад СССР как фактор глобальной дестабилизации мирового развития и выход из нее;
- Надвигающийся мировой экономический кризис и возникновение нового международного разделения труда;
- Стратегия устойчивого развития с учетом диалога мировых цивилизаций;

2. Распад СССР как фактор глобальной дестабилизации.

Тема распада СССР не получила всестороннего освещения ни в теоретическом, ни в прикладном аспектах. Науке еще предстоит ответить на многие вопросы, вызывающие системный кризис и обусловившие невосполнимые последствия краха социалистического строя в странах СНГ и Восточной Европы. Поэтому на форуме решить эту уникальную задачу не представлялось возможным.

Тем более, что форум был посвящен анализу других сложных проблем. Однако косвенно затронуть данный сюжет посчитали своим долгом не только российские,

но и иностранные ученые, в особенности американские и западноевропейские исследователи. Причем интерес к обсуждению распада СССР привел к тому, что состоялась дополнительная незапланированная ранее сессия, где главным действующим лицом и стал знаменитый американский профессор Иммануил Валерстайн.

Он и на пленарном, и на секционном заседаниях остановился на катастрофических последствиях для мирового развития краха СССР. Из позиций американского патриота подобно Гельбрайту считает, что глобалистская партитура симфонии США неизбежно приведет к фиаско державы номер один современного мира.

Что касается причин краха СССР, то они на форуме раскрыты на основе трех концепций:

- Вмешательство США и передовых стран ЕС в процесс развала СССР;
- Внутренние причины исчерпания старой модели социализма;
- Субъективные обстоятельства, способствующие приходу к власти антикоммунистических сил.

Вопросы надвигающегося мирового экономического кризиса специально не рассматривались на форуме. Тем не менее, во многих выступлениях в косвенном виде этот сюжет так или иначе освещался.

Стратегии устойчивого развития в контексте взаимодействия мировых цивилизаций было сквозной темой международного форума. Подавляющее большинство выступающих подчеркивали, что однополярный мир тормозит процесс формирования стабильного развития мирового сообщества. Большинство ученых и представителей различных общественных организаций считали своим долгом

подчеркнуть, что тенденция к толерантному осмыслению роли различных локальных цивилизаций может лишь способствовать укреплению мира и добропорядочного развития всех народов вне зависимости от их экономического и культурного потенциала, а также философской и общечеловеческой ментальности.

Международные связи

Лактионова Наталья Яковлевна, к.и.н., ст.н.с.
Отделения международных экономически и
политических исследований Института Экономики РАН
(ОМЭПИ ИЭ РАН)
Д.128-9323, моб.8-916-7081560

Россия - Беларусь : проблемы интеграции (национальные приоритеты или коммерческие интересы?)

Важнейшие стратегические задачи, связанные с укреплением российской государственности, лежат в русле постсоветского пространства. Однако Кремль упорно отталкивает союзников и лишь имитирует некую деятельность на интеграционном поле. Во всех странах СНГ у России есть мощнейшая опора в обществе. Почему мы это не используем? (Почему российская власть содействует приходу М. Саакашвили и своими руками убирает лояльного к России аджарского лидера? Почему оказывалось беспрецедентное давление российских политиков на

Абхазию во время президентских выборов? И отнюдь не во имя стратегических интересов России мы чуть не спровоцировали там гражданскую войну. Почему наша сторона, в помощь, так называемому «своему» кандидату посылает на Украину крайне сомнительный десант в лице М. Гельмана и Г. Павловского и допускает нигде в мире не виданный 3-й тур президентских выборов на Украине? Почему, наконец, мы промолчали и позволили заблокировать порядка 70-80 тысяч украинцев в Приднестровье, которые лишены были возможности участвовать в голосовании. Список можно продолжать долго. Ответ здесь на поверхности – нашему компрадорскому крупному капиталу нужна «мутная вода» и сохранение «статуса кво».

Наша страна, совершившая немислимый кульбит в своем развитии, продолжает оставаться на порочном пути и ведет себя как мальчик (бой-болл) на корте, подбирающий за игроками упавшие мячи. Это непристойная роль, навязанная правящей элитой крупнейшей державе мирового значения. Пока исполнительная власть в России заботится не о национальных интересах страны, а о коммерческих интересах российского малолегитимного бизнеса, да к

тому же и сама не прочь поиграть в бизнес-игры, мы будем иметь провальные результаты в рамках СНГ.

России нужна власть, которая имела бы не только права, но и обязанности и была бы подотчетна обществу. **В сильном государстве власть относится к народу как к единой общности, за которую она несет социальную и моральную ответственность. Такое государство формируется по семейному типу. Власть в сильном государстве не отделяет себя от коллективной исторической судьбы народа, а разделяет ее с ним. И в Беларуси именно такая власть.**

Составная часть известной доктрины Монро, декларировавшей зависимость процветания США от ограбления других государств, предполагает практику подкупа так называемой «элиты» в странах — объектах американской экспансии. В такой ситуации интересы народа и ангажированных элит оказываются диаметрально противоположными. Власть, ориентированная на чужие национальные интересы, политически неустойчива, ослаблена социальной нестабильностью и может быть отринута не только своими согражданами, но и «покровителями». Поэтому

элитам стран СНГ объективно выгоднее ориентироваться на интересы своей страны и собственного народа . (Процесс осознания этого обстоятельства все-таки идет. В качестве примера можно сослаться, в частности, на Узбекистан, правящая элита которого вовремя разочаровалась в назойливых американских покровителях. И объективно, при наличии политической воли, Россия давно уже могла стать реальным стержневым элементом в интеграции постсоветского пространства. Заявленная Кремлем формула: «Сильное государство в существующих границах» – это не про Россию. Все постсоветские части единой страны в массе своей не самостоятельны. И, если их отталкивает Россия, - значит мы будем находиться в окружении раздираемых противоречиями псевдогосударств, политику которых будут определять геополитические противники нашей страны.

Сейчас реальную интеграцию постсоветского пространства тормозит двойственная позиция самой России. Влиятельная часть российской правящей элиты, заинтересованная в проведении неолиберальной политики, вместе с обслуживающим ее экспертным сообществом, продолжают саботировать объединение

России и Белоруссии. При этом политический ресурс российской власти по сути используется ими как инструмент построения глобального мира. Сегодня стратегию оказавшихся у руля государства чиновников (естественно, не без исключений) можно определить, сославшись на одного из самых видных политологов современной России Александра Панарина, который указывает на переход «от внутреннего колониализма к внешнему, от передачи социалистической собственности от своей номенклатуры к передаче ее номенклатуре глобального мира». Выполнив конкретные задачи, люди, определяющие политику России, устроителями глобального проекта будут отброшены за ненадобностью. Но сегодня они активно мешают возрождению страны.

О чем, например, думали первые лица государства, допустив в прошлом провокацию с газовым конфликтом, а сегодня объявив о резком повышении цен на энергоносители для Беларуси? Разумеется, пойдет торг со стороны «Газпрома» за «Белтрансгаз», но где государственное стратегическое мышление? Мало того, что с Белорусью у нас Договор о коллективной безопасности и она защищает наши

западные рубежи, через которые в прошлом наступал на Россию Запад, но 70% торговли с приоритетным на сегодняшний день «стратегическим партнером» России— Европой проходит через Беларусь. Нам надо быть благодарными белорусскому лидеру за то, что он остается верным памяти наших отцов и пока еще терпит эти наши российские «загогулины».

Непоследовательные действия, которые предпринимает сегодня Россия, не достойны ни ее имени, ни ее авторитета в истории. Нам не пристало сводить свою внешнюю политику к неким непродуманным «спецоперациям» и «политтехнологиям». Мы должны **иметь критерии национальной безопасности и последовательно отстаивать свои интересы**. В этом случае наша страна будет с легкостью обретать союзников.

Современная государственная политика России, к сожалению, оставляет впечатление, что главная наша задача — дальнейшее сползание страны в «третий мир». Патриотическая риторика, которой овладела правящая элита этому процессу не мешает.

Будет ли для России благом, если Белоруссия устанет от безответственного поведения российской

элиты и расставит другие акценты в своей политической стратегии: к этому ее подталкивают Запад, прикормленная этим Западом «оппозиция», а главное — сама Россия, вернее, ее исполнительная власть, которая идет на поводу у крупного бизнеса, допуская провокации, подобные газовой, и позволяя своим мелкотравчатым представителям информации ерничать по поводу лидера дружественной нам страны.

Давление на белорусского лидера и выдвижение российской правящей элитой заранее неприемлемых для Белоруссии условий интеграции на деле ведут к сворачиванию процесса строительства союзного государства. Неправомерны требования России по либерализации экономики Белоруссии. Лозунг трансформации по либеральной модели уже завел Россию в тупик. Наши соседи не должны повторять плачевный российский опыт. Если и идти по пути выравнивания экономических систем, то как раз России надо ориентироваться на Белоруссию как на более успешную.

Нам необходимо четко обозначить свою позицию по отношению к стране, с которой де-факто и де-юре существуют самые тесные союзнические отношения.

В противном случае, мы можем в лице Белоруссии получить новую геополитическую проблему.

Перед Александром Лукашенко стоит сложнейшая задача: выполнить исторически необходимое — воссоединиться с Россией и создать прецедент объединения отпавших частей единой страны для других, но в то же время сохранить своих сограждан от безответственного российского бизнеса, для которых Беларусь всего лишь лакомый кусок.

В рамках СНГ, и даже шире – в Европе, Белоруссия чуть ли не единственная страна, позволяющая себе проводить независимую политику в интересах собственного народа. Здесь сохранены промышленные предприятия, восстановлено сельское хозяйство (напомню об ироничном тоне наших СМИ по поводу главы белорусского государства, отказавшегося от уничтожения колхозов. И позволю себе некоторые цифры: По производству важнейших видов сельскохозяйственной продукции на душу населения Беларусь в последние годы является лидером среди стран СНГ. В 2005 году рост производства в одном только животноводстве составил 15 процентов. Сегодня

там урожайность в среднем 30 центнеров с гектара. Это на треть больше, чем в России, где есть черноземы⁵³. Тогда как в Беларуси земли плодородием не отличаются. Потребности собственного населения в сельскохозяйственной продукции давно перекрыты⁵⁴. Здесь благополучно развивается малый бизнес, который дает 13% в бюджет Беларуси. Однако феноменальный рост белорусской экономики основан на крупном высокотехнологичном промышленном производстве. В минувшем, 2005 году, ВВП Белоруссии увеличился на 9,2 процента, объем промышленного производства — на 10,4 процента. При этом рост в определяющих уровень технического прогресса отраслях машиностроения вновь превысил 15 процентов. Республика демонстрирует впечатляющие темпы экономического роста. Наименьшее число бедных живет в Беларуси. Здесь самая низкая, по сравнению с соседними странами, доля населения, проживающего за чертой

⁵³ 20 центнеров с га

⁵⁴ Так, в настоящее время в Белоруссии производство молока превышает потребности внутреннего рынка на 2 миллиона тонн, а мяса — на 300 тысяч тонн.

бедности - менее 2% (в Латвии этот показатель составляет 11,5%, на Украине - 31,4%). В Беларуси живет наука, существует национальная система образования, население имеет социальные гарантии, а задача возвращения ВВП на уровень 1990г., которую никак не может решить Россия с ее энергоресурсами, уже давно преодолена белорусами (к 2004г. республика превысила докризисный уровень на 17%).

Интеграция России и Беларуси может быть только равноправной, чтобы все, что есть сегодня в Беларуси не пошло «с молотка» по примеру России, где ни о какой стабилизации всерьез говорить не приходится. И то, что А.Лукашенко не бросается сегодня в наши объятия, а пытается балансировать,— совершенно правомерно.

Проводя курс на интеграцию с Россией, белорусский лидер должен сохранить достаточно суверенитета, чтобы суметь дистанцироваться от appetитов российской номенклатурной олигархии. Тем более что речь идет об объединении Белоруссии со страной, изрядно растратившей национальный суверенитет в формировании собственной государственной политики.

Нашу Русь-Россию сегодня растерзали, замызгали, распродали, А там на западе – остался светлый сколок Большой России - *Белой Руси*. И не нашему сомнительному бизнесу ее марасть. На пресс-конференции в конце 2005г. (23 ноября) для представителей СМИ российских регионов А.Лукашенко сказал по поводу иностранных инвестиций в Беларуси, в том числе и российских: «...финансируйте, развивайте, но так, чтобы не в ущерб национальным интересам». Секрет Беларуси прост – здесь власть служит народу, а не криминальному бизнесу. Здесь не практикуется искусственное банкротство предприятий и выкуп их за бесценок, как в России. А потому российский бизнес, в руках которого нынешние российские СМИ, и поднимает вселенский шум о недемократичном Лукашенко.

Нам давно пора отказаться от сказки о плачевном состоянии белорусской экономики, которая якобы станет балластом на шее России. Непристойно также по любому поводу использовать миф о нарушении набивших оскомину «прав человека» в Беларуси. В последнем случае совершенно не обязательно быть аналитиком, чтобы разглядеть здесь заказную ложь. Что

это за «права человека», которые отстаивает белорусская оппозиция? Есть гарантированные конституцией социальные права— и они, как хорошо известно, соблюдаются в Белоруссии лучше, чем в любом другом новообразованном государстве СНГ. Это не фикция, а реальные права. А право безнаказанно клеветать в интересах геополитического противника — это, простите, функция «пятой колонны», никакого отношения к реальным правам населения не имеющее.

Более того, именно в Беларуси, если уж употреблять термин «реальная демократия», существует механизм всенародного обсуждения и принятия решений по особо важным проблемам – Всебелорусское народное собрание. И много ли стран имеет что-нибудь подобное? Этот институт является субъектом власти, представляющим все регионы и слои населения. И в этом случае можно говорить об участии народа в управлении государством (т.н. «прямой демократии»).

Лицемерие обличителей «диктатора Лукашенко» становится очевидным, если сравнить политические режимы Белоруссии и, положим, Средней Азии, где ни о какой оппозиции, например, Туркменбаши, даже и говорить не приходится. Тем не менее отсутствие

«демократии» в этом регионе не слишком заботит международные организации. В то время как о демонстративных акциях ничтожно малой белорусской оппозиции, не имеющей никакой серьезной поддержки у белорусского народа, нас постоянно уведомляют ангажированные СМИ. Собственно, к этому сводится почти вся информация о республике Беларусь в Европе, да, по большому счету, и в России тоже.

Как известно, в Белоруссии ни «бархатной», ни «апельсиново-каштановой», ни всяких прочих революций «роз» не случилось, так как там гораздо выше уровень жизни населения, чем на Украине. К тому же в Беларуси нет такого количества безработных, готовых целыми днями демонстрировать и протестовать. Кстати, в Беларуси – самый низкий уровень регистрируемой безработицы среди стран СНГ и Восточной Европы⁵⁵.

* * *

Политика уступок, проводимая российскими властями, привела к плачевным результатам: НАТО у

⁵⁵ В Беларуси на 1 января 2006 года уровень безработицы составил 1,5% к численности экономически активного населения страны. Данный показатель на 0,4% ниже, чем на 1 января 2005 года.

наших границ, а России брошен очень серьезный вызов, адекватного ответа на который пока что не просматривается. Союз с Белоруссией мог бы стать серьезным фактором сдерживания возможной военной операции против России и других постсоветских территорий. Напомню, что белорусская армия является одной из самых боеспособных в мире

Именно Беларусь с ее откровенно пророссийской политикой препятствует сегодня доминированию США на постсоветском пространстве. Она мешает воплощению давней мечты Запада - создания Черноморско-балтийского пояса из недружественных государств, изолирующих Россию от Европы. И не удивительно поэтому, что США предпринимают беспрецедентные в международной практике шаги по дискриминации белорусского государства и его лидера. Сегодня отношение к последнему со стороны российских политиков является неким индикатором их реальной позиции, с точки зрения национальных интересов России. Чтобы Россия восстановила себя как субъект международной политики, нам надо очень серьезно и уважительно выстраивать свои отношения с Белоруссией.

Реальная интеграция, несомненно, усилила бы позиции России и Беларуси. Тем более, что на сегодняшний день у последней нет ни территориальных претензий к своим соседям, ни религиозных и этнических конфликтов. Все это делает республику Беларусь привлекательным и надежным партнером по интеграции. И еще: пока Беларусь быстро развивается и ориентирована на Россию, последняя имеет важную точку опоры в Восточной Европе. В свою очередь, и Беларусь, опираясь на союз с Россией, может сохранить высокотехнологичную модель своего развития и претендовать на роль регионального лидера, так как вступление в Евросоюз консервирует для вошедших в него стран маргинально-низкий технологический статус в рамках ЕС.

И Беларусь, может вполне оказаться способной за счет регионального экономического сотрудничества предложить «новым европейцам» иную, отличную от Евросоюза стратегию развития данного региона.

В современном мире союз России и Белоруссии оказался на острие глобальных мировых проблем. Главная цель Вашингтона – не допустить политического

образования, способного конкурировать с США. Западные теоретики прекрасно понимают, что регенерация России, если не в прежних исторических границах, то близких к ним, остается реальной. «Независимая газета» в свое время познакомила читателей с рассуждениями З.Бжезинского: (цитирую) «... экономическая и военная интеграция когда-то советских государств под политическим руководством Москвы ускорила бы возрождение России как могущественного национального государства и глобальной державы». На ту же тему неоднократно высказывались и другие ревнители «нового мирового порядка». Вот Генри Киссинджер, например: «Я предпочту в России хаос и гражданскую войну тенденции воссоединения ее народов в единое, крепкое, централизованное государство». Такого рода высказываний представителей западного истеблишмента достаточно. Все формулируется открыто и называется своими именами. Перед Россией сегодня по-прежнему стоит задача смены порочной модели развития страны. Чем стабильнее и лучше Беларусь, тем все более неприемлемой и уродливой выглядит политика других постсоветских

государств, в том числе и Российской Федерации. Присяга России на верность «свободному рынку» и попытки возвести его чуть ли не в ранг национальной идеи, сегодня выглядят карикатурно и отвергаются обществом вместе с чуждыми нам ценностями. И не случайно, фигура Лукашенко обретает в России все большую харизматичность (напомню о результатах голосования в прямом эфире на радиостанции «Эхо Москвы» 82% поддержали Лукашенко и только 18% проголосовали за Путина. И это - аудитория либеральной радиостанции). Такая популярность Лукашенко очень беспокоит российскую правящую элиту. Но мы, похоже, еще не заслужили, в отличие от братских белорусов, такого лидера.

Тем не менее, сегодня, несомненно, идет отрезвление общественного сознания, несмотря ни на какие пиар-технологии. Любая вменяемая власть, если она не примеряет на себя роль камикадзе, не может не корректировать свой курс под давлением общества. Необходимы инициатива снизу и давление общества на власть. И это во многом задача науки и интеллигенции. Сегодня главное – это *возвращение национальных*

приоритетов в государственную политику России. И

это главное не только для построения союзного государства, но и для всей мировой безопасности в целом, где сильная российская государственность всегда играла стабилизирующую роль.
